

Н. И. Грановская

**„Если
ехать вал
случится...“**

„Если ехать вал случится...“

Н. И. Грановская

Карта путешествий А.С. Пушкина

Н. И. Грановская

**„Если
ехать Вал
случится...“**

ОЧЕРК-ПУТЕВОДИТЕЛЬ,
предлагающий путешествие с автором
по пушкинским местам
Гатчинского района
Ленинградской области

Лениздат · 1989

Пушкинский кабинет ИРЛИ

79.1

Г77

Рецензенты: кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора пушкиноведения ИРЛИ АН СССР *О. С. Муравьева*; кандидат философских наук, ассистент кафедры марксистско-ленинской этики и эстетики философского факультета ЛГУ *Е. А. Овчинникова*

Редактор *В. А. Лазарева*

Грановская Н. И.

Г77 «Если ехать вам случится...»: Очерк-путеводитель.— Л.: Лениздат, 1989.— 192 с., ил.

ISBN 5-289-00392-4

Очерк-путеводитель знакомит с пушкинскими местами Гатчинского района Ленинградской области: с Музеем «Домик няни А. С. Пушкина» в селе Кобрине, с Музеем дорожного быта «Дом станционного смотрителя» в деревне Выре, с бывшим имением А. П. Ганнибала — прадеда великого поэта — в Суйде.

Г $\frac{4603020101-306}{M171(03)-89}$ 144—89

79.1

ISBN 5-289-00392-4

© Н. И. Грановская, 1989

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ОТ АВТОРА

Эта книга рассказывает о пушкинских местах Гатчинского района Ленинградской области. Пушкин много путешествовал по этой земле. Здесь жили и родные поэта, и его предки, няня Арина Родионовна, родились ее сказки...

Я посвящаю свой многолетний труд коллегам, замечательным людям, вместе с которыми мне довелось участвовать в создании новых пушкинских музеев в Суйде, Выре и Кобрине (читатель найдет здесь их имена).

Особой благодарной памяти заслуживает один из первых энтузиастов — гатчинский краевед, действительный член Географического общества СССР Ангелий Николаевич Лбовский. Еще в начале 1950-х годов он своими новыми разысканиями наметил пути изучения памятников культуры этого края.

За неоценимую и всестороннюю помощь во время работы над книгой автор выражает глубокую признательность Валентине Павловне Мадисон, Александре Михайловне Мухиной и Ольге Петровне Смирновой — активным членам Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Надеюсь, что книга о пушкинских местах Гатчинского района Ленинградской области призовет к бережному отношению к ним, поможет возрождению и охране этих мест.

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?*

А. С. Пушкин. Дорожные жалобы

„Поедем, я готов...“

Александр Сергеевич Пушкин много путешествовал. В повести «Станционный смотритель» он писал: «В течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям».

«По неволе иль по воле» поэт проделал тысячи верст по дорогам центральных губерний России, Белоруссии, Украины, Бессарабии, Кавказа и Крыма, побывал в Казани, Оренбурге, Уральске, повидал многие русские города и селения.

«Путешествие нужно мне нравственно и физически», — признавался он в письме к П. В. Нащокину в феврале 1833 года. Неустроенные российские дороги Пушкина не пугали. Как и его героем Онегиным, им овладевала «охота к перемене мест». «Что вы вечно на больших дорогах?» — сетовал поднадзорному поэту А. Х. Бенкендорф. Но Пушкину не сиделось на месте. Он хотел совершить путешествие во Францию или Италию, мечтал посетить Китай с отправлявшейся туда миссией. За пределы России поэт выехал лишь однажды, отправившись в путешествие в Арзрум. В рассказе об этой поездке Пушкин писал: «...с детских лет путешествия были моею любимой мечтою».

Словно Одиссей, пожелавший «увидеть мира дальний кругозор», поэт говорит в одном из стихотворений 1829 года:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я...

К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже вочной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем...

Как подсчитали ученые-географы в 1954 году, путь Пушкина равен 34 тысячам километров, — это немало и для профессионального путешественника¹.

Среди дорог, которыми проехал поэт, особое место занимает Белорусский почтовый тракт, шедший от Петербурга в западные губернии России. С ним связаны большие и малые странствия Пушкина. Поэт проезжал по этой дороге множество раз. Это были прежде всего поездки в Царское Село, овечьные дорогами лицейскими воспоминаниями, и многочисленные путешествия в любимое Михайловское. По этому же тракту Пушкин отправился в южную ссылку. Это был и последний, посмертный путь поэта «к милому пределу».

Еще совсем в младенчестве Пушкина возили в родовое имение в Опочечком уезде Псковской губернии родители Надежда Осиповна и Сергей Львович. Летом 1799 года они приехали сюда из Москвы, а глубокой осенью 1800 года отправились из Михайловского в Петербург по тому же Белорусскому тракту.

В июле 1817 года, по окончании Лицея, определившись на службу в Коллегию иностранных дел, поэт со-

¹ Карту путешествий А. С. Пушкина составили действительный член Географического общества СССР П. П. Померанцев и кандидат географических наук И. И. Бабков, изучив материалы Пушкинского дома Академии наук СССР.

вершил свое первое самостоятельное путешествие в деревню предков, в 1819 году — второе, также в июле, когда после болезни, испросив отпуск, Пушкин отправился к родным в Михайловское.

Дорога, ставшая хорошо знакомой, шла, минуя города, селения, почтовые станции, вначале по Санкт-Петербургской губернии (до станции Боровичи), затем по Псковской. Попастъ в Опочецкий уезд можно было как через Порхов, так и через Псков. Как сказано в «Почтовых дорожниках» пушкинского времени, белорусское направление имело разветвления и объезды. Пушкин обычно ездил через Порхов, но иногда заезжал и в Псков.

1820 год был началом больших странствий поэта. За вольнолюбивые стихи и эпиграммы Пушкин, едва избежав ссылки в Сибирь или на Соловки, был по приказу Александра I выслан из Петербурга на юг России. К месту своего назначения, в город Екатеринослав, поэт выехал в мае 1820 года по Белорусскому почтовому тракту.

Дорога огибала Царское Село с правой стороны. Первая от столицы почтовая станция — София — находилась на окраине Царского Села, недалеко от Орловских ворот. Здесь стоял Софийский почтовый дом, каменный, двухэтажный, с колоннами, двуглавым орлом на фронтоне (эта эмблема Российской империи украшала фасады всех без исключения, в том числе и небольших, почтовых станций России). Стоявший вблизи почтового дома массивный верстовой столб (он сохранился до наших дней) показывал пройденные версты: «От Санкт Петербурга — 22».

Был обычай провожать до этой первой остановки отъезжающих в далекий путь. Известно, что Пушкин доехал до Софии с лицейскими товарищами А. А. Дельвигом и П. Л. Яковлевым.

В конце июля 1824 года Пушкин, находившийся в южной ссылке, по повелению царя был отправлен из Одессы в псковское имение матери. Значительную часть пути, от Чернигова до Опочки, он вновь проехал по Белорус-

скому почтовому тракту. В годы ссылки поэт много раз проезжал по одному из участков этой дороги, бывая в Пскове; в сентябре 1826 года он проехал по ней с присланным из Пскова жандармским офицером. Отсюда с фельдъегерем по приказу Николая I его отправили в Москву. Из Пскова он проехал по Белорусскому тракту до Боровичей (четвертая станция от Пскова по направлению к Петербургу). Далее же фельдъегерская тройка свернула через Валдай, Торжок и Тверь на Москву. Ссылка закончилась, но в ноябре 1826 года Пушкин снова посетил место своего прежнего заточения. Тем же путем он проехал из Москвы до Боровичей, а далее знакомым трактом, через Порхов и Новоржев, добрался до Михайловского. На обратном пути поэт заехал в Псков, а оттуда через Боровичи снова выехал на московскую дорогу.

В 1827 году, в конце июля, поэт отправился в Михайловское из Петербурга, проехав, как обычно, через Царское Село и далее по знакомому тракту. Возвращаясь из этой поездки в Петербург, Пушкин 14 октября на станции Залазы неожиданно встретился с лицейским товарищем В. К. Кюхельбекером, осужденным по делу декабристов. Его, как государственного преступника, везли вместе с другими арестантами из Шлиссельбурга в Динабургскую крепость. Поэт записал в дневнике: «Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и усаkali...»

В 1835 году по этому тракту Пушкин проехал дважды. Из Петербурга до Михайловского и обратно он проделал путь в мае, когда провел в псковском имении всего несколько дней. И во второй раз поэт приехал туда же в сентябре, а в октябре вернулся в Петербург.

В 1836 году, 29 марта, в Петербурге умерла мать Пушкина Надежда Осиповна. Поэт отвез ее тело для погребения в Святогорский монастырь Псковской губернии,

на родовое кладбище. Известно, что тогда же, после похорон матери, подле ее могилы он купил место для себя. Менее чем через год, уже мертвого, Пушкина в последний раз провезли по Белорусскому тракту на перекладных для предания земле в Святогорском монастыре.

Так случилось, что поэт, много странствовавший по этой земле, совершил по ней и свой последний путь.

Известно, что тело Пушкина отправили в сопровождении жандарма. Правительство Николая I испугалось изъяснения народной скорби после смерти поэта. «...Многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии», — писал в донесении шеф жандармов А. Х. Бенкендорф.

Прах Пушкина увезли из Петербурга тайно ночью. Только одному из ближайших друзей поэта, А. И. Тургеневу, разрешено было проводить его. В письмах и дневнике Тургенев описал это последнее «путешествие» поэта: «3-го февраля в полночь мы отправились из Конюшенной церкви с телом Пушкина в путь, я с почтальоном в кибитке позади тела; жандармский офицер впереди оного...»

Тургенев имел особую подорожную: только с ней покойника можно было везти на перекладных. При перевозе мертвого тела длительные остановки на станциях не разрешались (стоять можно было только у церквей). Похоронный поезд мчался по тракту с необычайной быстротой. Везде по требованию жандармского капитана без задержки перепрягали лошадей.

Об одной остановке сохранился рассказ современника. Профессор А. В. Никитенко 12 февраля 1837 года записал в дневнике:

«Дня через три после отпевания Пушкина увезли тайком... в деревню. Жена моя возвращалась из Могилева и на одной станции неподалеку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею. Три жандарма суетились на почтовом

дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом.

— Что это такое? — спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян.

— А бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит — и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости господи, как собаку!»

Станцией «неподалеку от Петербурга», название которой не запомнилось, могла быть деревня Выра.

Такие известные первые от столицы остановки, как Царское Село и Гатчина, были городами — они, вероятно, запомнились бы жене Никитенко.

Похоронный поезд выехал из Петербурга в ночь с 3 на 4 февраля, а 5 февраля в седьмом часу вечера гроб с телом поэта находился уже в двух верстах от Святогорского монастыря, в Тригорском.

6 февраля 1837 года был совершен обряд похорон. Тело великого поэта предали земле в Святогорском монастыре, на родовом кладбище Пушкиных и Ганнибалов.

В наши дни дорога из Ленинграда до Пушкинских Гор стала одним из самых любимых и оживленных экскурсионных маршрутов. Она соединяет два Государственных Пушкинских заповедника — город Пушкин (бывшее Царское Село) и Михайловское.

В особый маршрут выделен отрезок пути, ставший Пушкинским музейным кольцом Гатчинского района Ленинградской области. В него входят музеи «Дом станционного смотрителя» в деревне Выре, «Домик няни А. С. Пушкина» в деревне Кобрино и Музей истории Суиды в бывшей усадьбе прадеда поэта — А. П. Ганнибала.

...Почти все почтовые тракты мне известны...

А. С. Пушкин. Станционный смотритель

Как путешествовали в старину

Когда не было железных дорог, путешествия на лошадях по почтовым трактам, поневоле медлительные, с неизбежными задержками в пути, превращались в событие. Не случайно тема дороги заняла большое место в произведениях поэтов и писателей той поры.

В первой главе романа «Евгений Онегин» Евгений едет в деревню дяди, «летя в пыли на почтовых».

Далее он отправляется в странствие по России:

Он собрался, и, слава богу,
Июля третьего числа
Коляска легкая в дорогу
Его по почте понесла.

(Отрывки из путешествия Онегина)¹

Почтовые — так назывались казенные лошади, их путник менял на почтовых станциях.

Слово «почта» (от латинских *posita, statio*) стало обозначать станцию с переменой лошадей. В деле организации регулярной почты в России особенно велики заслуги Петра I. Почта доставляла корреспонденцию и обслужи-

¹ Тексты Пушкина (кроме тех, которые оговорены) даются по изданию: *Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977.*

вала путешествующих по казенной надобности. По указу Петра I право пользоваться почтовыми лошадьми получили затем и частные лица за двойные прогоны.

С середины XVIII века почта все более использовалась как средство передвижения. С этого времени быстро увеличивается число почтовых трактов. Высокие почтовые тарифы и низкое жалованье почтовых служащих делали ее доходной статьей государства.

В конце XVIII века появились специальные почтовые тройки (три лошади, запряженные в почтовую кибитку). На них в первую очередь перевозилась государственная срочная корреспонденция, пересылаемая с нарочными фельдъегерями и курьерами. Езда на тройках позднее широко вошла в быт людей, но на первых порах так ездили только из Петербурга в Царское Село и до Нарвы (по самым лучшим в то время дорогам). Вскоре стали привязывать к дуге коренной (средней) лошади колокольчик. А в первой трети XIX века была изобретена особая троечная упряжь с колокольцами и бубенцами. Звон колокольчиков на больших дорогах помогал не сбиться с пути, предупреждал, когда надо было разминуться со встречной почтой. Для той же цели в Западной Европе пользовались почтовым рожком, а к лошадям привязывали погремучки. Вспоминая прусских извозчиков, Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» писал: «Длинные фуры цугом; лошади пребольшие, и висящие на них погремучки производят несносный для ушей шум».

Русские почтари также обязаны были извещать о своем приближении почтовым рожком. Однако чисто национальным изобретением, накрепко вошедшим в дорожный быт России, стал почтовый колокольчик.

Быстрая езда под его мелодичный звон, воспетая многими поэтами XIX века, стала достоянием бытового романса и народной песни. Поэт П. А. Вяземский писал о звоне колокольчика в стихотворении «Еще тройка»:

Русской степи, ночи темной
Поэтическая весть!
Много в ней и думы томной,
И раздолья много есть.

На всех трактах для перемены лошадей и отдыха были устроены почтовые станции. Каждая из них имела определенное количество лошадей и экипажей в зависимости от разряда, к какому она принадлежала. Станции первого разряда строились в губернских городах, второго — в уездных. Небольшие населенные пункты имели станции третьего и четвертого разрядов с небольшим количеством лошадей.

Почтовая станция находилась в ведении чиновника — станционного смотрителя. В обязанность его входило проверять подорожные (так назывался документ, в котором обозначались маршрут, чин и звание путешественника), получать прогоны и отпускать лошадей.

За лошадей взымались прогонные деньги — за каждую лошадь и версту. Пробег лошадью одной версты стоил в зависимости от тракта от восьми до десяти копеек. Исчисление верст начиналось от городских почтамтов. Первый почтамт в России (Почтовый двор) был открыт в Петербурге в 1714 году, когда новая столица стала центром регулярной связи. Вначале деревянный, он был построен вблизи нынешнего Марсова поля.

Все главные дороги государства были размечены верстами (верста равняется 1067 метрам). Через каждую версту ставился столб с цифрами. На одной стороне столба обозначались версты пройденные, на другой — оставшийся путь до конечного пункта.

Почтовые станции с конца XVIII века строились по типовым проектам и в Центральной России располагались примерно на расстоянии от 18 до 25 верст. Проехав этот путь и доставив почту или людей до следующей станции, ящик с лошадьми возвращался обратно. Почта работала по эстафетному способу.

Чтобы путешествовать с большим комфортом и не перекладывать (отсюда «ехать на перекладных») на каждой станции багаж в другую кибитку, считалось более удобным для путешественника пользоваться своим экипажем и менять на станциях только лошадей.

В зависимости от времени года существовали разные экипажи. Летом пользовались кибитками, двухместными и четырехместными колясками, бричками и каретами. Зимой ездили в санях и возках (последние представляли собой сани с кузовом в виде низенькой кареты с небольшими окошечками).

Для русских дорог самыми удобными экипажами были по летнему времени телега и коляска, для зимы — простые сани или кибитка — сани с навесом из кожи, натянутым на прутья.

Род экипажа свидетельствовал о большем или меньшем благосостоянии путешественника.

В очень громоздких, но комфортабельных дорожных каретах были предусмотрены самые разнообразные принадлежности для путешествия. Описание такой кареты дано Пушкиным в отрывке задуманного, но неосуществленного «Романа на кавказских водах»: «...Что за карета! игрушка, заглядение — вся в ящиках, и чего тут нет: постеля, туалет, погребок, аптечка, кухня, сервиз».

Громоздкие экипажи лошади везли цугом — гуськом, по две в ряд. В один экипаж нередко запрягались от шести и более лошадей. Число их зависело и от важности путешествующей персоны, но из-за плохих дорог часто являлось настоящей необходимостью. Даже летом путешествовать оказывалось нелегко, не говоря уже о весенней и осенней распутице.

Пушкин писал 20 августа 1833 года жене из Торжка: «Ямщики закладывают коляску шестерней, страдая меня грязными проселочными дорогами». И позднее ей же из Москвы: «...меня насилу тащили шестерней».

Из-за плохих дорог часто ломались экипажи, особенно заграничные, выписанные, не рассчитанные на большие расстояния и плохие дороги.

25 сентября 1832 года Пушкин писал Наталье Николаевне: «Каретник мой плут; взял с меня за починку 500 руб., а в один месяц карета моя хоть брось...» Несколько ранее ей же поэт описывал свое путешествие в Москву на «выписном» дилижансе: «Велосифер, по-русски поспешный дилижанс... поспешал как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случалось мне сделать три станции... отроду не видывал ничего подобного...»

В 1816 году в России начали строительство первого шоссе между Петербургом и Москвой. Дорога была окончена в 1834 году. Теперь расстояние между двумя столицами покрывалось в четыре дня вместо прежних пяти-шести суток. Современникам это казалось чудом. Но в 1820-х годах, когда создавался «Евгений Онегин», шоссе были еще мечтой. В седьмой главе романа Пушкин писал:

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ...
* : * * * * *
...дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир.

Далее поэт посвящает строки русским дорогам и трудному быту путешественников:

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи

Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит,
Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнем
Российским лечат молотком
Изделе легкое Европы,
Благословляя колес
И рвы отеческой земли.

С какой же скоростью путешествовали в ту пору? Несмотря на состояние дорог, ездили относительно быстро благодаря необыкновенному искусству русских ямщиков. Скорость передвижения на дорогах России поражала и пугала иностранцев. Аббат Жоржель вспоминал в своем «Путешествии в Петербург в царствование императора Павла I»: «Русские ямщики везут крайне быстро, почти все время лошади несутся вскачь... постоянно рискуешь сломать экипаж и опрокинуться, и приходится угрожать им для того, чтобы заставить их ехать медленнее».

Но у Пушкина герой одной из незавершенных повестей («В 179 * году возвращался я...») говорит: «Я погнался почтаря, хладнокровного моего единоплеменника, и душевно жалел о русских ямщиках и об удалой русской езде». А современный поэт Г. В. Гераков писал в «Путевых записках по многим российским городам»: «Дороги одна другой хуже, мосты еще дурнее, ямщики молодцы, лошади хороши».

Существовали правила, по сколько верст в час ямщики могли возить «обыкновенных проезжающих». Так, в осеннее время полагалось везти восемь верст в час, в летнее — десять, а в зимнее, по санному пути, — двенадцать. Эти правила не распространялись на курьеров и фельдъегерей, которые, как сказано о них, «имеют быть возимы столь поспешно, сколько сие будет возможно».

Обычная скорость при гоньбе на почтовых днем и ночью составляла около ста верст в сутки. Но, договариваясь с ямщиками, путешественники проезжали по зимней дороге в сутки и по двести верст.

О такой быстрой езде Пушкин говорит в седьмой главе «Евгения Онегина», сравнивая русского ямщика с Автомедоном — возницей Ахиллеса из «Илиады» Гомера:

Зато зимы порой холодной
Езда приятна и легка.
Как стих без мысли в песне модной —
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, теща праздный взор,
В глазах мелькают как забор.

Последние строки поэт снабдил в примечании услышанным анекдотом о быстрой фельдъегерской и курьерской езде: «К... рассказывал, что, будучи однажды послан курьером от князя Потемкина к императрице, он ехал так скоро, что шпага его, высунувшись концом из тележки, стучала по верстам, как по частоколу».

Для путешествия на почтовых выдавалась подорожная. Без нее или иного документа, удостоверявшего личность путешественника и цель поездки, нельзя было выехать за черту города. Караульные офицеры у застав записывали проезжающих в особые списки. Данные о дворянах, выехавших и въехавших в столицы и губернские города, публиковались в газетах. Только после проверки документов поднимался шлагбаум и путник мог покинуть город или въехать в него.

«Подорожные выдаются,— говорится в почтовых правилах для проезжающих,— в городах: губернских от начальников губерний, областных от начальников областей, а в уездах — от городничих, без подорожной же никто не может получить почтовых лошадей».

В том случае, когда помещик отправлял своих слуг за покупками в город, он также выписывал им нечто

вроде подорожной — билет. Тогда вместо чина и звания сообщались приметы крепостных.

Подобный документ сохранился в бумагах А. С. Пушкина. Он написан рукой самого поэта измененным почерком. Получив известие о смерти императора Александра I (эта весть дошла до Пушкина 29 ноября 1825 года), поэт решил ехать в Петербург, для чего и написан был этот билет сильно измененным почерком, будто бы от имени соседки, тригорской помещицы П. А. Осиповой. Текст его таков:

БИЛЕТ

Сей дан села Тригорского людям: Алексею Хохлову росту 2 арш. 4 вер. волосы темнорусые, глаза голубые, бороду бреет, лет 29, да Архипу Курочкину росту 2 ар. 3 1/2 в. волосы светлорусые, брови густые, глазом крив, ряб, лет 45, в удостоверение, что они точно посланы от меня в С.-Петербург по собственным моим надобностям, и потому прошу господ командующих на заставах чинить им свободный пропуск.

Текст билета свидетельствует о том, что под именем Алексея Хохлова скрывался сам Пушкин. Приметы «Хохлова» совпадают с приметам поэта. Годы себе Пушкин прибавил, очевидно считая, что на вид ему можно дать больше.

План побега осуществлен не был. Вскоре пришла весть о поражении восстания и арестах в столице.

Почтовые лошади отпускались согласно указанным в подорожной чину и званию путешественника, что строго регламентировалось «Высочайше утвержденными распоряжениями». Начало этому было положено петровской «Табелью о рангах». Едущему «по казенной надобности» оплачивались прогоны.

Чем выше был чин путешественника, тем больше лошадей ему полагалось. Например, особы 1-го класса: генерал-фельдмаршал, генерал-адмирал, канцлер и другие — могли при надобности потребовать на станции 20 лошадей; особы 2-го класса: митрополиты, архиереи

и действительные тайные советники, придворные, состоящие во 2-м классе, члены государственного совета и сенаторы — 15 лошадей; особы 3-го класса: генерал-лейтенант, вице-адмирал, придворные особы 3-го класса, тайные советники и все другие чины 3-го класса — 12 лошадей и так далее — чем ниже чин, тем меньше лошадей полагалось. Особы с 9-го по 14-й класс: капитаны, штабс-капитаны, лейтенанты, титулярные советники, все военные и морские обер-офицеры и прочие чины — имели право на трех лошадей, нижним же чинам и служителям полагалось всего по две лошади.

Пушкин по выходе из Лицея получил чин коллежского секретаря (13-й класс), а позднее, с 1831 года, имел чин титулярного советника (10-й класс). У него было право только на трех лошадей.

Сохранилась подорожная поэта, с которой он ехал по Белорусскому почтовому тракту, когда его под видом служебной командировки отправили в первую ссылку: «По указу Его Величества, Государя Императора Александра Павловича Самодержца Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая показателя сего, Ведомства Государственной Коллегии иностранных дел коллежский секретарь Александр Пушкин отправлен по надобности службы к Главному попечителю колонистов Южного края России, Г. Генерал-лейтенанту Инзову; почему для свободного проезда сей пашпорт из оной Коллегии дан ему в Санкт-Петербурге мая 5 дня 1820 года»¹.

Когда через четыре года поэта по приказу царя высылали уже в новую ссылку, в Псковскую губернию, ему выдали прогоны от Одессы до Пскова согласно чину. «На прогоны к месту назначения по числу верст 1621, на 3 лошади, выдано ему денег 389 руб. 4 коп.», — писал в донесении в июле 1824 года одесский градоначальник.

¹ В документах и письмах XVIII—XIX веков сохранены особенности орфографии и пунктуации того времени,

Фельдъегери и курьеры получали лошадей на почтовых станциях вне очереди. Для них должны были всегда стоять готовые тройки. Но если курьерские лошади были в разгоне, фельдъегерям отдавали любых, бывших в наличии. Затем получали лошадей путешественники в порядке чинов. Человек нечиновный, незнатный голоса на почтовом тракте не имел. Ему подолгу приходилось просиживать в ожидании на станциях. «Чины в России необходимость, хотя бы для одних станций, где без них не добьешься лошадей», — говорит у Пушкина один из персонажей неоконченного «Романа в письмах».

Но всего хуже было путешественнику, когда он не имел подорожной. «Кто ездил по почте, — писал А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву», — тот знает, что подорожная есть оберегательное письмо, без которого всякому кошельку, генеральский, может быть, исключая, — будет накладно...»

Кроме подорожной для особых случаев в дорожном обиходе существовал лист для смотрителей — о безостановочном отпуске почтовых лошадей. Отпечатанный на специальном бланке лист выдавался «отличным путешественникам и проезжающим по казенной или особой надобности».

Лист для смотрителей не исключал необходимости иметь подорожную, но лошади при наличии его представлялись если не безостановочно, то, во всяком случае, быстрее, чем обычно.

Был случай, когда и А. С. Пушкин воспользовался таким листом. Он получил его по знакомству от московского почт-директора А. Я. Булгакова. Отправляясь в дальний путь из Москвы в Казанскую и Оренбургскую губернии собирать материалы для «Истории Пугачева», поэт опасался, что большая часть времени уйдет на ожидание лошадей на станциях. В письме к жене от 2 сентября 1833 года Пушкин писал, что перед отъездом из Москвы он нанес визит А. Я. Булгакову, чтобы «выпро-

сить лист для зрителей, которые очень мало меня уважают, несмотря на то, что я пишу прекрасные стишки». Такие листы о безостановочном отпуске лошадей хранятся и поныне в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде, в делах Главного почтового управления. А. Я. Булгаков, приятель А. И. Тургенева, одного из друзей Пушкина, безусловно располагал такими бланками и смог выручить поэта. Листы для зрителей обычно выдавались чиновникам особых поручений. История с листом имела продолжение: Пушкин 18 сентября 1833 года прибыл в Оренбург и остановился здесь у оренбургского военного губернатора В. А. Перовского — брата писателя А. А. Перовского, с которым поэт был близко знаком. Перовский в это время получил письмо от нижегородского губернатора. Речь в нем шла о Пушкине. «Никак не верю,— писал губернатор,— чтобы он разъезжал за документами о пугачевском бунте. Должно быть, ему дано тайное поручение собирать сведения о неисправностях». Письмо рассмешило поэта: его принимали за ревизора. Потом он подал Гоголю мысль о возможности такого сюжета и считал себя крестным отцом его комедии «Ревизор».

Если путешественник не имел подорожной, он должен был заботиться о себе сам, нанимать ямщиков и лошадей по вольной, договорной цене или пытаться получить их на тех же почтовых станциях, за все платя втридорога. Это называлось путешествием «на вольных».

О трудностях езды без подорожной рассказывала кавалерист-девица Н. А. Дурова, описывая свою поездку в Петербург в 1836 году в автобиографической повести «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения»:

«Поезжайте без подорожной... Вольные повезут дешевле... Я последовала этому необдуманному совету... Вольные ямщики очень подробно вычисляли, чего бы

мне стоило проехать на почтовых станцию, и требовали с меня гораздо больше...

Несколько станций пробовала я брать лошадей почтовых, и меня очень забавляли кривлянья и миганья с таинственным видом некоторых зрителей, приведенных в восторг тем, что к ним прикатил без подорожной человек, вид которого показывал не имеющего понятия ни о каких хитростях... Зритель садился за стол, развертывал книгу, оборачивал голову к двери и, крикнув: «Проворнее лошадей!» — оборачивался тотчас же ко мне: «Вашу подорожную?» — «У меня нет ее», — отвечала я откровенно... После нескольких станций, на которых надобно было платить налево и направо, за все и про все, да еще и очень дорого, поехала я опять на вольных, но тут было еще хуже...

«С подорожной я заплатила бы от Казани до Петербурга не более трехсот рублей, без нее я издержала ровно шестьсот», — писала Дурова.

Некоторые путешественники предпочитали «вольных» лошадей, так как боялись быстрой езды — «гоньбы» — на почтовых. Путешествия не всегда бывали благополучны. Из-за плохой дороги либо по причине скорой езды, к которой часто ямщика побуждал и сам нетерпеливый путник, на дорогах опрокидывались экипажи.

Об одном таком случае Пушкин писал 1 декабря 1826 года из Пскова в Москву В. П. Зубкову:

«...выехал 5—6 дней тому назад из моей проклятой деревушки на перекладной из-за отвратительных дорог.

Псковские ямщики не нашли ничего лучшего, как опрокинуть меня; у меня помят бок, болит грудь, и я не могу дышать. Жду, чтобы мне стало хоть немного лучше, дабы пуститься дальше на почтовых...»

Самым спокойным был еще широко распространенный в то время старинный способ езды «на своих», или «на долгих». Лошадей тогда обычно не нанимали, а пользовались своими и на одних и тех же лошадях ехали

всю дорогу «от места до места», давая им отдохнуть в пути.

В таких случаях путники, не имея необходимости в казенных, почтовых лошадях, делали остановки там, где находили нужным, не завися от расположения почтовых станций.

Езда «на долгих» с длительными остановками для корма и отдыха лошадей без ночной гоньбы, характерной при пользовании почтовыми, действительно была медленной, долгой, но обходилась дешевле.

Пушкин писал в седьмой главе «Евгения Онегина»:

...Ларина тащилась,
Боясь прогонов дорогих,
Не на почтовых, на своих...

При езде «на долгих» помещики снаряжали целый обоз для себя, для слуг и множества везомых с собой вещей, продуктов и корма для лошадей. Такой, по тем временам скромный, выезд бережливой помещицы Лариной изображен в романе Пушкина:

Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякого добра.

.....
Поднялся шум, прощальный плач!
Ведут на двор осьмнадцать кляч,
.....
В возок боярский их впрягают,
.....
Горой кибитки нагружают...

Все три способа передвижения были известны Пушкину и испытаны им не раз. Он много ездил «на своих», а во время странствий нанимал и «вольных» ямщиков.

Свидетельство об этом сохранилось среди прихода-расходных записей в его бумагах и записных книжках¹.

Но из описанных самым верным было путешествие на почтовых. Государственная почта с ее эстафетным способом перевозок от станции к станции гарантировала надежность передвижения. Свой экипаж в пути мог сломаться, лошади выйти из строя. Сколько раз приходилось путешественникам, оставя свою поврежденную карету и лошадей, отправляться далее на почтовых.

Пушкин жаловался С. А. Соболевскому в письме из Михайловского в Москву от 9 ноября 1826 года: «Восемь дней был в дороге, сломал два колеса и приехал на перекладных». «По почте» можно было вернее, а главное, быстрее добраться до места.

Издавна путешествие считалось полезным и целебным занятием. В январе 1830 года Пушкин шутя советовал знакомому М. О. Судиенко: «Милый Судиенко... ты пишешь, что потерял аппетит и не завтракаешь так, как обычно... приезжай на почтовых в Петербург, и аппетит вернется».

Позднее писатели XIX века много говорили о благотворном действии дороги. С. Т. Аксаков в своей хронике «Детские годы Багрова-внука» писал: «Дорога удивительное дело! Ее могущество непреодолимо, успокоительно и целительно. Отрывая вдруг человека от окружающей его среды, все равно, любезной ему или даже неприятной, от постоянно развлекающей его множеством предметов, постоянно текущей разнообразной действительности, она сосредоточивает его мысли и чувства в тесный мир дорожного экипажа, устремляет его внимание сначала на самого себя, потом на воспоминание пропешшего и, наконец, на мечты и надежды — в будущем...»

Полезной считалась и быстрая езда, как придающая энергию и отвагу встряска для организма. О ней говорит

¹ См.: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л.: Academia, 1935, с. 361—362.

Н. В. Гоголь в поэме «Мертвые души»: «И какой же русский не любит быстрой езды?.. Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое?..»

Путешествия на лошадях делали дорогу запоминающейся. При таком способе передвижения Россия казалась бескрайней. У Пушкина: «От финских хладных скал до пламенной Колхиды» («Клеветникам России»); у Гоголя: «...хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь» («Ревизор») или «ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты...» («Мертвые души»).

Путешествующий близко видел и ощущал родную землю, и потому так особенно характерна для русской литературы с конца XVIII и до середины XIX века связь темы дороги с образом родины. Например, у А. Н. Радищева в его «Путешествии из Петербурга в Москву» дорога — это и сама Россия. Через путешествие познает Русь и пушкинский герой:

Онегин едет; он увидит
Святую Русь: ее поля,
Пустыни, грады и моря.

Гоголь саму Русь сравнивает с «бойкой необгонимой тройкой» и, чтобы также показать Россию, в «Мертвых душах» отправляет в дорогу своего героя Чичикова.

Дорога порождает образ отчизны и в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Родина»:

Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

С дорогой была связана также тема разлуки и неизвестности, ожидающей путешественника на чужбине.

Грусть расставания, которой полны памятники народной поэзии, находит особое выражение у русских писателей конца XVIII и первой половины XIX века.

Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» обращается к друзьям: «Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце мое привязано к вам всеми нежнейшими своими чувствами, а я беспрестанно от вас удаляюсь и буду удаляться!.. Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения?.. Но когда пришел желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми в свете».

В седьмой главе «Евгения Онегина» грустит, покидая родной дом, Татьяна:

«Простите, мирные места!
Прости, приют уединенный!
Увижу ль вас?..» И слез ручей
У Тани льется из очей.

Было ли путешествие желанным или вынужденным, впереди оно таило неведомое. Что же ждет путника впереди?

Кто сей путник и отколе,
И далек ли путь ему?
По неволе иль по воле
Мчится он в ночную тьму?
На веселье, иль кручину,
К ближним ли под кров родной,
Или в грустную чужбину
Он спешит, голубчик мой?

(П. А. Вяземский. Еще тройка)

Вернется ли путник в покинутый родной дом и к своим друзьям и найдет ли их прежними после долгой разлуки? Какова судьба его?

В русском языке, народном поэтическом творчестве и произведениях литературы темы дороги (пути) и человеческой судьбы сближались с давней поры.

В стихотворении «19 октября» 1825 года Пушкин, обращаясь к лицейскому товарищу А. М. Горчакову, писал:

Нам разный путь судьбой назначен строгий;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:

Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Как символ человеческой судьбы, быстро текущей жизни и невозвратности уходящего времени тема дороги-судьбы волновала поэтов со времен античности¹.

Она нашла отражение и в русской поэзии. Так, например, в 1825 году Е. А. Баратынский написал стихотворение «Дорога жизни». Время уподобляется в нем почтовым лошадям.

В дорогу жизни снаряжая
Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Дает известный нам запас:
Нас быстро годы почтовые
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми путевые
Прогонны жизни платим мы².

В 1823 году Пушкин, словно заимствуя образ из мировой поэзии, написал «Телегу жизни». В его стихотворении вместо «легкой колесницы» и «солнечных коней»³ — «телега» и «ямщик лихой»:

¹ У истоков этой темы лежал античный миф о Фаэтоне — сыне Гелиоса — бога солнца (согласно мифу, Гелиос каждое утро выезжает с востока в колеснице, запряженной четверкой быстропогих огнедышащих коней, а вечером на западе спускается в океан. Фаэтон умолил отца доверить ему управление колесницей на один день, но не смог справиться с конями и погиб). Поэтический миф о Фаэтоне (в XIX веке фаэтоном был назван особый вид легкой коляски) по-разному интерпретировался многими авторами, и мы лишь коснемся этой большой темы.

² Стихи позднее получили и второе название — «Путевые расходы»: путник платит за проезд «снами золотыми». По-своему находит здесь отражение тема Фаэтона, заплатившего жизнью за путешествие на солнечной колеснице.

³ Гете писал в книге «Из моей жизни. Поэзия и правда»: «...мчат солнечные кони легкую колесницу судьбы, и нам остается лишь твердо и мужественно управлять ими... Куда мы несемся, кто знает?!»

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел! „

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

Путник у Пушкина совершает в «Телеге жизни» свой обычный человеческий путь, он проезжает в ней утро, полдень и вечер своей жизни, а гонит лошадей «седое время».

У Пушкина немало стихов, связанных с дорожными впечатлениями и размышлениями. Одно из них он начал писать в 1833 году и затем вернулся к нему в конце 1835 года. Текст остался незавершенным. В черновых рукописях несколько вариантов. По ним можно судить, что поэт хотел рассказать о каком-то путешествии. В черновиках в одном случае речь о дороге «От ** к Москве», в другом строки: «Там, где ровный и отлогий путь под Волгою лежит»¹. Обработанный в 1835 году набело отрывок наводит на мысль о дороге на Псков. Но в то же время этот почти лишенный географических указаний окончательный набросок позволяет судить об основной мысли стихотворения. Она заключена в том, что путешественник проездом невидимо наблюдает и познает чужую жизнь:

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. 3, с. 403, 4012—4013.

Если ехать вам случится
От **** на **,
Там, где Л. струится
Меж отлогих берегов,—
От большой дороги справа,
Между полем и селом,
Вам представится дубрава,
Слева сад и барский дом.

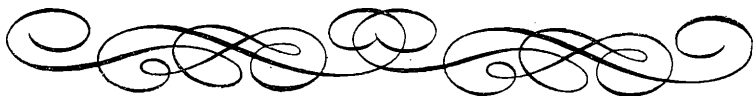
.
И, ездой скучая, мимо
. развлечен,
Путник смотрит невидимо
На семейство, на балкон.

Проезжая по одной и той же дороге, путник видит все тот же пейзаж и одних и тех же людей — дом и сидящее на балконе семейство, и каждый раз он наблюдает их жизнь невидимо от них.

К этому приему не раз обращался Пушкин в своем творчестве. Рассказ постороннего человека, наблюдающего чужую жизнь, стал основой повести «Станционный смотритель», где так полно отражены путевые впечатления поэта и дорожный быт России¹.

¹ См.: Берковский Н. Я. Статьи о литературе. М.—Л.: Гослитиздат, 1962, с. 323.

*...Редкого зрителя не знаю я в лицо,
с редким не имел я дела... Сии столь
ожелеветанные зрители вообще суть
люди мирные, от природы услужливые,
склонные к общежитию, скромные в при-
язаниях на почести...*

*Из их разговоров (кои ми некстати пре-
небрегают господя проезжающие) можно
почерпнуть много любопытного и поучи-
тельного...*

А. С. Пушкин. Станционный зритель

Музей литературных героев А. С. Пушкина и дорожного быта России¹

Посетитель, переступивший порог Музея «Дом станционного зрителя», попадает в обстановку типичной почтовой станции пушкинского времени. В сенях, освещенных тусклым фонарем, его встречают «Высочайше утвержденные дорожные правила»: «Желающий ехать на почтовых лошадях должен испросить на месте своего пребывания подорожную; без подорожной же никто не может получить почтовых лошадей».

Планировка интерьеров музея, воссозданная по архивным документам и повести А. С. Пушкина «Станци-

¹ Экспозиция музея может поведать не только о Пушкине. Она словно иллюстрирует и произведения многих русских писателей. Известно, что в литературе той поры были обычны и естественны изображения постоянных дворов, придорожных трактиров и почтовых станций.

Писатели и драматурги прошлого часто избирали большую дорогу и почтовую станцию местом действия. Дорожный быт эпо-

онный смотритель», типична: «Парадный крылец и сени. Направо комната для проезжающих с кафельной печью, при оной другая комната» (речь идет о смотрительской). Из небольших сеней сюда можно было войти, чтобы предъявить подорожную. Смотритель записывал этот документ, имя и чин проезжающего в специальную «шнуровую книгу» (в ней велась регистрация всех проехавших, и можно было узнать, кто бывал здесь и когда). Согласно подорожной смотритель отпускал полагающееся количество лошадей. Если же свободных лошадей не было, предлагал отдохнуть на станции. Для этого в станционном доме имелось специальное помещение — чистая половина для господ проезжающих. В доме же слева от сеней находилось помещение для ямщиков — ямщицкая половина.

В экспозиции учтены и все детали пушкинской повести. Вырин — смотритель станции, бедный чиновник, вдовец. Человек, не имеющий своего угла, он живет на самой станции, терпя постоянное беспокойство от проезжих. Вместе с ним в каморке за перегородкой ютится и его единственная дочь Дуня (ее комнатка — это та самая смотрительская, вход в которую из сеней сейчас

хи давал возможность для неожиданных встреч главных героев и различных персонажей, направлявших развитие сюжета. Дорога как место различных происшествий (не говоря о жанре путешествий, где она является самой темой повествования) — распространенный прием в русской и западноевропейской литературе начиная с XVIII века.

Почтовую станцию, постоялый двор и большую дорогу мы находим не только у Карамзина, Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Как излюбленное место действия дорогу избирали для своих героев известные писатели XIX века: М. Н. Загоскин, В. И. Карлгоф, Р. М. Зотов, Н. П. Греков и другие. Сами названия произведений говорят об этом, например, водевиль Р. М. Зотова «Приключение на станции, или Который-то час», комедия М. Н. Загоскина «Роман на большой дороге», роман А. Степанова «Постоялый двор», водевиль Н. П. Грекова «Еще роман на большой дороге».

закрыт). Путешественник попадает прямо в чистую половину. Она теперь одновременно и смотрительская.

Здесь прибрано, уютно. На окнах — «горшки с бальзаминном», цветы будто выращены героиней повести; все словно говорит о присутствии хозяйки, дочери смотрителя Дуни, которая была, по словам отца, «такая разумная, такая проворная... ею дом держался...».

Обычно же на станциях редко можно было встретить чистоту и порядок. Вспомним, что, когда Дуня покинула отца, картина изменилась. «Ветхость и небрежение» поселились на станции, и «на окнах уже не было цветов». Пушкин говорит о таких же неуютных станциях в «Евгений Онегине». Современники его также оставили нам ряд описаний.

Например, в «Путевых записках» Г. В. Геракова находим такие строки: «Пили кофей у смотрителей почт. Иные живут чисто... а иные войти нельзя». Гераков описывает ночлег на одной из почтовых станций: «Представьте небольшую комнату с русской печью и перегородкой, где я на сено лег... окно дурно бумагой оклеяно, без стекла, справа конюшня, слева полдюжины спящих ямщиков... в ногах пьяный смотритель. Мой человек сколько ни курил порошком, не мог выкурить злобония»¹.

П. А. Вяземский в «Записных книжках» (1829), вспоминая ночлег на почтовой станции по дороге в Пензу, писал: «Кучера и люди перемерзли... проведши около пятнадцати часов в избе холодной... Здешний житель, пускаясь и на малую дорогу, берет с собой не только провиант, но и дрова на всякий случай...» Отправляясь в путь, люди кроме еды брали с собой свечи, чтобы посветить на станции.

¹ «Курили порошком» (пахучими смолами и другими благовониями), то есть освежали воздух (в то время форточек не было). Делали это при помощи специального прибора — курильницы.

Чистая половина Вырской почтовой станции (она же и смотрительская) — большая продолговатая горница в четыре окна, имеющая два входа: один — из сеней и второй — из комнаты Дуни. Большая часть помещения предназначена для ожидания лошадей «господами проезжающими». В красном углу — образ Николая Чудотворца — покровителя плавающих и путешествующих — и святых Фрола и Лавра — покровителей лошадей.

Войдя в горницу, путешественник мог сразу обратиться к смотрителю станции. Стол смотрителя помещается справа у окна. На нем книга для записи подорожных, гусиное перо, старинные чернильница с песочницей (письмо, чтобы чернила высохли, посыпали песком) и шкатулка для хранения прогонных денег. Рядом — такой же старинный, окованный железом сундук для денег и документов. Над столом портрет царствующего императора и «Высочайше утвержденные правила, для всеобщего сведения касающиеся». Главное из них — «Какому чину и по сколько выдавать лошадей». Здесь же «Поставления, изданные для проезжающих на почтах, станционных чиновников и почтарей».

В одном из пунктов говорится, что «путешествующим запрещено чинить станционному смотрителю притеснения и оскорбления, или почтарям побои». Если же проезжающий недоволен чем-либо, сказано в другом пункте, он «в обидах, учиненных на станциях, если желает, приносил бы жалобу... в шнуровую книгу, для сего на каждой станции имеющуюся».

Далее один из пунктов гласит: «Станционные смотрители, которые не имеют классных чинов, но находясь при своих местах, в ограждение от обид пользуются по высочайшей воле 14-м классом».

«В ограждение от обид» смотрители носили форменную одежду — зеленый сюртук и треугольную шляпу (ее мы можем видеть на столе смотрителя). Но если не было лошадей, то их не спасал от гнева раздраженного

проезжего чин коллежского регистратора — 14-й класс, самый маленький чин в России.

Вспомним, как в повести Пушкина рэтмистр Минский при известии, что «лошади все в разгоне», «возвысил было голос и нагайку» и к отцу поспешила на помощь Дуня, «привыкшая к таковым сценам».

Обстановка чистой половины рассчитана на долгое «сидение», часто и ночлег на станции в ожидании лошадей.

В горнице стоят залавок — широкая лавка со спинкой, подобие дивана — типичная мебель почтовых станций, обитые кожей банкетки и потертый мягкий диван первой трети XIX века. Когда постояльцы останавливались на ночлег, в горницу им еще приносили сено.

Почти посредине комнаты груда дорожных вещей, которые брал с собой путешественник, отправляясь в дальний путь. Часть багажа на время ожидания лошадей вносилась на станцию. Прежде всего здесь мы видим дорожную шкатулку для денег, выполненную из красного дерева в первой трети XIX века. Вновь прибывший проезжий входил в станционный дом с такой шкатулкой. Для уплаты за лошадей нужны были не просто любые деньги. По правилам требовалось, чтобы платились «прогонные деньги ассигнациями и медною монетою», они-то и припасались в шкатулке. Вслед за хозяином слуга вносил сундук. Многие дорожные вещи были красивы и изящны. В экспозиции — дорожный сундук 1820-х годов светлого кипарисового дерева с двумя ручками, легкий и удобный в дороге. Рядом — большой кожаный чемодан того же времени, имеющий длинные ремни, которыми его привязывали к коляске. Такой дорожный чемодан хотел иметь Пушкин, судя по письму его к брату в апреле 1825 года. Необходимыми в пути считались погребец (специальный сундучок для снеди и приборов) и дорожный несессер — изящный ящичек красного или кипарисового дерева с крышкой. Он внутри имел мно-

жество отделений с набором самых различных предметов. Здесь были дорожный стакан из толстого стекла, флакон с нюхательной солью (если путешественник в пути почувствует себя дурно), предметы для бритья, дорожное зеркальце, вставляемое во внутреннюю часть крышки, и прочее. Могло быть тут и все необходимое для письма. Но существовали в то время и специальные дорожные шкатулки для письменных принадлежностей. Бытовали даже шкатулки наподобие маленьких бюро. Их можно было привинчивать внутри кареты и во время пути писать. Такое дорожное бюро имеет крохотную столешницу, оклеенную суконцем, как у настоящего письменного стола, набор очиненных гусиных перьев, миниатюрную чернильницу и песочницу.

Дорожные вещи были разнообразны. Мы видим непромокаемый саквояж, поместительный, внутри имеющий несколько отделений. Он специально предназначался для перевозки рукописей, документов, ценных бумаг. Путешественники возили с собой даже специальные футляры с портретами близких людей.

Прогонные деньги взимались дополнительно и за багаж. За лишнюю лошадь, если она не полагалась по по дорожной, платили вдвойне.

На каждой станции вывешивались «Расписания, в какое время, по сколько почтовых лошадей и в какие экипажи запрягать для проезжающих». В зависимости от времени года, экипажа (кибитка, бричка, коляска, карета) и багажа количество впрягаемых лошадей (отсюда и взимаемых прогонов) было разное.

В четырехместные кареты с одним чемоданом и сундуком или двумя сундуками без чемодана полагалось впрягать в летнее и зимнее время по шести лошадей, а в осеннюю и весеннюю распутицу — по восьми. «Если же будет и наверху сундук,— сказано в «расписаниях»,— и на задней оси сверх сундука чемодан, то припрягать еще по одной лошади».

Путешественники, ожидая лошадей, располагались на станции у голландской печи, за большим столом. Не случайно здесь тульский самовар и чайная посуда первой трети XIX века — смотрители держали для проезжих чай, кофе, сахар, молоко, сливки, баранки и другие продукты.

Один из пунктов дорожных правил гласил: «Не записав подорожной и не расплатясь за все забранное у смотрителя, проезжающий не может съехать с почтового двора».

Постой обходился проезжим недешево. Гераков в «Путевых записках» вспоминал: «Обедали и ужинали. Все свое, но за сено, ночлег, хлеб и сливки заплатили очень дорого».

По другим воспоминаниям, «за обед на станции заплатили пять рублей, за ужин — два с полтиной».

В случае ночлега спать можно было на широких лавках и просто на полу, на сене. В этой же горнице спал и сам смотритель. Мы видим здесь его кровать с пестрой занавескою, прибранную по старине — с подзором, домо-тканым покрывалом и горой подушек.

По тем же дорожным правилам, если путник заболел в дороге, смотритель обязан был приютить его, предоставить даже постель. Мы помним, как в повести смотритель Вырин уступил свою кровать «молодому обманщику» Минскому — мнимому больному.

Боле всего в ту пору люди боялись заболеть и умереть на почтовой станции, в дороге.

В стихотворении «Дорожные жалобы», полном грустных размышлений, Пушкин писал:

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, зная, дороге
Умереть господь судил...

В основной текст не вошли строки:

Или ночью в грязной луже,
Иль на станции пустой,
Что еще гораздо хуже —
У зрителя, больной.

Стены почтовых станций украшали народные лубочные картинки, изображающие аллегорические сцены, события истории, героев сказок и притчей. Лубок — труд безымянных мастеров — был самым демократическим и массовым видом искусства. Картинки напоминали героев и декорации народного театра. Когда читались надписи под ними, картинки словно оживали. В народе их называли «потешными».

О лубочных картинках как украшении почтовых станций и придорожных трактиров писал Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника».

У Пушкина в начатой повести «Записки молодого человека» герой, узнав от зрителя, что лошадей нет, «заялся рассмотрением картинок, украшавших его смиренную обитель». «Картины», которые «не имеют рам и прибиты к стене гвоздиками,— говорится в «Записках»,— изображают погребение кота, спор красного носа с сильным морозом и тому подобное». (Здесь имеются в виду популярные лубочные картинки XVIII века — «Погребение кота, или Небылица в лицах» и «Похождение о носе и сильном морозе».)

Но наибольший интерес героя вызывают четыре лубка — «История блудного сына». Рассказ об этих картинках Пушкин из «Записок молодого человека» перенес потом в повесть «Станционный зритель».

В музее кроме перечисленных выше есть еще один лубок на текст «Романса», написанного в 1814 году 15-летним А. С. Пушкиным. Это стихотворение стало в конце 1820-х годов популярной народной песней:

Под вечер осенью ненастной,
В далеких дева шла местах
И тайный плод любви несчастной
Держала в трепетных руках.

Эта народная картинка с назидательным сюжетом как нельзя к месту: ведь героиню увозит гусар. Перед нами будто один из вариантов судьбы Дуни.

П. А. Вяземский, припоминая позднее типичные черты пушкинской эпохи, называл кроме блестящих балов, нежных стихов и дуэлей «похищения кисейных барышень».

Красавиц без приданого, девиц из бедных семей, часто похищали, а затем покидали именно гусары. Такая же судьба могла ожидать и Дуню. Понятными были переживания ее отца. «Всяко случается,— говорит он,— не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу, вместе с голью кабацкою...»

Но, описав типичный случай похищения, Пушкин наделил Дуню нетипичной судьбой (по первоначальному замыслу в нее влюбляется писарь, но затем сюжет получает иное развитие).

Из чистой половины входим в небольшую комнатку Дуни. Все здесь говорит о героине повести. Мы видим старинный комод, скромное зеркальце, небольшую шкапулку, пальцы, вязанье. Есть также и рукодельный столик с начатой работой... Вспоминаются слова Самсона Вырина, сказанные о дочери: «Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была! Бывало, кто ни проедет, всякий похвалит, никто не осудит. Барыни дарили та платочком, та сережками. Господа проезжие нарочно останавливались, будто бы пообедать, аль отужинать, а в самом деле только чтоб на нее подолее поглядеть. Бывало, барин какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною разговаривает... курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались...»

В музее литературных героев Пушкина — «Доме станционного зрителя» — словно оживают все образы повести — голубоглазая красавица Дуня, «молодой, стройный гусар с черными усиками» — Минский и Самсон

Вырин — главный герой повествования. С рассуждения о нем начинается повесть:

«Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и несправедливость? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем однако справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Суций мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей)...

Какова должность сего диктатора, как называет его шуточно князь Вяземский? не настоящая ли каторга? Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителя. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель.

Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непрошеного гостя; но если не случится лошадей?.. боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову!

В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца. Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут — колокольчик!.. — и фельдъегерь бросает ему на стол свою подорожную!.. Вникнем во все это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием».

До Пушкина станционных смотрителей наделяли лишь чертами отрицательными. Такое изображение дано П. А. Вяземским в стихотворении 1825 года «Станция»:

Досадно слушать «*sta viator*»¹
Иль, изъясняясь простей:
«Извольте ждать, нет лошадей»,—
Когда губернский регистратор,
Почтовой станции диктатор
(Ему тигун бы на язык!)
Сей речью ставит вас в тупик.
От этого-то русским трактом
Езда не слишком веселит;
Как едешь, действие кипит,
Приедешь — стынет за антрактом...

Но Пушкин увидел станционного смотрителя, самого маленького чиновника на Руси, иным. Прежде чем занять в повести Пушкина центральное место, этот образ появился в «Записках молодого человека». Вот как говорится о нем в сохранившемся отрывке задуманного произведения: «Приехав на станцию, я отдал кривому смотрителю свою подорожную и потребовал скорее лошадей. Но с неизъяснимым неудовольствием услышал я, что лошадей нет; я заглянул в почтовую книгу: от города* до Петербурга едущий шестого класса чиновник с будущим² взял двенадцать лошадей, генеральша Б.— восемь, две тройки пошли с почтою, остальные две лошади взял наш брат прапорщик. На станции стояла одна курьерская тройка, и смотритель не мог ее мне дать. Если паче чаяния наскочет курьер или фельдъегерь и не найдет лошадей, то что с ним тогда будет, беда — он может лишиться места, пойти по миру...»

В «Доме станционного смотрителя» образы повести словно обретают реальность. Местные легенды утвержда-

¹ Стой, путник!

² «С будущим» — почтовый термин, обозначающий намерение или согласие путешественника взять в пути еще седока — «будущего».

ют даже, что именно здесь и жил герой повести, что будто бы отсюда проезжий гусар увез его дочь Дуню и что Самсон Вырин и похоронен на местном кладбище.

Но в своем герое Пушкин соединил черты многих зрителей¹.

Многое о зрителях рассказали архивные документы — «Формулярные списки чиновников и служащих почтовых контор». Зрители были из разных сословий: из купцов, мещан, вольноотпущенных крестьян, иногда из обедневших русских дворян, солдатских детей и приказных, шляхтичей и казаков. Но чаще всего шли в зрители отставные унтер-офицеры и отслужившие свой срок грамотные солдаты. Таков был Вырин, называвший себя старым солдатом. Пушкин взял для образа случай самый типичный. Поэт говорит о герое: «Вижу, как теперь, самого хозяина, человека лет пятидесяти... его длинный зеленый сюртук с тремя медалями на полинялых лентах».

¹ Нужно признать ошибочными сведения о будто бы найденном прототипе Вырина, появившиеся в печати (см.: *Возова Е.* В гостях у Самсона Вырина // Советская культура, 1983, 15 янв.). В публикации утверждается, что прототипом Самсона Вырина был Тимофей Садовский, «вдовый станционный зритель в Выре», имевший дочь и «служивший... 20 лет». Далее говорится, что у Пушкина было давнее знакомство с Садовским, что поэт оставался у него, как у «приятеля», и в повести описан будто бы действительный случай на станции Выра, поведенный ему Садовским.

Согласно архивным данным, «Тимофей Иванов сын Садовский» служил на Вырской почтовой станции с сентября 1823 года до октября 1835 года — не двадцать, а двенадцать лет.

Длительного близкого знакомства Пушкина с Садовским быть не могло. Поэт с 1820 до 1827 года через Выру не ездил. Он мог видеть Садовского до написания повести только в 1827 году, когда по дороге из Петербурга в Михайловское проезжал эту станцию. Садовский не был вдов, как пишется о нем. Он имел жену, сына и дочь (в 1827 году его дочери было 10 лет). Вырин не похож на Садовского и в главном: последний — уроженец Варшавы, поляк, до службы на тракте канцелярист Санкт-Петербургского почтамта; Вырин же старый солдат.

Медали — боевые награды на зеленом сюртуке (форменной одежде) — дорисовывают портрет зрителя. Он участник «наполеоновских войн», а возможно, и недавно прогремевшей Отечественной войны 1812—1814 годов. Рассказ начинается с 1816 года — времени, когда недавно «война со славою была кончена» и наступило, по словам Пушкина, «время незабвенное! Время славы и восторга!»

Старый солдат носит постоянно боевые награды, чтобы снискать уважение, защититься от угроз и ругательств, «крика и толчков раздраженного постояльца».

Можно заключить из рассказа, и в каком полку служил зритель. Когда он отправился в Петербург на розыски своей Дуни, увезенной гусаром, он остановился «в Измайловском полку», в доме «отставного унтер-офицера, своего старого сослуживца».

В литературе того времени почтовые станции изображались в комедиях и водевилях и станционные зрители представлялись как комические персонажи. В пушкинской же повести разыгрывается не комедия, а трагедия, и чиновник 14-го класса, бывший воин, в ней трагическое лицо.

Интересен выбор имени героя. Поэт наделяет его именем библейского силача Самсона, соединив его с фамилией, словно взятой из русской действительности. Но фамилии Вырин в те времена не встречалось. Пушкин ее изобрел от Выры — названия станции на тракте, которым часто пользовался.

Трагедия разыгрывается на такой же, как Выра, маленькой станции Белорусского почтового тракта (вспомним, что «ротмистр Минский ехал из Смоленска в Петербург»). Станция должна была находиться также недалеко от столицы, так как Вырин, выпросив «отпуск на два месяца... пешком отправился за своей дочерью».

В повести звучит тема социального неравенства, «униженных и оскорбленных». Минскому, полюбившему кра-

савицу Дуню, не нужен ее старик отец. Для него смотритель — нижний чин, чиновник 14-го класса.

Герой оказался не нужен и горячо любимой дочери. Дуня, защитница и опора отца в его трудной жизни на станции, покинула его ради любви к Минскому и надежды на свое счастье.

Бырин переживает неблагодарность дочери, муки отвергнутой родительской любви, свою ненужность ей: «А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитятки; уж ей ли не было житье?»

В повести показана не только социальная, но и общечеловеческая трагедия. Большая роль в ее замысле отведена Пушкиным лубочным картинкам «История блудного сына». Они описаны подробно: «В первой почтенный старик в колпаке и шлафорке отпускает бесполойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами. В другой яркими чертами изображено развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами. Далее, промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу; в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние. Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлафорке выбегает к нему навстречу: блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости. Под каждой картинкой... приличные немецкие стихи...»

Почему «немецкие стихи»? Потому, что в повести говорится о немецких лубочных четырехлистных картинках. Описание их дано в «Записках молодого человека», а затем они перенесены сюда. Автором лубка был венский художник XVIII века Иоган-Венцель Энгельман. Картинки, завезенные неизвестным коммивояжером в Россию в конце XVIII века, получили широкое распро-

странение. Позднее же свои мастера скопировали и создали русский вариант четырехлистовой лубочной сюиты. Но Пушкин видел немецкий оригинал и подробно описал его в повести.

В России же в первой половине XVIII века был широко распространен еще двухлистовой вариант лубка. Тогда же была издана книжка «Комедия притчи о блудном сыне с 37 картинками» (речь идет о гравюрах с голландского оригинала).

Все это говорит о необыкновенной популярности сюжета. Сцены из «Комедии притчи о блудном сыне...» разыгрывались на подмостках народного театра буквально по этим картинкам.

Кроме этой притчи вспоминается в строках повести и другая — о заблудшей овечке («Авось,— думал смотритель,— приведу я домой заблудшую овечку мою»). Обе притчи созвучны рассказу Самсона Вырина о его дочери, хотя история Дуни внешне будто и не совпадает с «Историей блудного сына»¹.

Художник М. В. Добужинский свои иллюстрации к повести «Станционный смотритель» (1905) развернул наподобие лубочной сюиты «История блудного сына». Рисунки последовательно раскрывают сюжет, начиная с приезда Минского на почтовую станцию. Последняя иллюстрация изображает Дуню на могиле отца. «Она легла здесь и лежала долго», — говорится в повести. Иллюстрации Добужинского считаются одними из лучших.

¹ См.: Берковский Н. Я. Статьи о литературе, с. 328; Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. М.: Наука, 1974, с. 160; Гранин Даниил. Отец и дочь: О повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» // Литературная Россия, 1983, 14 янв.

...Сословие ямщиков, сам не знаю почему, для меня в особенности любезно.

А. С. Пушкин. История села Горюхина

„Вот мчится тройка удалая...“

Ямщицкая — большая комната с выходом в сени и в конюшни, где ямщики ожидали очередь на выезд, обедали, грелись и чинили сбрую.

Помещение восстановлено по старинным изображениям и описаниям. На гравюрах конца XVIII века в ямских избах можно увидеть посредине комнаты большой стол и широкие лавки, полаты под самым потолком, хомуты и сбрую. То же самое видим и на рисунках первой половины XIX века. Из них возможность более точно представить ямщицкую пушкинского времени дает работа К. А. Зеленцова. Художник на фоне интерьера изобразил ямщиков и различные предметы быта.

В восстановленной ямщицкой мы видим старинную русскую печь, просторные полаты, продолговатый крестьянский стол и лавки; в красном углу икона — изображение святого Власия, покровителя животных. На столе глиняная и деревянная посуда, чашки и ложки, рядом два кисета — один из бересты, другой из яркого кумача с вышивкой. На стене балалайка. У русской печи глиняные горшки, деревянные ведра, кадки, коромысло, ухваты — утварь, необходимая для стряпухи, готовящей пищу ямщикам. Здесь же медный рукомоийник и корыто. Все как на рисунке художника.

У входа в конюшни несколько железных фонарей «для запряжки лошадей в ночное время».

На стенах ямщицкой развешены хомуты и уздечки, расписные дуги с колокольчиками, а также «всякая хорошая ямская исправная запряжка».

По указу 1800 года на станциях полагалось на каждые три лошади «иметь ямщика не старого, не молодого и хорошего поведения, одетого пристойно в ямском платье и в сапогах и чтоб ямщики... были присылаемы к станционному смотрителю здоровые и не моложе семнадцати и не старше сорока лет, доброго поведения, трезвые и ни в чем не подозрительные с указанными паспортами и письменными свидетельствами на утверждение о благонадежности их поведения, а буде замечены в дурном поведении, ямщиков переменить...».

Перед нами на стенах и лавках ямщицкая одежда: зимние и летние шапки, кафтаны, овчинный тулуп, кожаные рукавицы — голицы.

Форма ямщиков была особенной. По одежде их можно было сразу отличить. Впервые она введена для них в середине XVII века. Первоначально ямщики носили зеленый суконный кафтан с нашитым на правой стороне груди гербом России — двуглавым орлом, а на левой — почтовым рожком. Форма затем переменялась на белые сермяжные кафтаны с красными орлами на груди. После этого ямщики носили «лазоревый зипун, шапку вишневую с пухом, полусуконный подлазоревый кафтан с бумажным кушаком».

В пушкинское время у ямщиков были суконные синие или черные кафтаны, для зимы же — овчинный тулуп, а от прежней формы долго сохранялись вишневые шапки и красные бумажные кушаки. Вспомним строки Пушкина в пятой главе «Евгения Онегина»:

Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;

Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.

Ямщики носили также на груди медную бляху с государственным гербом, а через плечо на шнуре рожок. Подъезжая к станции, они по правилам должны были трубить в рог, однако делали это редко. Чаще о своем приближении, по свидетельству современников, ямщики извещали свистом. В черновых отрывках «Путешествия Онегина» Пушкин писал о них:

...ямщики
Поют, и свищут, и бранятся.

Круглый год — в зимнюю стужу, в осенние и весенние распутицы — несли свою нелегкую службу на дорогах Российской империи ямщики.

Издавна они представляли особое сословие и передавали свое ремесло из поколения в поколение. Слово *јmsу* (ямщик) пришло из тюркских языков от слова *јам* (ям) — почтовый двор — и было известно в России с XV века, еще до основания в середине XVI века Ямского приказа.

В старину выбирали в ямщики грамотных крестьян, которые давали клятву честно нести службу, не пропивать деньги, не играть в карты и не совершать преступлений против государства. Односельчане должны были поручиться за выбираемого ямщика. С начала XVII века в России создаются ямщицкие поселения — слободы. Ямщики имели свои пашенные и сенокосные земли, различные промыслы и были освобождены от уплаты податей, за что отбывали повинность «ямской гоньбы».

Позднее, уже в пушкинское время, ямщиками могли стать вышедшие из государственных крестьян либо вольноотпущенные крестьяне, выкупившиеся на волю от помещика. Всего же в одной Петербургской губернии было их более четырех тысяч. Ямщиком мог стать не каждый: для этого требовались и большая выносливость, и

споривка. Они славились удалью и расторопностью, способностью не теряться в трудной обстановке в дороге, находчивостью и умением найти общий язык с любым путешественником.

О смешлености и переимчивости русского крестьянина Пушкин писал: «Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по-русски, и везде его понимают» («Путешествие из Москвы в Петербург», 1833—1835).

Труд ямщика был тяжел. Он правил лошадьми, сидя на облучке или козлах в незакрытой части экипажа (иногда даже не сидя, а стоя), мок под дождем, находился на ветру и морозе. Седоки поминутно погоняли ямщика, то обещая ему на водку, то угрожая побоями. И хотя в почтовых правилах сказано, что «никто не имеет права принудить ямщика... к скорой езде», часто путешественники пренебрегали ими. Ямщик же более всего опасался загнать лошадей. В случае их порчи и падежа по его вине он был в ответе.

Пушкин привел в «Капитанской дочке» поговорку, услышанную им от ямщика: «Лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой». Этой поговоркой ямщики отвечали на требования седоков погонять быстрее.

Духовный мир ямщиков был тесно связан с миром народных представлений, примет и поверий. Когда зимой в пургу они сбивались с пути, то суеверно полагали, что их «водит бес»; опасались «порчи», верили в ведьм, колдунов и считали, что, если дорогу перешла баба с пустыми ведрами или перебежал заяц,— это не к добру. Вместе с ними в дурные предзнаменования верили и путешественники.

В навеянном дорожными впечатлениями и народными поверьями стихотворении Пушкина «Бесы» (1830) путник в пургу сбивается с пути, и реальность превращается в фантастику:

Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Ямщики тонко разбирались в лошадях, умели подбирать к сложной конной упряжи колокольчики и бубенцы «с согласным звоном», но главное, умели ездить быстро и по плохим дорогам. Они не только погоняли, но и воздействовали на лошадей уговорами и покрикиванием — кони их слушались. Не случайно «Песня ямщика», написанная А. Гурилевым на слова К. Бахтурина, началась так:

Не кнутом
Поведем,
Только рукавицей,
И по шлям,
По холмам
Мчат лошадки птицей!

Вот что говорит В. А. Соллогуб в повести «Тарантас» о русском ямщике и почтовых лошадях: «„Ну, сивенькая... Ну, ну... вывези, матушка... Уважь господ... ну!.. ну!..” И ямщик ударил по чahlым клячам, которые по необыкновенному вдохновению, свойственному только русским почтовым лошадям, вдруг вздернули морды и понеслись, как вихрь. Тарантас прыгал по кочкам и рытвинам, подбрасывая улыбающихся седоков. Ямщик, подобрав вожжи в левую руку и махая кнутом правой, покрикивал только, стоя на своем месте; казалось, что он весь забылся на быстром скаку и летел себе напропалую... Такова уж езда русского народа».

В «Мертвых душах» Н. В. Гоголь писал: «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?.. с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем... только дрогнула дорога... и вон она понеслась, понеслась!..»

Ямщики были людьми талантливыми. Они изобрели русскую троечную упряжь. Благодаря им сказочный «конь-птица» превратился на Руси в «птицу-тройку».

В тройке лошади подбирались так, чтобы две крайние, пристяжные, скакали галопом, а коренник бежал рысью. Сочетание в одной упряжке двух разных аллюров — рыси и галопа — создавало неповторимость троечной езды, одновременно и быстрой и красивой. Бег тройки отличался от любой другой упряжки даже на слух. Приближение тройки узнавалось по своеобразному топоту копыт.

В стихотворении Пушкина «Зимняя дорога» (1826) будто слышится этот бег. Поэт передал в нем не только свои дорожные мысли и впечатления, но словно и ритм езды на быстро скачущей тройке:

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

.....
Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаютя одне.

Этим стихотворением Пушкин ввел в русскую поэзию и русскую музыку тему о тройках и ямщиках. На слова «Зимней дороги» вскоре был написан романс композитором Александром Алябьевым. Позднее же на эти стихи Пушкина написали музыку еще около пятидесяти авторов.

«Зимняя дорога» стала родоначальницей песен о «лихой тройке» и «удалом ямщике». Одно за другим начали появляться затем на протяжении всего XIX века песни о тройке и ямщике, поющем удалую или заунывную песню. В пушкинское время текстами для них послужили стихи Ф. Н. Глинки, П. А. Вяземского и других поэтов.

Песни эти имели огромную популярность, вошли в песенники, породили вариации, стали народными¹.

Одна из самых популярных русских песен о тройке и ямщике сложена на строки стихотворения поэта-декабриста Ф. Н. Глинки «Сон русского на чужбине»:

И мчится тройка удалая
В Москву дорогой столбовой,
И колокольчик — дар Валдая
Гудит, качаясь, под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустилося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души...

Тексты для песен сочиняли и сами ямщики. Когда служивший на Сибирском тракте ямщик Иван Макаров замерз на перегоне, в сумке у него нашли стихи. Они были положены на музыку композитором Александром Гурилевым. Так родилась знаменитая песня «Однозвучно гремит колокольчик...».

Позднее была сложена на стихи крестьянского поэта Ивана Сурикова песня «Степь да степь кругом...».

Ямщики умели петь песни и рассказывать сказки. Под звон колокольчика во время долгого и скучного пути они развлекали и себя, и своих седоков песнями, сказками, поговорками. Путешественники заслушивались их. Иногда ямщик, рассказывая сказку, забывал погонять лошадей.

Песни, которые ямщики пели, чаще всего были грустными. Это заметил А. Н. Радищев, писавший в «Путешествии из Петербурга в Москву»: «Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее».

¹ См.: Андроников *Ираклий*. К музыке. М.: Советский композитор, 1975, с. 185.

Пушкин записывал народные песни и собирался их издать (сохранился план задуманной поэтом статьи). Он, как и Радищев, подчеркивал грустный, элегический характер многих песен. «Обыкновенное их содержание,— писал поэт,— или жалобы красавицы, выданной замуж насильно, или упреки молодого мужа постылой жене».

Пушкина интересовали старинные ямщицкие песни. Одну такую он привел в романе «Капитанская дочка» эпиграфом к главе «Вожатый»:

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона незнакомая!
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь
завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

«Замечательную тетрадь песен», записанных Пушкиным, сам поэт издать не смог и передал ее П. В. Киреевскому — известному русскому фольклористу; эти песни сохранились. Среди них есть и те, которые певали ямщики.

В незаконченном стихотворении 1833 года Пушкин говорит об одной такой песне, удалом ямщике и себе самом, своей любви к русской народной поэзии:

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.

Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.

Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горить?»

«...Несколько поколений ямщиков мне знакомы»,— писал А. С. Пушкин в повести «Станционный смотритель». Возможно, что поэт знал кого-то и в Выре.

Деревня Выра была третьей остановкой от Петербурга, где переключивали почту из одной почтовой кибитки в другую и где путники меняли лошадей.

Станция перенесена в Выру в 1800 году из соседнего села Рождествена. С этого времени деревня стала обозначаться в «Почтовых дорожниках» и на картах России. Название деревни, вероятно, произошло от старославянского слова «выр» (пучина, омут) или «Вырей» (сказочная, запредельная страна древних славян). Корень слова встречается также в финском и эстонском языках и говорит о глубокой древности. С X века в этом крае жили в мирном соседстве со славянами финно-угорские племена. «Выра при реке Оредеже» входила в Новгородскую пятину, упомянута в новгородских Писцовых книгах.

Позднее Выра — удельная деревня. Вместе с землями, близлежащими к Гатчине, она была подарена Петром I царевне Наталье Алексеевне, а по кончине ее причислена к дворцовым имениям.

В пушкинское время в деревне было пятнадцать дворов и около ста тридцати жителей. Почти все взрослое мужское население занималось ямщицким и извозным делом.

Здесь проходила одна из больших дорог России. Не случайно кроме почтовой станции в деревне был и постоянный двор.

Куда бы ни отправлялся путешественник из Петербурга по Белорусскому тракту, он проезжал через эту станцию.

Выра считалась третьеразрядной, так как не имела гостиницы, но по количеству лошадей это была большая станция. Обычно маленькие имели их от шести до двадцати. Здесь же было пятьдесят пять лошадей для перевозки почты и путешественников и пять курьерских троек.

Как выглядела Выра в пушкинское время? «Дом станционный» (то есть не простая изба, а типичная по-

стройка) — говорится о Выре в почтовых описаниях тех лет. Но вначале здесь для станции (когда вышел указ о переносе ее сюда из Рождествена) был наскоро приспособлен обыкновенный жилой дом. Затем этот дом был заново перестроен, к нему добавлен второй, появились и другие строения. Расположение почтовых станций и всех их служб подчинялось необходимой специфике.

По типовым проектам (они сохранились в Центральном государственном историческом архиве Ленинграда) можно представить, какой была третьеразрядная почтовая станция на Белорусском тракте.

Миная 69 верст, путник, едущий из Петербурга, видел в стороне от деревни два небольших одноэтажных домика в стиле русского классицизма — корпуса станции, соединенные между собой оградой с воротами посередине.

Чаще в проектах встречаются станции не с двумя, а с тремя корпусами — три одноэтажных дома одинаковой архитектуры: средний корпус побольше, крайние поменьше. Один из крайних иногда предназначался для гостиницы. Но бывали и двухкорпусные, такой дошла до нас Выра.

В главном, северном, корпусе находились смотритель станции и ямщики. Второй, южный корпус был всецело связан с транспортировкой почты. Домик этот имел во всех проектах одну и ту же планировку: он состоял из двух помещений, перегороденных сенями. Одно служило «чуланом» (складом). Сюда сносили, здесь оставляли почту, пока ее переключивали из одной почтовой кибитки в другую. Вторая половина дома носила название «избы для почтальонов и почтарей» — людей, перевозивших почту. Почтальоны отвечали за казенные пакеты, экстренную ценную почту, сопровождая ее на протяжении всего пути, «от места до места». Почтарям же (часто эту функцию выполняли и сами ямщики) доверялись «партикулярные», то есть простые, письма и посылки, которые они перевозили только от станции к станции.

Как сообщалось в «Почтовых дорожниках» пушкинского времени, почты разделялись на три рода: легкую, тяжелую и экстренную. «Легкие почты» ходили между Петербургом и Москвой до шести раз в неделю в зависимости от погоды и времени года; на больших трактах Центральной России — по два и по одному разу в неделю, также в зависимости от погодных условий. В Архангельскую губернию, Сибирь по причине затруднительности доставки — один раз в месяц, а между Охотском и Камчаткой «при удобных только случаях».

«Тяжелые почты» ходили между Петербургом и Москвой два раза в неделю, на остальных же больших трактах — «по мере стечения тяжеловесных посылок».

«Экстра-почта» — почта для срочной доставки казенных пакетов, денег, документов, ценных посылок и писем — ходила между Петербургом и Москвой почти ежедневно, летом также между столицей и Царским Селом, а по большим трактам империи — по мере надобности. Телеграфа еще не было, и люди часто прибегали к этой, тогда самой быстрой, форме связи. «Отвечай мне по экстра-почте», — писал А. С. Пушкин П. А. Вяземскому 19 августа 1823 года.

Услуги почты, доставляемой на лошадях, стоили дорого. За нее взималась весовая такса в зависимости от расстояния до места, куда она отправлялась. Экстренная стоила вдвойне дороже.

Письма принимались только с оттиском печати отправителя и взвешивались на весах. Марки появились в России уже в конце 1850-х годов. Плата за письма взималась с лота — 12,797 грамма.

За расстояние до 250 верст за лот платили 20 копеек. Чем дальше посылалась корреспонденция, тем дороже она стоила. Писались письма на тряпичной бумаге и часто бывали тяжелее одного лота.

Письмо из Петербурга в Москву шло неделю, и стоила отправка около 70 копеек. Скорость доставки зависе-

ла от времени года. Так, в декабре 1835 года Пушкин писал П. А. Осиповой, что ее письмо из Тригорского, помеченное ноябрем, он получил через четыре недели.

Корреспонденция из Барнаула в Петербург даже летом шла не менее сорока дней, и письмо могло стоить около двух рублей. Из-за дороговизны почты люди предпочитали пересылать корреспонденцию с оказией.

Кроме главных корпусов на Вырской станции был еще целый комплекс строений. Путешественник въезжал на широкий двор, имевший форму большого прямоугольника. Его со всех сторон замыкали постройки. Это были конюшни, навесы для экипажей, амбары, сараи коновязи. Здесь имелись также кузница и шорная, колодец и погреб. Во дворе Вырской почтовой станции позднее появилась пожарная вышка.

Постройки небольших станций были деревянные. Они быстро ветшали, и приходилось их часто возобновлять. В конце первой трети XIX века на больших трактах главные станционные корпуса стали строить каменными, оставляя деревянными лишь мелкие надворные постройки. Выра также была деревянной, но в конце 1830-х — начале 1840-х годов и ее возвели в камне, при этом типичная внутренняя планировка помещений станции сохранилась. До наших дней в полуразрушенном виде дошли почтовый домик, главный станционный дом и остатки других сооружений. По ним и восстановили бывшую почтовую станцию.

«Дом станционного смотрителя» — единственный в стране музей, посвященный героям Пушкина и дорожному быту России.

Много любви и подлинного энтузиазма проявили инициаторы и создатели этого необыкновенного музея. Среди них были токарь Ленинградского оптического института им. С. И. Вавилова Иван Дмитриевич Ларин — председатель первичной организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры; Павел Се-

менович Терещенко — председатель местного колхоза имени В. И. Ленина и архитектор этого колхоза Александр Александрович Семочкин.

Основная экспозиция «Дома станционного смотрителя» была создана в 1972—1973 годах Всесоюзным музеем А. С. Пушкина, выделившим для нее многие необходимые экспонаты¹. Большую помощь оказали члены районного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры города Пушкина Н. М. Берлович, М. Г. Шплет, В. П. Лазарева. С особым интересом и любовью отнеслись к возрождению исторического памятника местные жители, принесшие в дар музею старинные вещи. Продолжая поиск предметов дорожного быта, много ценного разыскала в окрестностях Выры Валентина Максимовна Якушева, ставшая в 1973 году хранителем, а затем директором вырского музея².

Главный корпус почтовой станции восстановлен в 1972 году по проекту архитектора В. В. Экк А. А. Семочкиным на средства местного колхоза имени В. И. Ленина и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Впервые экспозиция была торжественно открыта здесь 15 октября 1972 года Всесоюзным музеем А. С. Пушкина совместно с Гатчинским краеведческим музеем³.

¹ См.: Домик станционного смотрителя. Музей дорожного быта начала XIX века. Л.: Лениздат, 1974.

² Управление Музея «Дом станционного смотрителя» помещается в бывшем почтовом домике, часть которого используется также для многочисленных выставок новых поступлений.

³ В настоящее время музей в Выре находится в ведении Дирекции объединенных музеев Ленинградской области.

*Она ведь из-за Гатчины была у
них взята, с Суйды, там эдак все
певком говорят...*

Из воспоминаний кучера А. С. Пушкина
Петра Парфенова

По дорогам дедов на родину Арины Родионовны

Когда в ночь с 3 на 4 сентября 1826 года Пушкина увезла из Михайловского фельдъегерская тройка, няня поэта осталась в большой тревоге.

«Вдруг рано на рассвете,— вспоминала М. И. Осипова,— является к нам Арина Родионовна, няня Пушкина... Это была старушка чрезвычайно почтенная — лицом полная, вся седая, страстно любившая своего питомца... Бывала она у нас в Тригорском часто, и впоследствии у нас же составляла те письма, которые она посылала своему питомцу. На этот раз она прибежала вся захывавшись; седые волосы ее беспорядочными космами спадали на лицо и плечи; бедная няня плакала навзрыд. Из расспросов ее оказалось, что вчера вечером... в Михайловское прискакал какой-то — не то офицер, не то солдат (впоследствии оказалось фельдъегерь). Он объявил Пушкину повеление немедленно ехать вместе с ним в Москву. Пушкин успел только взять деньги, накинуть шинель, и через полчаса его уже не было...»

Ссылка Пушкина кончилась. Друг его Антон Антонович Дельвиг 15 сентября 1826 года адресовал письмо поэту из Петербурга уже в Москву, поздравляя «с переменной судьбы». В этом письме он говорил: «Душа моя,

меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою...» Но вскоре поэт вернулся в Михайловское и еще более месяца прожил возле своей няни. Пушкин писал отсюда П. А. Вяземскому 9 ноября 1826 года: «Няня моя уморительна. Вообрази, что 70 лет она выучила наизусть новую молитву о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости, молитвы, вероятно сочиненной при ц.[аре] Иване...»

После отъезда Пушкина Арина Родионовна скучала, беспокоилась о нем, побывала даже в Петербурге, но поэт тогда находился в Москве. Сохранились два письма няни к Пушкину, написанные в то время.

Одно из них, от 30 января 1827 года, под диктовку Арины Родионовны писалось кем-то из малограмотных дворовых. Приводим письмо таковым, каким его читал Пушкин. «Милостивый государь Александра Сергеевичь,— обращалась к поэту его няня,— имею честь поздравить вас с прошедшим, новым годом из новым счастьем: ижелаю я тебе любезному моему благодетелю здравия и благополучия; а я вас уведомяю, что я была в Петербурге: й об вас никто — неможит знать где вы находитесь йтвоеи родители, овас соболезнуют что вы к ним неприедите... а мы батюшка от вас ожидали, письма когда вы прикажите, привозить книги нонемогли дождатца: то йвознамерились повашему старому приказу от править: то я йпосылаю, больших й малых книг сщетою — 134 книги... при сем любезной друг ядалую ваши ручки с позволений вашего съто раз и желаю вам того чего йвы желаете йприбуду к вас с искренним почтением

Аринна Родивоновна»¹.

Второе письмо, от 6 марта 1827 года, написано под диктовку няни в Тригорском Анной Николаевной Вульф, но в нем также переданы подлинные выражения и слов-

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. 13, с. 318.

но неторопливая и напевная речь Арины Родионовны. Няня сообщает Пушкину, что его родители (поэт с ними еще не совсем примирился после ссоры в Михайловском) летом не будут и что она надеется на его приезд в Михайловское.

«Любезный мой друг Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна, вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, то забуду вас и ваши милости ко мне... Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю. Наши Петербур[гские] летом не будут, они (все) едут непременно в Ревель. Я вас буду ожидать и молить бога, чтоб он дал нам свидеться... Прощайте, мой батюшка, Александр Сергеевич. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила, поживи, дружок, хорошенько, самому слюбится. Я слава богу здорова, цалую ваши ручки и остаю вас многолюбящая няня ваша Арина Родивоновна»¹.

Няня, скучая о «любезном друге», как она называла Пушкина, часто ездила на ближайшую почтовую станцию в надежде услышать о нем от проезжих из Петербурга. По воспоминанию современника, «она с восхищением слушала в своем деревенском уединении мимолетные рассказы проезжих о том, как громко в России имя Александра Сергеевича. Добрая старушка нарочно часто посещала жену знакомого ближнего смотрителя и оставалась иногда по несколько дней гостить на станции этой, где останавливались и помещики... и купцы, и офицеры, и чиновники, и студенты, и кадеты, приезжавшие к родным, или по делам службы. Молодежь, читавшая громко наизусть стихи Пушкина, бывшие тогда у всех на устах, особенно восхищала и радовала ее. Она говорила иным молодым людям, что тот, чьи стихи они те-

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. 13, с. 323.

перь читают, был ею взнянчен, и плакала от удовольствия. Некоторые из проезжих любили слушать рассказы ее, и это ей очень нравилось. А иные обещали, отправляясь в Петербург, передать поклон ей Александру Сергеевичу».

К этому времени, со второй половины 1820-х годов, имя и самой Арины Родионовны становится известным. Пушкин говорил о ней в своих произведениях начиная с лицейских лет. Няня — это и «веселая старушка» («Городок», 1815), и «мамушка» в отрывке «Сон» (1816), и муза поэта в стихотворении «Наперсница волшебной старины...» (1822).

Но широкую популярность имя ее приобретает после того, как выходит в свет в 1827 году третья глава «Евгения Онегина» и Пушкин не скрывает, что Арина Родионовна — «оригинал няни Татьяны» (он сообщал об этом в одном из писем еще в конце 1824 года, когда была написана в Михайловском третья глава). До конца дней поэт вспоминал Арину Родионовну — «добрую подружку» — в своих творениях, назвав ее «подруга дней моих суровых...».

Благодаря произведениям Пушкина и стихам поэта Н. М. Языкова, посвященным Арине Родионовне, ее имя после михайловской ссылки Пушкина стало широко известно.

Ближайшей почтовой станцией от Михайловского была Новгородка. Арина Родионовна, возможно, гостила именно на этой станции, надеясь здесь услышать вести о Пушкине. Далее дорога выходила на Белорусский почтовый тракт. Арина Родионовна хорошо знала эту дорогу. Она была няней в семействе родителей Пушкина, владельцев Михайловского, и путешествовала с ними по Белорусскому тракту много раз; она сопровождала не однажды в Псковскую деревню и бабушку Пушкина Марию Алексеевну Ганнибал. Ездил няня по этой дороге и без господ с дворовыми людьми Пушкиных. Обычно по-

мещики, если сами отправлялись на почтовых (так как это было быстрее), дворовых людей посылали на своих лошадях либо на нанятых «вольных», иначе надо было вписывать их в подорожную, что стоило дороже. Если ехали не на почтовых, то останавливались, и помещики, и слуги, там, где кормили лошадей и можно было найти ночлег.

После Выры нужно было свернуть с большого тракта, и дорога тогда шла через родные места Арины Родионовны — деревни бывшего обширного поместья прадеда Пушкина Абрама Петровича Ганнибала.

По этой дороге ездили предки Пушкина. Она шла через деревню Кобрино, где жила после замужества Арина Родионовна, а далее — через село Воскресенское, где она родилась.

Известно из метрических книг Воскресенской Суйдинской церкви, что будущая няня Пушкина родилась 10 апреля 1758 года. Вначале (всего один год) она была крепостной графа Федора Алексеевича Апраксина. Через год (в 1759-м) мызу Суйда и ближайшие деревни вместе с крепостными купил у Апраксина прадед А. С. Пушкина — А. П. Ганнибал.

Родина Арины Родионовны в старину называлась Ижорской землей. Край этот принадлежал Новгороду Великому и входил в состав одной из его административных единиц — Водской пятины.

Расположенная на северо-западном рубеже новгородских владений, у выходов к Балтийскому морю, Водская пятинa претерпевала много бедствий, часто подвергаясь нашествию со стороны ливонцев и шведов.

С падением Новгорода и Пскова эта земля вошла в состав Московского государства. Но после русско-шведских войн начала XVII века Водская пятинa отошла к шведам. Они владели ею около восьмидесяти лет и переименовали в Ингерманландию.

В начале XVIII века Петр I освободил этот край и вернул его в состав Русского государства.

Ингерманландия была страной бедной и малонаселенной. Из-за тяжелых условий иностранного господства и насаждения лютеранства масса населения — русские и принявшие православие карелы — переселились в Россию. Необходимо было вновь заселить край.

Петр I при раздаче вновь завоеванных земель государственным деятелям, полководцам и членам царской фамилии обязывал новых владельцев заселять поместья крестьянами из великорусских губерний.

Так появились в Ингерманландии в начале XVIII века русские переселенцы — «переведенцы», как их называли, — из-под Москвы, Калуги, Рязани, Костромы и других мест.

С 1715 по 1725 год сюда были переведены более четырех тысяч крестьянских семей. Теперь население Ингерманландии составляли жившие здесь со времен новгородского владычества русские, карелы, крещенные еще в XIII веке новгородским князем Ярославом, и новые русские «переведенцы». Среди населения было много и финнов (лютеран), переселенных сюда шведами в период шведского господства и оставшихся здесь по освобождении края.

На протяжении нескольких веков здесь сталкивались культуры разных народов — старой новгородской и финской, шведской и затем великорусской. Переселенцы из многих центральных губерний России принесли сюда свои памятники народного творчества. Так скудный край — Ижорская земля (Ингерманландия) — стал богат сказками и песнями.

На этой земле родилась талантливая сказочница, впитавшая в себя всю премудрость народной поэзии этих мест, — Арина Родионовна, будущая няня великого русского поэта¹.

¹ Появление в современной литературе о няне А. С. Пушкина фамилии Яковлева, будто бы ей принадлежавшей, ничем не обосновано. Как крепостная крестьянка, няня фамилии не имела.

Этнографические черты родины Арины Родионовны отразились в обилии известного ей сказочного и песенного материала, знании различных «бродячих» сказочных сюжетов.

Мать Арины Родионовны, Лукерья Кириллова, считалась «старинной села Суйды». Предки ее были новгородцами, жили здесь с древних времен и давно сроднились с такими же старожилами этих мест — карелами.

Судя по воспоминаниям, на родине няни сохранился и старинный новгородский диалект — «тягучая напевная речь с характерными интонациями». Так, говоря об Арине Родионовне, Петр Парфенов (жучер А. С. Пушкина) отмечал: «Она ведь из-за Гатчины была у них взята, с Суйды, там эдак все певком говорят».

Но отец Арины Родионовны, Родион Яковлев, вероятно, был потомком переселенцев либо крещеных карелов (чуди). Его родители рано умерли. Мальчик остался круглым сиротой и был взят приемным в семью бездетных крестьян — Петра Полуектова и его жены Вассы Емельяновой.

Село Воскресенское в старину называлось Суйдой. Прежде на этом месте в Водской пятине стоял «погост Никольской Суйдовской», а при нем была деревня Сюйда, на юг от Гатчины, на левом берегу реки Сюиды, впадающей в реку Оредеж.

Новгородские пятины разделялись на погосты — поселения около церквей и монастырей, в которых жили пашенные крестьяне и непашенные, боярские дети и торговые люди.

В новгородских Писцовых книгах упоминается: «Погост Никольской Суйдовской. А на погосте монастырек,

В документах (ревизские сказки, исповедальные росписи, метрические церковные книги) она названа по отцу — Родионовой, а в быту — Родионовной. Никто из современников поэта Яковлевой ее не называл.

а в нем церковь велики Никола, а живут в том монастыре черници».

Когда край был отвоеван у шведов, монастыря здесь уже не оказалось (шведы притесняли православие и насаждали лютеранство). В 1718 году на Суйдовском погосте, где хоронили воинов, павших в Северной войне, на фундаменте стоявшей здесь прежде Никольской церкви была отстроена в память освобождения края новая церковь — Воскресения Господня. Она была сооружена на средства графа Петра Матвеевича Апраксина, одного из сподвижников Петра I, освобождавшего эту землю. Название Суйда осталось за мызой Апраксина, но бывшая деревня Суйдинская при погосте теперь стала называться селом Воскресенским, хотя в старинных документах часто встречаются и прежние наименования — «деревня Суюида» и «церковь Суйдовская» или Суйдинская.

Сохранившийся архив Воскресенской Суйдинской церкви помог многое узнать об Арине Родионовне и ее семье, о владельцах этих мест Ганнибалах. По этим документам можно было установить, что родители Арины Родионовны, Родион Яковлев и Лукерья Кириллова, жили в селе Воскресенском, в одном дворе с приемными родителями — Петром Полуектовым и Вассой Емельяновой. Арина Родионовна была третьим ребенком в семье. Самой старшей была сестра Евдокия¹, следующим за ней был брат Семен. Арину Родионовну крестили в Воскресенской Суйдинской церкви и назвали именем тетки «старинной сего села» Ирины Кирилловой. Восприемниками при крещении были родной дядя — крестьянин Ларион Кириллов, также «старинный села», и крестьянская дочь девица Ефимия Лукина. Через четыре года после женитьбы Родиона Яковлева скончалась Васса Емельянова, его приемная мать, и Петр Полуектов вторично же-

¹ Евдокией была названа и самая младшая сестра Арины Родионовны.

нился на «пасешнице Суйдовской мызы» вдове Настасье Филипповой, у которой были две дочери и сын Еремей Агафонов (позднее он женился на старшей сестре Арины Родионовны).

В 1768 году, когда Арине Родионовне было десять лет, она потеряла отца. Родион Яковлев умер тридцати девяти лет от роду, оставив семь детей (двоих сыновей и пять дочерей). В 1772 году умер и Петр Полуектов, на четыре года переживший своего приемного сына Родиона Яковлева. После смерти кормильцев обе семьи, состоявшие главным образом из малолетних, продолжали жить вместе.

Арина Родионовна с детства привыкла к самой тяжелой крестьянской работе и умела также прясть, ткать, шить, вышивать, вязать и плести кружева. В доме было две вдовы, Настасья Филиппова и Лукерья Кириллова, у той и у другой вместе семь дочерей. Крестьяне деревни Кобрино находились на оброке. Им надо было не только самим жить, но и платить оброк помещику. Возможно, обе вдовы кормились рукоделием. Ведь, не считая малолетних братьев Арины Родионовны, Еремей Агафонов оказался единственным в доме мужчиной-кормильцем.

Вероятно, потому, что Арина Родионовна с детства сама была мастерицей, она позднее учила рукоделию дворовых девушек в Михайловском. Под ее началом там работали крепостные швеи, ткавшие и вышивавшие господские уроки.

И. И. Пущин, навестивший Пушкина в михайловской ссылке, вспоминал в «Записках», что в няниной комнате «стояло множество пяльцев... Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала с чулком в руках. Мы полюбовались работами»¹.

Когда в 1780 году женился старший брат Арины Родионовны, Семен Родионов, настала и ее очередь выхо-

¹ Пущин И. И. Записки о Пушкине. М.: ГИХЛ, 1956, с. 78, 82.

дить замуж (старшая сестра Евдокия уже была за Еремеем Агафоновым).

Прошлое потом оживет в рассказах няни Пушкина. Эти рассказы Арины Родионовны из народной жизни привлекут внимание и поэта Н. М. Языкова, навестившего Пушкина во время его ссылки в Михайловском. В стихотворении 1830 года, посвященном памяти няни Пушкина, Языков вспоминал, как она

К своей весне переносилась
Разгоряченную мечтой...

Арина Родионовна запомнила не только годы своего нелегкого детства и девичества, она знала хорошо народную жизнь, будучи свидетельницей многих событий и судеб, душой навсегда связанная с родными местами¹. Не случайно рассказы няни отразились в произведениях Пушкина. Арина Родионовна стала «оригиналом няни Татьяны» под именем Филипьевны, как звали неродную бабушку Арины Родионовны (вторую жену Петра Полуктова — «пасешницу Суйдовской мызы»).

Пушкин наделяет няню Татьяны и судьбой Настасьи Филипповой (Филипьевны), видимо, также под впечатлением рассказов Арины Родионовны. Известно по документам Суйдинской церкви, что Настасья Филиппова была выдана замуж (в первый раз) в тринадцать лет. Описание раннего замужества и сватовства Филипьевны Пушкин дает в третьей главе «Евгения Онегина»:

«Да как же ты венчалась, няня?»
— Так, видно, бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.

¹ В селе Воскресенском и в наши дни живет родня Арины Родионовны — потомки ее сестер и братьев. У них сохранились большой кованный сундук для приданого невесты и деревянное блюдо с вырезанными на нем словами молитвы: «Хлеб наш па-сущий даждь нам днесь». Эти предметы народного быта XVIII века переданы в местный Историко-краеведческий музей.

Арина Родионовна немало могла порассказать и о жизни господ. Вероятно, много слышала она от родных и односельчан о прежних владельцах — графах Апраксиных. Теперь же родной брат ее Семен Родионов служил самому Абраму Петровичу Ганнибалу, будучи взят в число дворовых на мызу Суйда. Бывая в гостях у брата и снохи, будущая няня поэта много узнавала от дворовых о хозяине этих мест, которого видела и воочию по праздникам в Воскресенской церкви. Она для Пушкина была живой свидетельницей жизни прадеда поэта и его дедов — Ганнибалов в Суйде.

Рассказы Арины Родионовны о старине вспоминал Языков в стихотворении 1827 года «К няне А. С. Пушкина»:

Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялись почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летели беззаботно!

«Поговорим о старине», — просит няню Татьяна в третьей главе «Евгения Онегина». Вероятно, с той же просьбой Пушкин не раз обращался к Арине Родионовне, «наперснице волшебной старины», «хранившей в памяти немало старинных былей, небылиц...».

Пушкин узнал Арину Родионовну, когда она уже стала его няней, «доброй старушкой». Но позднее поэт увечил ее молодой образ в одном из своих рисунков. Как бы убрав морщины с няниного лица, Пушкин представил ее себе такой, какой Арина Родионовна была в девичестве. Он изобразил ее молодой и задорной деревенской девушкой в сарафане, с длинной косой и девичьей повязкой на голове (об истории рисунка речь впереди).

Такой, как на этом портрете, можно представить себе Арину Родионовну накануне замужества.

Засватали Арину Родионовну за кобринского крестьянина Федора Матвеева. Со свадьбой родные жениха и невесты торопились. Владелец Воскресенского и Кобрина старик Ганнибал был при смерти. После него вотчину должны были разделить его сыновья. Если один из них захотел бы продать деревню, то жених и невеста были бы разлучены и брак их состояться не смог бы.

Согласно церковной записи 5 февраля 1781 года, в Суйдинской Воскресенской церкви были повенчаны: «Деревни Кобрина крестьянский сын отрок Федор Матвеев, деревни Суйды с крестьянской дочерью девкою Иринею Родионовой, оба первым браком (в церковных книгах Арину Родионовну всюду именовали Ириной, в некоторых других документах — Иринею.— *Авт.*)...

По ним поруки подписались: деревни Таиц Кузьма Никитин, Ефим Петров, Семен Родионов, Ларион Кирилин».

Среди поручителей со стороны невесты были старший брат Семен Родионов и крестный отец — родной дядя (брат матери) Ларион Кириллов.

Федор Матвеев, как и Арина Родионовна, был сиротой, избы своей в Кобрине не имел (до брака он жил в семье сестры своей Марьи Матвеевой). На первых порах молодые приютились в избе Онисья Галактионова и прожили с его большой семьей несколько лет. Затем перешли в дом Давида Варфоломеева. В их деревне редкая семья жила отдельным двором. Крепостной двор состоял обычно из двух и даже из трех семей. Можно только удивляться, как помещалось в маленьких избах такое количество людей. В 1782 году в семье Арины Родионовны и Федора Матвеева родился сын Егор, через четыре года — дочь Надежда, еще через два года — дочь Мария. Последний ребенок — сын Стефан — родился в 1797 году.

Так, в условиях крайней стесненности и скудости, не имея собственного угла, прожила семья Арины Родионов-

ны около четырнадцати лет, до тех пор, пока она не взята была в услужение в семейство Пушкиных-Ганнибалов. Вскоре, в 1795 году, бабушка Пушкина, Мария Алексеевна, построила в Кобрине для семьи Арины Родионовны отдельную избу.

Для того чтобы понять, как сблизились две женщины, крестьянка и госпожа, одна — «наперсница волшебной старины», другая — помещица старорусского склада, хранительница семейных традиций, необходимо познакомиться с историей жизни Марии Алексеевны. Известно, что бабушка ведала всем домом Пушкиных в Москве и занималась воспитанием внуков; она научила будущего великого русского поэта читать и писать на родном языке и во многом положила начало формированию его личности. Необходимо также узнать о родне бабушки, той среде, в которую попала Арина Родионовна, став затем любимой няней А. С. Пушкина. Огромной заслугой Марии Алексеевны было то, что она нашла в деревне Кобриню эту замечательную крестьянку. По существовавшим понятиям, Арина Родионовна, будучи уже немолодой, находилась в том возрасте, когда в кормилицы и в няни брали редко. Тем более удивителен поступок Марии Алексеевны. Судьбы двух женщин — бабушки и няни поэта — стали неразрывны. Не случайно в стихотворении Пушкина «Сон» их образы («мамушки» — няни и бабушки — «в чепце, в старинном одеянье») слились воедино. А потому и далее в рассказе об одной нельзя будет не вспомнить о другой.

* * *

Гатчинский краевед А. Н. Лбовский писал в 1954 году: «Вы идете среди старых берез от Суйды в Кобриню... здесь сохранился в перестроенном виде дом Пушкиных... К дому, окруженному парком справа и лесом — слева, ведет красивая аллея. Этот парк посажен родной бабуш-

кой великого поэта — Марией Алексеевной Пушкиной-Ганнибал».

Во время совершаемых поездок из Михайловского в Петербург Арина Родионовна, прежде чем попасть в свою деревню, должна была проехать мимо поместья Руново, расположенного вблизи Кобрина.

По дороге к бывшей мызе и сейчас тянется аллея белоствольных берез. Сохранилась со времен Ганнибалов также липовая подъездная аллея, ведущая к самой усадьбе. Перед домом еще в 1940-х годах росла старая развесистая липа. О ней говорит народное предание: когда бабушка узнала о рождении в Москве внука Александра Сергеевича, она посадила в Рунове на клумбе перед домом эту липу.

И в наши дни мы еще видим здесь двухэтажный деревянный усадебный дом с балюстрадой по краю кровли, расположенный «покоем». К нему вплотную примыкают одноэтажные флигеля той же архитектуры.

Мызу Руново и дом приобрела у Надежды Осиповны Пушкиной — матери великого поэта — в 1800 году жена известного русского мореплавателя Ю. Ф. Лисянского Шарлотта Карловна Жандр.

Позднее же усадьбу купила у наследников Лисянского Надежда Тимофеевна Корташевская — сестра писателя С. Т. Аксакова, который часто здесь гостил.

Вновь отстроенный в 1887 году, после пожара, дом напоминает прежний, так как возобновлен на старом фундаменте и изменен только внутри. Решение же фасадов дома в стиле раннего классицизма второй половины XVIII века сохранилось.

О таком барском усадебном доме Пушкин во второй главе романа «Евгений Онегин» писал:

Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.

Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Портреты дедов на стенах,
И печи в пестрых изразцах¹.

В прежнем доме, так похожем на этот, жили дедушка поэта Осип Абрамович Ганнибал, получивший поместье в наследство от своего отца, бабушка Мария Алексеевна, их дочь Надежда Осиповна.

Гостили, а затем и жили здесь Сергей Львович Пушкин — будущий отец поэта — и его брат Василий Львович. Еще до рождения Ольги Сергеевны, старшей сестры поэта, сюда была взята в услужение Арина Родионовна — к племяннику Марии Алексеевны, в семью ее брата Михаила, также здесь жившего. Это было в 1792 году.

Дом был похож на старинный боярский. Он был удобный и поместительный. Чтобы попасть во флигеля, не надо было выходить во двор — они находились под одной кровлей с домом. В них помещались кухня и кладовые, а также людские и девичьи для многочисленных дворовых. В самом же доме — больших хоромов — жили господа.

В доме все было заведено по старине, которую любила бабушка Пушкина Мария Алексеевна: столы и скамьи покрыты зеленым сукном, кресла — алым сукном либо бархатом, на окнах шелковые занавески, в гостиной «штофные обои» и зеркала из составных частей в золоченых рамах.

Это была мебель старинных русских усадеб середины и конца XVIII века. Здесь находилось немало и предметов старинного русского народного быта: тяжелые сундуки-укладки, покрытые домоткаными коврами, расписанные узорами лавки и добротные дубовые резные столы. В парадных горницах голландские печи с лежанками были украшены изразцами.

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин (варианты)// Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 6, с. 557.

Среди старинных вещей, находившихся в этом доме, возможно, был и тот самый дубовый ларец-подголовник времен царя Алексея Михайловича, обитый кованым железом, с массивными железными ручками и узорными железными скобами на углах, в котором позднее А. С. Пушкин хранил свои бумаги. Ларец мог перейти ему в наследство, скорее всего, по линии бабушки Марии Алексеевны, отец которой в юные годы служил при царском дворе.

Поэта заинтересовала жизнь предков. Она была тесно связана с историей России. В начатой автобиографии Пушкин писал: «Мы ведем свой род от прусского выходца Радши, или Рачи (мужа честна, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), выехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского...»

В наше время доказано, что Радша, или Рача (имя, сокращенное от славянских имен Ратислав или Ратимир), происходил из палабских славян и «выехал» из Славонии. А Александру Невскому служил уже его правнук «славный витязь» Гаврила Олексич, совершивший подвиг во время Невской битвы 1240 года (о нем пишет Новгородская летопись). О происхождении Пушкиных могут рассказать старинные документы — «Герб рода Пушкиных» и «Родословное древо». Надпись под гербом говорит о родоначальнике фамилии: «Из Семиградской земли выехал знатный славянской фамилии Муж честен Радша».

Среди предков поэта, потомков Радши и Гаврилы Олексича, были бояре, воеводы, посланники, окольниковы, стольники. Пушкин гордился тем, что его предки являлись строителями Русского государства. Изучая прошлое России, работая над задуманной «Историей Петра», поэт находил в источниках их имена.

Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один...—

говорит поэт в стихотворении «Моя родословная» (1830). Пушкин писал: «Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории». У поэта была печать с фамильным гербом, перешедшая к нему по наследству.

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил...

Важным источником для познания истории своих предков, которую поэт не отделял от истории России, были для Пушкина семейные предания. В неоконченной поэме «Езерский» (1832—1833) он говорит:

Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине...

Московской бабушкой, имевшей в Москве многочисленную родню, хранительницей глубокой старины была для Пушкина Мария Алексеевна Ганнибал, урожденная Пушкина (бабушка со стороны отца — Ольга Васильевна, урожденная Чичерина — умерла, когда поэту было два с половиной года).

Мария Алексеевна могла поведать внуку не только о Пушкиных и Ганнибалах. Она рассказывала ему и о Ржевских — предках поэта, бывших князьях смоленских, через которых Пушкин в тридцать третьем колене был потомком Рюрика.

«Происходя по матери из рода Ржевских, — вспоминала о Марии Алексеевне ее внучка Ольга Сергеевна, — она дорожила этим родством... и часто любила вспоминать былые времена...»

Но более всего поэта интересовал его род — род Пушкиных, которому и посвящено стихотворение «Моя родословная».

В своих высказываниях о предках Пушкин вспоминал их военные подвиги, активное участие в государст-

венной жизни и политике. Но род его интересен и другим. Носителей фамилии издавна отличала образованность, тяга к литературе и поэзии.

Известным поэтом был родной дядя Пушкина — Василий Львович, отец поэта также писал стихи.

Литературный дар был и у Надежды Осиповны, обладавшей изящным эпистолярным стилем. Сестра и брат Пушкина — Ольга и Лев — писали стихи. Что же касается самой Марии Алексеевны, то ее внучка Ольга Сергеевна вспоминала, что она «была ума светлого и по своему времени образованного, говорила и писала прекрасным русским языком, которым так восхищался друг Александра Сергеевича, барон Дельвиг...».

Пушкин соединил в себе две ветви одного рода. Случилось это так. Предок поэта в шестнадцатом колене от Радши Петр Петрович Пушкин (1644—1692) — стольник, отличавшийся в войнах «с турками и крымцами», — был прямым предком поэта по двум линиям — отцовской и материнской.

Один из старших сыновей его — капитанармус лейб-гвардии Преображенского полка, — Александр Петрович, женатый на Евдокии Ивановне Головиной, стал прадедом поэта по отцу. А его младший сын Федор Петрович, женатый на Ксении Ивановне Кореновой, стал прадедом Пушкина со стороны матери.

Федор Петрович Пушкин — участник Прутского похода Петра I — был родным дедом Марии Алексеевны. В лице ее дочери Надежды Осиповны Ганнибал (правнучки Федора Петровича) и Сергея Львовича Пушкина (внука родного брата Федора Петровича — Александра Петровича) породнились представители одного и того же рода.

Пушкин, имея в виду деда Осипа Абрамовича Ганнибала и бабушку Марию Алексеевну, писал в автобиографических записках: «...дед мой... женился на Марии Алексеевне Пушкиной... дочери родного брата деду отца

моего (который доводится внучатым братом моей матери)».

Поэт, вероятно, много слышал от бабушки об ее отце — своем прадедушке Алексее Федоровиче Пушкине, который в юные годы был пажом при дворе царевны Прасковьи Ивановны и жил некоторое время в селе Рождествене (недалеко от Суйды), в поместье, подаренном Петром I племянникам, а также о судьбе братьев, сестер и других родных бабушки. Некоторые из них знали Пушкина младенцем. Александр Юрьевич — племянник Марии Алексеевны (двоюродный дядя поэта) — стал автором воспоминаний о детстве Пушкина.

Родные бабушки часто гостили, а то и подолгу жили в ее доме. Брат Марии Алексеевны (двоюродный дед Пушкина) — подполковник, а позднее статский советник Михаил Алексеевич Пушкин — несколько лет прожил в Рунове, здесь и женился (в 1791 году он обвенчался с девицей Анной Андреевной Мишуковой в Воскресенской Суйдинской церкви). В 1792 году здесь же у него родился сын Алексей. Тогда-то и взята была в руновский дом из соседней деревни Кобрино Арина Родионовна. Племянник бабушки Алексей стал первым питомцем будущей няни великого поэта.

О многом еще мог бы поведать руновский дом. В его высоких покоях, вероятно, находились и портреты представителей рода Пушкиных, и другие семейные реликвии¹. Возможно, было среди них изображение и самой бабушки поэта — Марии Алексеевны. Известно, что существовал прежде и портрет дедушки Пушкина — Осипа

¹ Портреты предков А. С. Пушкина сохранились и дошли до нас благодаря именно этой ветви рода. Хранители драгоценных семейных реликвий врач Евгения Львовна и инженер Сергей Львович Пушкины уже в нашем веке передали их в Пушкинский дом Академии наук СССР. В настоящее же время портреты предков великого поэта хранятся во Всесоюзном музее А. С. Пушкина.

Абрамовича Ганнибала, который мог также здесь находиться.

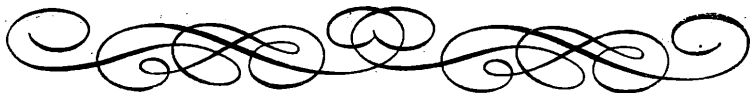
Арина Родионовна попала в руновский дом в тяжелые времена, переживаемые Марией Алексеевной.

Бабушка Пушкина с мужем своим, дедушкой поэта Осипом Абрамовичем, была в ссоре и, как говорили в XVIII веке, если супруги не жили под одной кровлей,— в «разъезде». Потому-то и парк насаживала, и все имение благоустраивала сама Мария Алексеевна. Хозяин же Рунова здесь почти и не жил¹.

¹ Руновский дом, любовно сохранный последующими владельцами усадьбы Лисянскими и Корташевскими, дошел до нашего времени. Вначале здесь помещалась школа, затем дом инвалидов. С 1964 года бывшая руновская усадьба была отдана областной туберкулезной больнице. Теперь, увы, она стала «закрытой зоной» для туристов.

Руновский дом — один из редких в окрестностях Ленинграда памятников русского деревянного классицизма — ныне требует срочной и серьезной реставрации. Его необходимо сберечь.

*Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, душой молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет...*

А. С. Пушкин. Сон

Бабушка и няня

Мария Алексеевна Пушкина вышла замуж за Осипа Абрамовича Ганнибала в начале 1773 года. Она познакомилась с будущим мужем, когда он приехал на Липецкие заводы, откомандированный сюда по службе. Ганнибал, морской артиллерии капитан второго ранга, стал бывать в Липецке, в доме отца Марии Алексеевны — Алексея Федоровича Пушкина. Старшая сестра Осипа Абрамовича — Елизавета Абрамовна — была замужем за Андреем Павловичем Пушкиным — военным инженером и подполковником, дальним родственником хозяина.

Ганнибал, образованный молодой человек 29 лет, «столичный щеголь и любезник», посватался к Марии Алексеевне, получил согласие на брак, и была сыграна свадьба¹.

Известно, что вначале молодые некоторое время жили вблизи Липецких заводов в Муроме. Здесь у них родился первый ребенок — мальчик, умерший младенцем. Затем супруги должны были переехать в Петербург. Еще в Муроме у них возникли материальные затруднения.

¹ См.: *Благова Д.* Рассказы бабушки. СПб, 1885, с. 458; *Телетова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л.: Наука, 1981, с. 13.

Свою «приданную деревню» Мария Алексеевна вынуждена была продать «для заплаты долгов мужа». Осип Абрамович был в ссоре с отцом Абрамом Петровичем, жившим в своем поместье Суйда под Петербургом, и не получал от него никакой помощи. Как писала потом Мария Алексеевна, «за худое поведение находился он под гневом у отца своего, который не токмо чтоб давать ему на содержание — запретил ему себя видеть». Отец сердился на сына за разгульную жизнь, неудачную карьеру, а теперь и за самовольную женитьбу. Осип Абрамович боялся показываться ему на глаза. В Петербурге молодые, вероятно, поселились у родной тетки Марии Алексеевны — Анны Юрьевны Квашниной-Самариной. Но Мария Алексеевна приложила все старания, чтобы помирить мужа с его отцом, и добилась успеха. Осип Абрамович получил «прощение и позволение к нему приехать».

Супруги теперь поселились в Суйде, в доме свекра и свекрови — Абрама Петровича и Христины Матвеевны Ганнибал.

Здесь родилась у них 21 июня 1775 года дочь — будущая мать великого поэта. Ее назвали именем старшей сестры Марии Алексеевны — Надеждой.

Но супруги к этому времени начали жить несогласно. Пушкин говорит, вспоминая деда и бабуку: «...ревность жены и непостоянство мужа были причиной неудовольствий и ссор, которые кончились разводом». Мария Алексеевна впоследствии писала о муже: «...стал он, следуя дурным склонностям, заслуживать гнев родительский и, чтобы одного избавиться, бежал из дому, оставя отцу своему письмо, что он навек от него скрылся». Осип Абрамович скрылся и от жены. Покидая Марию Алексеевну, он без ее согласия увез с собой восьмимесячную дочь, этим развязывая себе руки.

Покинутая мужем, отнявшим у нее и ребенка, Мария Алексеевна жить у свекра уже не могла. Она оказалась

и безо всякой материальной опоры, ибо, если дети оставались у отца (по закону это право имели отцы), ей при жизни мужа из его имения ничего не полагалось, только в случае смерти супруга она получала право на «седьмую часть». Покинутая и обездоленная, Мария Алексеевна, видимо снова нашедшая приют в Петербурге у своей тетки Анны Юрьевны, жила в беспокойстве за судьбу дочери.

В положении Марии Алексеевны, покинутой жены и несчастной матери, принимают участие ее родственники: родной брат Михаил Алексеевич — подполковник Орденского Кирасирского полка, Квашнины-Самарины — семья тетки, Нееловы — родственники по мужу, а позднее даже братья мужа Иван и Петр становятся на ее сторону. Под влиянием ли их советов, сама ли, но Мария Алексеевна отваживается на очень ответственный и решительный шаг, чтобы вернуть ребенка. Она обращается с письмом к Осипу Абрамовичу, в котором отказывается от всех материальных прав в настоящем и будущем, с тем чтобы дочь ей была возвращена. Мария Алексеевна пишет: «Государь мой Осип Абрамович! Несчастливый как мой, так и ваши обстоятельства принудили меня сим с вами изъясниться: когда же нелюбовь ваша к жене так увеличилась, что вы жить со мною не желаете, то уже я решилась более вам своею особой тягости не делать, а расстаться навек и вас оставить от моих претензий во всем свободна, только с тем, чтоб дочь наша мне отдана была, дабы воспитание сего младенца было под призором моим. Что ж касается до содержания, как для вашей дочери, так и для меня, от вас и от наследников ваших ничего никак требовать не буду, и с тем остаюсь с достойным для вас почтением, ваша, государь, покорная служанка Мария Ганнибалова».

Мария Алексеевна предложила мужу «внезаконный развод по обоюдному письменному договору» — «отзыву». Такие частные домашние разводы были распространены

в век Екатерины II в среде столичной интеллигенции: В это время «разъезды» супругов стали делом обычным. Именно тогда появлялись «соломенные» вдовы и вдовцы: «Партикулярные разводы» получили широкое распространение, так как формальные, законные разводы были затруднены — соединить и разлучить мужа с женой могла только церковь. Но «разъезды» по обоюдному согласию — «отзывам» — не могли затрагивать имущественных прав супругов и, конечно же, не давали права снова вступить в брак.

Своим письмом Мария Алексеевна не только предоставляла мужу свободу, но и отказывалась от материальных притязаний. Такое предложение, по ее расчетам, должно было устроить мужа, и она не ошиблась. Видимо зная, где находится Осип Абрамович, 18 мая 1776 года Мария Алексеевна отправляет ему это письмо.

Ответ приходит с необыкновенной по тем временам быстротой. Осип Абрамович долго не раздумывал. Уже 29 мая 1776 года, несколько задетый тем, что жена первая предлагает ему свободу, он пишет ей, охотно соглашаясь на предложенные условия: «Я издавна уже оное ваше желание и нелюбовь ко мне чувствительно предвидел и увеличившиеся ваши в досаждение мое, и несносные для меня поступки и поныне от вас носил с крайним оскорблением, и затем ныне я во всем по предписанному вашему требованию и со стороны моей согласуюсь и, в ваше удовольствие, как себе от вас приемлю, так и вам оставляю от меня свободу навеки, а дочь ваша Надежда припорушена от меня в Красном Селе моему приятелю... Александру Осиповичу Маазу для отдачи вам, которую и можете от него получить... а кормилица при ней как не собственная моя, так я и власти не имею оставить вам при дитяте, и затем желаю пользоваться вам златою вольностию, а я впоследствии называюсь муж ваш Иосиф Ганнибал».

Осип Абрамович пишет: «...дочь ваша Надежда», — и

в других документах он повторит то же, будто Надежда Осиповна не его ребенок. Но позднее, уже в свете, дочь, похожую на отца, назовут прекрасной креолкой. Когда минуют страсти и Надежда Осиповна вырастет, выйдет замуж, Осип Абрамович переменит к ней отношение. Он будет гордиться и ею, и своим образованным зятем — Сергеем Львовичем Пушкиным. Но пока Осип Абрамович с легкостью отдает Марии Алексеевне будто бы даже чужого ребенка взамен на обещание не иметь к нему материальных претензий.

Мария Алексеевна с дочерью вскоре уехала в деревню к родным, не имея средств к существованию в Петербурге. Здесь она повергла в отчаяние все семейство Пушкиных своим бедственным положением и поступком. В это время умер ее отец Алексей Федорович. Вот как об этом позднее писала Мария Алексеевна: «Издержав для заплаты долгов мужа все мое движимое и недвижимое имение... покинута с малолетней дочерью и, оставшись без всякого пропитания, принуждена была ехать в деревню к родителю моему, который, увидев меня в таком бедственном состоянии, получил паралич, от которой болезни скончался».

Родные, чем могли, помогли Марии Алексеевне. Она некоторое время жила у матери, братьев, затем у московских и петербургских родственников. Но когда прошло около трех лет, Марии Алексеевне стало известно, что Осип Абрамович женился.

Пушкин писал в автобиографических записках: «Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы...»

9 января 1779 года Осип Абрамович обвенчался с псковской жительницей — новоржевской помещицей Ус-

тиньей Ермолаевной Толстой, урожденной Шишкиной, вдовой капитана Ивана Толстого. Венчание происходило в имении Толстой, в Новоржевском уезде, в церкви Амвросьевского погоста. Жених выдал подписку, что вдов, и священник, не подозревавший обмана, обвенчал их. (При разборе дела Осип Абрамович ссылался на будто бы дошедшую до него весть о смерти первой жены, которую он проверять не стал.) Вероятно, истинное положение вещей было известно его второй жене; чтобы не остаться в проигрыше, она потребовала от мужа «рядную запись», в которой он расписался, что будто получил за ней приданого разными вещами на двадцать семь тысяч с лишним рублей. Осип Абрамович, «сорви-голова и ужас семьи», был горяч, легкомыслен и чрезвычайно доверчив. В Государственном архиве Псковской области и Центральном государственном историческом архиве Ленинграда хранятся документы, характеризующие «роковую женщину» «капитаншу Толстую», а затем «советницу Ганнибалову» как опытную сутяжницу и ростовщицу.

После расторжения ее брака с Осипом Абрамовичем Толстая мстила Ганнибалам. В особенности пострадал младший из братьев — Исаак Абрамович — один из ее должников.

В 1796 году Толстая возбудила процесс против бывшего мужа и обратилась к императору Павлу. Она требовала с Осипа Абрамовича долг по «рядной записи». По этому поводу в прошении от 23 марта 1797 года «на высочайшее имя» О. А. Ганнибал писал: «...рядная запись действительно мною дана; но, не получая за нею приданое ни малой части из означенного числа, коего она по состоянию ее до замужества, кое известно всему Псковской губернии благородному обществу, такового немаловажного количества она иметь никогда не могла, а дана она из одной моей к ней любви и приверженности... я, живши еще с нею... построил ей в Пскове дом,

в коем она ныне сама живет и пользуется с одного доходами; под городом купил дачу... сделано мною ей по ее желанию довольно число бриллиантовых вещей и серебро, доставшееся мне по разделе с братьями по кончине родителя нашего, все мною ей предоставлено, что составит сумму против рядной, и она, признав уже себя удовлетворенною по оной, дала мне в том и расписку. Но во усугубление совершенного моего несчастья она ея расписка у меня по бытности моей в ее доме похищена, а она... означенную рядную представила правительству...»¹

Когда много лет спустя, в 1806 году, после смерти Осипа Абрамовича, сельцо Михайловское Псковской губернии перешло к его единственной законной наследнице — дочери Надежде Осиповне, имение было обременено тяжелым судебным процессом, длившимся несколько лет.

Не случайно еще до решения дела Марии Алексеевны правительством старший из братьев Ганнибалов, Иван, стремился принять меры, которые бы помешали его брату Осипу продавать или закладывать деревни. Иван Абрамович опасался, что, пока решается дело его племянницы и невестки, Толстая успеет расточить имение брата. Ему стало известно, что Осип Абрамович под влиянием второй жены уже пытался заложить в Дворянском банке часть имений, полученных после смерти отца. Из дел Государственного архива Псковской области видно, что Осип Абрамович действительно добивался этого. В 1782 году контора Санкт-Петербургского дворянского банка наводила справки в Пскове, «состоят ли за ним деревни и в них души». Всего он собирался заложить 11 деревень и 138 душ крестьян².

¹ См.: *Вегнер М.* Предки Пушкина. М.: Советский писатель, 1937, с. 285—286.

² Государственный архив Псковской области, ф. 74, оп. 1, ед. хр. 70, л. 599.

В феврале 1782 года генерал-поручик И. А. Ганнибал пишет из Херсона в Петербург одному из сослуживцев — влиятельному чиновнику военного ведомства П. И. Турчанинову, прося о содействии «в рассуждение дочери брата моего, которая... по непримиримому несогласию родителей своих безвинно пострадать может». Иван Абрамович предлагает «брату имение запретить продавать и закладывать». Он далее просит учесть при решении дела невестки, что если при разделе с братьями Осипу «достаются деревни и усадьбы в двух местах, то чтобы одно было отдано ему, а другое — невестке с дочерью на содержание, как единственной наследнице всего имения».

Иван Абрамович осуждал поведение брата, как человека, потерявшего здравый рассудок, и стремился «к прекращению всего и недопущению фамильных... дел к обремененному важнейшими делами престолу». Тогда же он сообщал Турчанинову о решении своем выделить «из доставшегося... после отца нашего капитала... на содержание невестки и воспитание малолетней дочери брата... десять тысяч рублей». (Завещанный отцом капитал Иван Абрамович, как старший из братьев, должен был разделить между всеми наследниками.) Тогда же он извещал о том брата Осипа: «Я принужденным нашелся доставить им пропитание из означенных вам денег... следственно претензий к получению сего не имеете, сие вам покажется может быть обидно, но я считаю тем исполнить долг честного человека и доброжелательного вам брата».

Но Осип Абрамович не согласился с таким решением и позднее возбудил судебное дело против Ивана Абрамовича, которое тянулось много лет.

Дело о двоеженстве О. А. Ганнибала разбирала Псковская духовная консистория еще задолго до решения его правительством, 11 июня 1781 года. Его брак с Толстой был расторгнут, венчавший их священник лишен прихо-

да и заточен на полгода в монастырь. На Ганнибала наложена «семилетняя эпитимия с отправлением в монастырь в подначалие на год».

В это время попавшему в беду Осипу Абрамовичу пытался помочь Я. Е. Сиверс — генерал-губернатор Пскова, но даже его ходатайство не имело успеха.

По требованию консистории Осипа Абрамовича за двоеженство отстранили от службы в Пскове — лишили должности заседателя Совестного суда и дворянского заседателя.

Процесс же между Марией Алексеевной и Осипом Абрамовичем все еще тянулся. До решения дела правительство собрало сведения о той и другой стороне. Осип Абрамович и Толстая боролись за нерасторжение их брака. Он возводил небылицы на первую жену, обвиняя ее в безнравственном поведении, повторял, что Надежда Осиповна не его дочь, и дал ход «отзыву» Марии Алексеевны, в котором она первая предложила разъехаться. Толстая также «припадает к стопам» «всечеловеколюбивой матери Отечества», а в письме к императрице она называла иск Марии Алексеевны «неправедной фамилии Пушкиных происками».

Наконец 17 января 1784 года вышел указ императрицы, согласно которому законной женой Осипа Абрамовича признавалась Мария Алексеевна; Осипа Абрамовича вместо «семилетней эпитимии», наложенной на него консисторией, было приказано послать «на кораблях в Средиземное море, дабы он там службою с раскаянием своим содеянное им заслужить мог». Дочери выделялась четвертая часть имения отца.

В последнем же пункте указа говорилось: «Что принадлежит до прошения Ганнибаловой жены Марии по отце Пушкиной о оставлении ей на прожиток из мужнего имения, то как она в письме своем к мужу ея Осипу Ганнибалу от 18-го мая 1776 года... написала, что она от него и от наследников его на содержание свое ничего

требовать не будет, то затем ныне ей при живом ее муже, как на то и закону нет, из имени его ничего определять не следует»¹.

Мария Алексеевна выигрывает процесс не полностью. Большую роль при решении дела сыграл ее «отзыв», хотя юридической силы он иметь не мог и было ясно, что писалось это письмо «только для получения дочери своей». Возможно, оказали определенное впечатление наветы на Марию Алексеевну Осипа Абрамовича и его второй жены. Неприятные ассоциации могла вызвать у императрицы и сама фамилия истицы — «Ганнибаловой жены Марии по отце Пушкиной». Известно, что представитель этого рода Лев Александрович Пушкин (родственник Марии Алексеевны, родной дед поэта) «за противодействие восшествию на престол Екатерины II был заключен в крепость, где пробыл два года», а затем «уволен от службы за болезнями»².

Пушкин писал в стихотворении «Моя родословная», вспоминая случай с дедом:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.

Мария Алексеевна с дочерью до указа императрицы жила у Ивана Абрамовича Ганнибала в Суйде, затем она поселилась в выделенной им деревне Кобрينو, на мызе Руново. Но Осип Абрамович не сдаётся и затевает новые судебные дела. Его понуждали к дальнейшим действиям и половинчатое решение императрицы, по которому ничего не выделялось Марии Алексеевне, и то обстоятельство, что высочайший указ 1784 года был сформулирован недостаточно отчетливо. Осип Абрамович получил по на-

¹ Литературный архив. Т. 1. М.—Л., 1938, с. 213—214.

² См.: Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины: Родословная роспись. Л.: Изд-во АН СССР, 1932, с. 51.

следству 323 души (считались только души мужского пола), из них в деревне Кобринно под Петербургом 107 душ и в мызе Руново 3 души. Было не совсем ясно, откуда надлежало выделить четвертую часть — из всего ли имения Осипа Абрамовича, считая и сельцо Михайловское, или только из деревни Кобринно. Опекуны держались первого толкования, а Осип Абрамович — второго. Опекунами над малолетней Надеждой Осиповной были назначены генерал-майор Петр Абрамович Ганнибал и статский советник Михаил Алексеевич Пушкин — братья супругов с той и другой стороны. В споре с опекунами Осип Абрамович ссылался на закон о наследствах, по которому дочерям полагалась всего четырнадцатая часть. Это составило бы 23 души, примерно четвертую часть деревни Кобринно. Но этот довод Осипа Абрамовича был неоснователен, ибо такая доля дочерям полагалась при наличии братьев, а Надежда Осиповна была единственной наследницей. Дворянская опека запросила о размерах выдела Верховный земский суд, который предписал и деревню Кобринно, и мызу Руново отдать на содержание Надежды Осиповны. Осип Абрамович опять запротестовал, а когда в силу высочайшего указа ему пришлось отправиться «на кораблях в Средиземное море», за него продолжала судиться Толстая. Она обратилась в гражданскую палату и вначале имела успех.

По новому решению деревню Кобринно предлагалось разделить на две части: одна часть — Осипу Абрамовичу, другая — Надежде Осиповне. Но тогда опекуны запротестовали и обратились в Сенат. На этом дело кончилось. Деревня Кобринно с мызой Руново оставалась в ведении дворянской опеки, и доходами с них пользовались Мария Алексеевна с дочерью. Тщетно продолжали подавать прошения на высочайшее имя Толстая и вернувшийся из дальнего плавания Осип Абрамович.

Особенно раздражало Осипа Абрамовича, что Кобринным распоряжался брат Марии Алексеевны, Михаил

Алексеевич Пушкин, один из опекунов, в то время как юридически деревня принадлежала ему, Ганнибалу. Так, в 1795 году ревизскую «сказку» составил «Руновской мызы староста Филип Трофимов» не от имени Надежды Осиповны, а «флота артиллерии капитана второго ранга Иосифа Аврамовича Ганнибала». В ней «с ведома господина своего» Филип Трофимов писал «о положеных по последней 1782 года ревизии в вышеписанных показанного господина моего мызе и деревнях в подушном окладе дворовых людях и крестьянах с показанием истого числа разными случаями убылых и после ревизи вновь рожденных и прибылых, по самой истине, без всякой утайки...».

«Ревизская сказка» интересна тем, что в ней говорится о семье Арины Родионовны, жившей в Кобрине с 1781 года.

Всего на 1795 год в Кобрине и мызе Руново числилось 94 «мужска» и 114 «женска» пола крестьян. В специальной графе обозначены их «лета». О семье Арины Родионовны говорится: «Федор Матвеев — 39, у него жена Ирinya Родионова — 37, у них дети, писанныя в последнюю перед сим ревизию, — Егор 13¹/₂, рожденныя после ревизии Надежда — 7, Марья — 4»¹.

А. И. Ульяновский говорит в своей книге «Няня Пушкина» о документах, свидетельствующих, что «в споре обоих супругов крестьяне Кобринно были на стороне Марии Алексеевны и очень усердно и дружно отстаивали интересы «малолетней Надежды Осиповны», чем навлекали на себя жалобы со стороны Осипа Аврамовича»².

Крестьяне были на стороне Надежды Осиповны еще и потому, что боялись раздела деревни между спорящими сторонами. Они не хотели оставаться за Осипом Абрамо-

¹ Ульяновский А. И. Няня Пушкина. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1940, с. 94—95.

² Там же, с. 17.

вичем, который мог их продать либо подарить Толстой, разлучив с близкими, с родной деревней. Этого крестьяне особенно опасались. По воспоминаниям Ольги Сергеевны — сестры Пушкина, — Осип Абрамович так поступил в селе Михайловском — «выселил оттуда душ шестьдесят в пустошь, подаренную им Устинье Ермолаевне»¹.

В такое трудное для деревни время здесь появляется Арина Родионовна, вышедшая замуж за кобринского крестьянина. Бойкая, красноречивая Арина Родионовна и ее муж Федор Матвеев становятся уважаемыми крестьянами этих мест, без участия которых не обходились крестины, свадьбы и другие события деревенской жизни, о чем рассказывают документы Воскресенской Суйдинской церкви.

В это время Мария Алексеевна ближе знакомится с Ариной Родионовной.

А. И. Ульяновский пишет, что она не была «простой свидетельницей... событий в жизни Ганнибалов». Арина Родионовна становится «близка к дому Марии Алексеевны». Первое их знакомство состоялось еще тогда, когда младшая сестра Арины Родионовны, Евдокия, вышла замуж за дворового человека Суйдовской мызы Семена Кононова. «Своим острым разговором и бойкостью Арина Родионовна могла обратить внимание господ на себя... Всем этим объясняется, что в 1792 г. Арина Родионовна была взята Марией Алексеевной в дом покойного опекуна Надежды Осиповны, Михаила Алексеевича Пушкина... ко времени рождения его сына Алексея».

Всеми уважаемая крестьянка Арина Родионовна была взята, по одним сведениям, в няни, по другим — в кормилицы. Последнее также было весьма вероятно. К этому времени Арина Родионовна имела троих детей и млад-

¹ *Павлицева О. С.* Воспоминания о детстве А. С. Пушкина // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1974. Т. 1, с. 52.

шнему ребенку, дочери Марии (родилась 1 апреля 1789 года), шел третий год, а прежде детей кормили подолгу.

Двоюродный дядя поэта Александр Юрьевич Пушкин вспоминал: «...когда дядя мой Михайло Алексеевич Пушкин в 1791 году женился на Анне Андреевне Мишуковой... и в 1792 году родился сын Алексей, то Марья Алексеевна Ганнибалова дала ему в кормилицы из Кобрина вышеписанную Арину Родионовну... Ирина... оставлена была у него в няньках до 1796 года». Далее в этих же воспоминаниях А. Ю. Пушкин говорит: «...дочь Ирины Родионовны, Марья, молочная сестра брата моего Алексея Пушкина...»¹

Положение няни и в особенности кормилицы считалось почетным. Они сами, их семьи находились на особом положении, часто их даже отпускали на волю.

В 1795 году в Кобрине была построена отдельная изба для семьи Арины Родионовны. Она и теперь стоит, самая старая в деревне. В ней жили до наших дней потомки брата и золовки Арины Родионовны. Так домик дошел до нас. К 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина изба няни была реставрирована. При исследовании сруба дома подтвердилось время постройки — конец XVIII века. Оказалось также, что изба, специально строившаяся для семьи Арины Родионовны, была несколько просторнее, чем обыкновенные крестьянские дома в то время. Но все же изба вначале топилась по-черному. («Белые» избы строили в Петербургской губернии в то время только государственные податные крестьяне, платившие подати непосредственно государству, у помещичьих же крестьян они были большой редкостью).

Живя у господ в Рунове, Арина Родионовна часто могла бывать в своем доме. А когда на зиму она уезжа-

¹ Пушкин А. Ю. Для биографии Пушкина// Москвитянин, 1852, № 2411, кн. 2, с. 21—25.

ла с господами в Петербург, семья ее оставалась на попечении золовки и другой родни.

К 1790-м годам материальное положение Марии Алексеевны Ганнибал улучшилось. Доходы с имения и десять тысяч рублей, выделенные Иваном Абрамовичем из наследства отца на воспитание племянницы, дали возможность бабушке Пушкина жить безбедно. Она в то время купила собственный дом в Петербурге, «в Преображенском полку».

Мария Алексеевна усердно занималась воспитанием своей дочери. Большое внимание уделял Надежде Осиповне холостой и бездетный Иван Абрамович, привязавшийся к племяннице. К ней приглашают лучших гувернанток и учителей, она обучается французскому языку, танцам — получает великосветское воспитание. Благодаря знакомствам, посещениям театра и родственным связям Марии Алексеевны мать и дочь общались среди самых образованных людей Петербурга.

Дом Марии Алексеевны посещают сыновья ее родственника Льва Александровича Пушкина — Василий и Сергей Львовичи (Мария Алексеевна доводилась им троюродной сестрой) — блестящие гвардейские офицеры и образованные молодые люди. Оба они писали стихи и имели обширные литературные знакомства.

Судя по программе автобиографических записок, Пушкин собирался описать их жизнь в столице до женитьбы Сергея Львовича. В «первой программе» записок читаем: «Отец и дядя в гвардии... Их литературные знакомства...»

К сожалению, Пушкин не написал автобиографию. Какими бесценными могли бы стать страницы семейной хроники и истории (то был конец царства Екатерины II и начало воцарения Павла I)! Уцелел только крохотный фрагмент воспоминаний в пометах Пушкина на книге П. А. Вяземского о Фонвизине. Оказывается, Мария Алексеевна была даже на первых представлениях «Недоросля» в Петербурге и потом рассказывала об этом

внуку. «Бабушка моя сказывала мне, — писал поэт, — что в представлении «Недоросля» в театре была давка»¹.

Будущая мать поэта воспитывалась в блестящей культурной среде. Надежда Осиповна была умва, остроумна, необыкновенно привлекательна. Она постигает науку изысканного светского общения. Время как бы prepares ее к тому положению, которое она займет позднее в Москве, когда, став женою Сергея Львовича Пушкина, будет принимать у себя в доме светское общество и всю литературную Москву.

Братья Пушкины летом бывают на мызе Руново, а познакомившись с И. А. Ганнибалом, они гостят и в Суйде.

Сергей Львович, 26-летний гвардейский капитан-поручик, сватается к своей внучатой племяннице Надежде Осиповне Ганнибал, и предложение его принимается.

Сохранился документ Воскресенской Суйдинской церкви, где говорится, что 28 сентября 1796 года здесь венчались «Лейб-гвардии Измайловского полку поручик отрок Сергей Львович сын Пушкин, артиллерии морской 2-го ранга капитана Осифа Абрамовича Ганибала з дочерью ево девицей Надеждой Осиповой, оба первым браком».

Поручителями были со стороны невесты родной дядя «генерал поручик и ковалер Иван Абрамович Ганибал», со стороны жениха — «пример майор Павел Федоров сын Малиновский» — брат будущего директора Царскосельского Лицея, известного русского просветителя Василия Федоровича Малиновского.

После свадьбы молодые поселились «в Измайловском полку». Вскоре и Мария Алексеевна, продав свой прежний дом, купила другой, поближе к дочери и зятю, также «в Измайловском полку».

¹ Новонайденный автограф Пушкина/Подготовка текста, статьи и комментарии В. Э. Вацура и М. И. Гиллельсона. М.—Л.: Наука, 1968, с. 16.

Летом Пушкины и Мария Алексеевна жили на мызе Руново. Со времени замужества Надежды Осиповны деревня Кобрино и Руново становятся ее приданым. К ней позднее (с 1806 года, после смерти отца) перейдет и село Михайловское в Псковской губернии.

Мария Алексеевна, которая сама была несчастлива в браке, вероятно, была довольна семейной жизнью дочери. Надежда Осиповна и Сергей Львович на редкость подходили друг к другу. По словам первого биографа Пушкина П. В. Анненкова, «они совершенно сошлись по своему знанию французской литературы и светскости». Позднее их стали называть Филимоном и Бовкидой, по имени неразлучных и любящих супругов из древнегреческой мифологии.

20 декабря 1797 года у Марии Алексеевны родилась внучка Ольга (старшая сестра поэта). После ее рождения Арина Родионовна была взята в семью Пушкиных. Жизнь ее теперь еще более тесно связывается с ними: она вынянчила всех их детей. Ольга Сергеевна вспоминала, что ее няня «Арина Родионовна, воспетая поэтом, сделалась нянею для брата, хотя за ним ходила другая по имени Ульяна... Между тем родился Лев Сергеевич, и Арине Родионовне поручено было ходить за ним: так она сделалась общею нянею». Есть предположение, что к Ольге Арина Родионовна вначале взята была не в няни, а в кормилицы. В беседе с Н. В. Бергом младшая дочь Арины Родионовны Марья Федорова вспоминала о матери: «Только выкормила Ольгу Сергеевну, а потом к Александру Сергеевичу была взята в няни»¹. А. И. Ульяновский считал, что «показание Марьи Федоровой о том, что мать ее выкормила Ольгу Сергеевну, заслуживает некоторого внимания» (в это время у Арины Родионовны был грудной сын Стефан, и она действитель-

¹ Берг Н. В. Сельцо Захарово// Москвитянин, 1851, ч. III. № 9-10, с. 29—32.

то могла быть кормилицей старшей сестры поэта). Ульяновский пишет: «Приставленная к Ольге Сергеевне сначала как кормилица (возможно и временно), она могла остаться затем ее няней и няней последующих детей Пушкиных. Известно, что Арина Родионовна метко прозвала Ольгу Сергеевну «занавесочной барышней», так как Ольга Сергеевна принимала кормление грудью лишь с закрытыми глазами».

С сестрой, которая была старше всего на год, Пушкин был дружен и до поступления в Лицей неразлучен. Естественно, что и Арину Родионовну, возможно бывшую кормилицу сестры и их общую няню, он стал называть мамой.

А. П. Керн писала о Пушкине в «Воспоминаниях»: «Я думаю, он никого истинно не любил, кроме няни своей и потом сестры...»¹

Кучер Пушкина Петр Парфенов, дворовый села Михайловского, который Пушкина «помнил хорошо и знал», в 1859 году так отвечал на вопросы литератора К. А. Тимофеева: «„А няню его помнишь? Правда ли, что он ее очень любил?“ — „Арину-то Родионовну? Как же еще любил-то... И он все с ней, коли дома. Чуть встанет утром, уж и бежит ее глядеть: „здорова ли, мама?“ — он ее все мама называл... И уже чуть старуха занеможет там, что ли, он уж все за ней...»²

«Была она настоящею представительницею русских нянь», — вспоминала об Арине Родионовне Ольга Сергеевна. К детям в господские семьи брали кормилиц и нянь. К мальчикам еще приставляли «дядек» (известно, что у Пушкина был Никита Козлов, верный и преданный «дядька», проводивший поэта до могилы). Эти про-

¹ Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Художественная литература, 1974, с. 93.

² Парфенов П. Рассказы о Пушкине, записанные К. А. Тимофеевым // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 429.

стые люди любили чужих детей, как своих, отдавали им все, на что способна привязчивая и добрая русская душа. Эту восходящую к глубокой старине патриархальность отношений, любовь и преданность людей из народа Пушкин запечатлел в своем творчестве. Савельич в «Капитанской дочке», няня Татьяны и Анисья, ключница Онегина в романе «Евгений Онегин», няня Орина Бузырева в «Дубровском» — во всех этих героях есть черты, роднящие их с реально существовавшей Ариной Родионовной.

Великий поэт, по словам П. В. Анненкова, любил няню «родственной неизменно любовью и в годы возмужалости и славы беседовал с нею по целым часам».

По оставленной Пушкиным «программе записок» можно судить, что он собирался подробно описать события в жизни родителей и до и после своего рождения: «Свадьба отца... Рождение Ольги — Отец выходит в отставку, едет в Москву — Рождение мое». Далее среди впечатлений детства в «программе записок» стоит — «Няня». «Записки» Пушкин не написал, но об Арине Родионовне поведал в своих произведениях.

Вскоре после рождения дочери Ольги Сергей Львович вышел в отставку и переехал с семейством на постоянное жительство в Москву, где жили его мать, брат Василий Львович и другие родственники. Арина Родионовна, как кормилица и няня Ольги Сергеевны, уехала вместе с ними. Из церковной записи известно: «в Москве в 1799 году, мая 26-го дня, в день Вознесения» родился у Пушкиных сын Александр.

Мария Алексеевна решила также перебраться в Москву, а Кобринно продать «по причине связанных с ним тяжелых воспоминаний» и под давлением желавших этого дочери и зятя. В 1804 году ею было куплено подмосковное село Захарово. Здесь проходили детские годы А. С. Пушкина. Но в 1811 году это подмосковное село было уже продано Марией Алексеевной, так как обстоя-

тельства жизни родителей поэта снова изменились и они собирались вернуться в Петербург.

Кобрино Мария Алексеевна продала в 1800 году. Семья Арины Родионовны была исключена из «запродажной». Что же стало далее с ее членами? О судьбе их некоторые сведения сообщает в «Воспоминаниях» Ольга Сергеевна: «Когда Мария Алексеевна... продала его (Кобрино.— *Авт.*)... то при этом случае отпустила на волю Арину Родионовну с двумя сыновьями и двумя дочерьми...» (Няню к этому времени сестра Пушкина считала вдовой.) Далее из ее рассказа следует, что Арина Родионовна, привыкнув к своим питомцам, о вольной «и слышать не хотела». Но отказалась ли она от нее только для себя или для всей семьи — не совсем ясно. В «Воспоминаниях» Ольги Сергеевны вполне определенно сказано только о судьбе Марьи — дочери Арины Родионовны: «Эта Марья... привезена была в Захарово и вскоре, по желанию ее матери, отдана замуж за одного из зажиточных крестьян захаровских». (Таким образом, Марья, выданная замуж за крепостного человека, крестьянина Алексея Никитина, сама стала крепостной.) Когда Мария Алексеевна, продавая в 1811 году Захарово, предлагала выкупить все семейство Марьи, няня об этом «и слышать не хотела». «На что вольная, матушка; я сама была крестьянкой», — повторяла она. Из рассказа Ольги Сергеевны следует, что няня отказалась от вольной для дочери Марьи и ее семьи.

Из приводимых А. И. Ульяновским в его книге документов можно предположить, что муж Арины Родионовны Федор Матвеев умер в период между 1801—1802 годами, дети же ее вольной не получили. Но по этим же и дополнительным источникам можно судить, что и она сама, и дети (дочь Надежда и сыновья Егор и Стефан) фактически пользовались свободой и в разное время по долгу жили в своей родной деревне Кобрино, но позднее оказались в селе Михайловском среди дворовых.

Отпустить на волю семью няни Мария Алексеевна, видимо, собиралась (не случайно это запомнила ее внучка Ольга Сергеевна), но не отпустила. Возможно, это уже не зависело от бабушки Пушкина, ведь деревня Кобринно была приданым Надежды Осиповны. Не потому ли Арина Родионовна решила дочь Марью лучше оставить среди захаровских крестьян, что положение остальной ее семьи было неопределенным — то ли они вольные, то ли нет? К этому времени няня уже хорошо знала своего нового хозяина — Сергея Львовича Пушкина, его скупость и бесхозяйственность. Семью Марьи исключили бы из «запродажной» Захарова, а затем могли бы перевести в Михайловское. Положение же крестьян в разоренном дедушкой Пушкина Михайловском поместье было гораздо хуже, чем в сельце Захарове.

Однако очевидно и то, что семья Арины Родионовны находилась на особом положении, как семья кормилицы и няни. Членам ее хотя и не дали вольную, но предоставляли какие-то льготы. На определенное время их отпускали, они могли иметь побочный заработок или помогать по хозяйству родственникам в своей деревне. Такая форма отношений барина с крепостным была распространена вблизи больших городов, особенно Петербурга и Москвы. Крестьяне (обычно дворовые помещика или его оброчные крестьяне) могли искать заработки в городах, на сезонных работах. Мужчины устраивались в извозчики, кучера, дворники; женщины — в горничные, няни, кухарки. Частью заработанных денег они платили помещику оброк. Подобные отношения, видимо, существовали у Сергея Львовича с членами семьи Арины Родионовны. Но по истечении срока дети няни должны были возвращаться к помещику.

Так, в 1808 году дочь Арины Родионовны Надежда Федорова, как свидетельствуют документы, «живет в доме Пушкиных в Москве на Поварской улице, при матери, среди многочисленной дворни». А по «ревизским сказ-

кам» 1816 года Арина Родионовна значится в Михайловском среди дворовых Пушкиных и с нею вместе сыновья Егор и Стефан, «жена Егора Аграфена и дочь их Катерина». В другие же годы, как можно судить по документам, они отсутствуют среди дворни Пушкиных. Не иначе как особым положением семьи няни можно объяснить эти факты.

Мария Алексеевна, не сумевшая отпустить детей Арины Родионовны на волю, все же как-то позаботилась о них. В деревне Кобринно оставался дом, специально выстроенный для семьи няни. Продавая в 1800 году деревню вместе с крестьянами и всеми строениями, бабушка Пушкина, очевидно, договорилась с новыми владельцами, что в этой избе останутся жить на неопределенное время муж и дети Арины Родионовны, исключенные из «запродажной» Кобринна; впоследствии же при необходимости в дом поселат односельчан из их родни. Таким образом, няня и ее дети в любое время могли найти приют в родной деревне, что всегда было мечтой каждого крестьянина.

Кобринно было продано, а семья Арины Родионовны продолжала жить в своей избе до 1807 года. В 1802 году, после смерти мужа няни Федора Матвеева, к осиротевшим детям подселили семью его сестры Марьи Матвеевой. Вскоре женился старший сын Арины Родионовны — Егор Федоров. Теперь вместе с его женой Агриппиной Ивановой, судя по исповедальным росписям Суйдинской церкви, в доме жили еще ее отец и мать.

Так в этой избе (тогда лучшей в деревне) поселились две родственные семьи, потомки которых продолжали жить в ней до наших дней. Время от времени и после 1807 года здесь бывали Федоровы — дети Арины Родионовны, приезжая помогать родственникам вести хозяйство, косить сено и т. д. Известно, что целых два года, с 1828-го по 1830-й, прожил в Кобрине у родных, в своей старой избе, Егор Федоров вместе с семьей. И сама няня много раз бывала на родине.

Известно, что она приезжала сюда в 1800, 1803 и 1804 годах. Арина Родионовна гостила тогда не только в Кобрине, но и в Суйде (где жили ее мать и брат — Семен Родионов), и в Воскресенском у старшей сестры. В 1803 и 1804 годах Арина Родионовна пробыла в этих местах длительное время в связи с печальными семейными обстоятельствами — умерла ее мать Лукерья Кириллова и овдовела сестра Евдокия Родионова.

Бывала няня в родных местах и в последующие годы, когда ее отпускали господа (например, когда в 1814—1816 годах Сергей Львович служил в Варшаве).

27 июня 1818 года, 73 лет от роду, умерла в Михайловском Мария Алексеевна — бабушка Пушкина. Ее похоронили в Святогорском монастыре рядом с Осипом Абрамовичем. Муж и жена не виделись с 1776 года — начала их ссоры. «Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга», — позднее писал их внук в автобиографических записках.

Можно представить, как тяжело пережила няня Пушкина кончину столь близкого для нее человека, ее благодетельницы — Марии Алексеевны. Некоторое время после ее смерти она вновь живет у себя на родине, затем бывает здесь проездом.

1824—1826 годы Арина Родионовна вместе с Пушкиным прожила в Михайловском, разделив с поэтом его изгнание.

Среди дворовых в Михайловском няня занимала особое положение. Так было заведено еще при Марии Алексеевне. После отъезда Пушкина из ссылки она остается здесь на положении ключницы, хранительницы усадьбы, исполняет его поручения, отправляет в Петербург книги и вещи поэта. Мы узнали это из цитированного выше ее письма Пушкину от 30 января 1827 года. В нем она сообщает, что и сама недавно ездила в столицу. В последний раз няня приехала в Петербург в 1828 году в связи с замужеством Ольги Сергеевны.

Сестра Пушкина вступила в брак с Николаем Ивановичем Павлищевым в январе 1828 года вопреки воле родителей. Молодые поселились в Придворных слободах (район Владимирского проспекта, в каком точно доме — неизвестно). Ольге Сергеевне теперь, как хозяйке, предстояло вести дом. С родными отношения оставались холодными. Только в марте они согласились выделить ей несколько дворовых. В это время Ольга Сергеевна и решила взять к себе Арину Родионовну. Сделать это она могла только с разрешения родителей, так как своих крепостных не имела.

Итак, Арина Родионовна вынуждена была отправиться в Петербург доживать свой век в доме Ольги Сергеевны.

Няня приехала к Павлищевым, по-видимому, в начале марта 1828 года, еще по зимнему пути. В последний раз повидала она в Кобрине своего сына Егора, внучку Катерину и других родных.

Через несколько месяцев Арина Родионовна умерла. Ольга Сергеевна пишет в «Воспоминаниях»: «Умерла она у нас в доме, в 1828 году, лет семидесяти с лишком от роду, после кратковременной болезни». Долгое время точная дата кончины няни и место ее захоронения были неизвестны. «...Удивительно,— отмечал Ульяновский,— что о месте захоронения Арины Родионовны ничего не было известно сыну Ольги Сергеевны — Льву Николаевичу Павлищеву...», к которому обращались по этому поводу. Только в 1940 году Ульяновский в результате кропотливых поисков в архивах узнал, что Арина Родионовна погребена на Смоленском кладбище. Так долго существовавшая версия, о том, что няню похоронили на Большеохтинском кладбище, была им отвергнута¹. Это он установил, что Павлищевы жили в 1822 году не в Большом Казачьем переулке, как считалось прежде (сюда Ольга Серге-

¹ Ульяновский А. И. Няня Пушкина, с. 62—66.

евна переехала позднее), а в Придворных слободах и что они и их дворовые являлись прихожанами Владимирской церкви. В метрической книге этой церкви, в части, где перечислены умершие за 1828 год, Ульяновский обнаружил запись от 31 июля № 73: «5-го класса чиновника Сергея Пушкина крепостная женщина Ирина Родионова 76 старостию иерей Алексей Нарбеков. В Смоленской».

«Идя далее в наших разысканиях,— пишет Ульяновский,— мы могли обнаружить и запись церкви «Смоленская божия матери, что на Васильевском острове при кладбище», того же 31 июля:

„Ирина Родионова дому 5-го клас, чиновника Пушкина служащая женщина л. 76 старость владимирской иерей Алексей Норбеков”».

Возраст Арины Родионовны в приведенных церковных книгах указан неправильно — она родилась в 1758 году, а умерла в 1828 году — семидесяти лет от роду.

Но Ульяновский ошибся, считая днем смерти няни 31 июля. Хоронили всегда на третий день, включая день кончины. Следовательно, отпели и похоронили Арину Родионовну 31 июля, а умерла няня Пушкина 29 июля 1828 года.

В одной из своих рабочих тетрадей Пушкин сделал запись о кончине Арины Родионовны. Эта горестная пометка сохранилась на одном из листов тетради вблизи наброска «Волненьем жизни утомленный...». На листах рядом черновые строки стихотворения «Предчувствие»:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

В 1940 году А. И. Ульяновский подробно прокомментировал запись в книге «Няня Пушкина».

Это время было для поэта чрезвычайно тяжелым. Против него возбуждается длительное политическое дело о распространении в списках отрывка из его стихотворения «Андре Шенье» (понятого как стихи о декабрьском восстании). Затем возникает и второе дело — о написанной в 1821 году и распространившейся в списках поэме «Гавриилиада». Пушкина по первому и второму делу вызывали, допрашивали, после чего решением Государственного совета за поэтом был учрежден полицейский надзор.

Беда не приходит одна. В это время не стало Арины Родионовны. Ощущением тревоги и горестной утраты веет от набросков стихов Пушкина, соседствующих с пометой о ее кончине.

Здесь же Пушкин рисует и портреты няни (они на полях следующего листа тетради, где продолжена работа над поэмой «Полтава»). Нарисована голова старушки в повойнике, рядом с ней поясной портрет девушки в сарафане, с косой и девичьей повязкой на голове, какие носили крестьянские девушки Петербургской и Псковской губерний.

Пушкин нарисовал няню одновременно и старой и молодой, подобно тому как не раз в своих автопортретах рисовал себя молодым, каким уже не был, а рядом — пожилым, в возрасте, до которого не дожил.

Далее, правее над текстом, сделан набросок еще одного профиля — молодого мужчины, с волосами, подстриженными в кружок. По определению исследователя рисунков Пушкина Т. Г. Цявловской, это портрет известного русского фольклориста, близкого знакомого поэта П. В. Киреевского; ему позднее Пушкин передал записи народных песен.

Знаменательно, что, словно размышляя над няниной судьбой после ее кончины, Пушкин здесь же нарисовал и портрет собирателя русского народного творчества.

Оба женских портрета определены как изображения няни сравнительно недавно¹.

При внимательном рассмотрении рисунков оказалось, что лица старушки и девушки поразительно похожи и являются портретами одного и того же человека в молодости и старости и что оба они напоминают известный рельефный портрет Арины Родионовны работы Я. П. Серякова (резьба по кости), хранящийся во Всесоюзном музее А. С. Пушкина.

Об одном портрете — юной Арины Родионовны — уже было сказано. На другом же няня нарисована такой, какой поэт запомнил ее в последний раз, вероятно уже на смертном одре: перед нами лицо старушки с уже застывшими чертами, с опущенными веками... Судя по рисунку, Пушкин приходил проститься с няней, видел ее в гробу. О сохраненной навсегда памяти об Арине Родионовне говорят строки стихотворения 1835 года:

Бывало,
Ее простые речи и советы
И полные любви укоризны
Усталое мне сердце ободряли
Отрадой тихой...

(«Вновь я посетил...» Черновой отрывок)

Но еще ранее Пушкин поместил в «Северных цветах» на 1830 год стихотворение «Зимний вечер», которое он написал в 1825 году в Михайловском и, вероятно, читал самой няне. Поэт называет ее «доброй подружкой» и просит:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

«Зимний вечер», опубликованный после смерти Арины Родионовны, явился словно венком на ее могилу.

¹ См.: Грановская Н. И. Рисунок Пушкина. Портреты Арины Родионовны. Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1973, с. 27.

О смерти няни узнали друзья и знакомые Пушкина. В 1830 году Николай Михайлович Языков написал стихотворение, посвященное ее памяти;— «На смерть няни А. С. Пушкина». В нем он говорит:

Я отыщу тот крест смиренный,—
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов...

Арина Родионовна родилась и умерла крепостной. Могила ее вскоре была утрачена. «...На кладбищах,— писал Ульяновский,— к могилам незнатных особ, тем более крепостных, не проявляли никакого внимания... оставленная без присмотра могила няни оказалась вскоре затерянной». Судя по стихотворению Языкова, в 1830 году могилу Арины Родионовны пытались разыскать, но уже не нашли¹. В Петербурге у няни не было близких родных. Дочь Марья жила в подмосковном Захарове, сын Егор до 1830 года находился в Кобрине, остальных детей — Надежды и Стефана,— есть основания предполагать, к 1828 году уже не было в живых. Не позаботилась о могиле няни и Ольга Сергеевна.

Что касается Пушкина, то, как писал Ульяновский, «только указанными и продолжавшимися тревогами в

¹ Со временем появилось несколько версий о местонахождении могилы няни Пушкина. По одной — Арина Родионовна похоронена в Святогорском монастыре, вблизи могилы самого поэта. По другой — в Суйде, на старом погосте, среди могил родичей и земляков. По третьей — она была похоронена на Большеохтинском кладбище, в Петербурге. Сохранились воспоминания о кресте, могильной плите и камне, будто бы имевших надпись: «Няня Пушкина».

Последняя версия о захоронении Арины Родионовны на Большеохтинском кладбище жила до наших дней. Она была документально опровергнута А. И. Ульяновским, доказавшим, что няня Пушкина похоронена на Смоленском кладбище. Ульяновский писал: «Стремление жителей разных местностей присвоить себе честь погребения Арины Родионовны понятно, и в этом случае всякие предания должны уступить место документальным материалам».

жизни поэта и его последующими частыми и продолжительными отъездами из Петербурга можно объяснить, что могила няни оказалась забытой и уже через полтора года затерянной).

Не потому ли Пушкин так не любил огромные и тесные городские кладбища, что там затерялась могила его няни, и предпочитал скромные деревенские, где «неукрашенным могилам есть простор»? Это выражено им в полных глубоких и грустных размышлений строках стихотворений «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829) и «Когда за городом, задумчив, я брожу» (1836).

И не потому ль в восьмой главе «Евгения Онегина» (глава писалась с конца 1829 года до сентября 1830-го), когда Татьяна вспоминает о могиле своей няни, поэт словно соперживает с ней:

...Смирненное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей...

На Смоленском кладбище в июньские Пушкинские дни 1977 года была открыта наконец памятная мемориальная доска (вместо ошибочно установленной в 1928 году, к столетию со дня смерти Арины Родионовны, памятной доски на Большеохтинском кладбище).

При входе на кладбище в специальной нише на мраморе высечена надпись:

«На этом кладбище похоронена Арина Родионовна няня А. С. Пушкина. 1758—1828.

„Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя”».

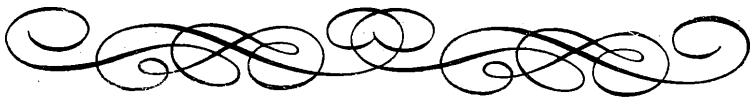
А. Герасимов, член исторической секции Ленинградского областного отделения Общества охраны памятников, писал: «...по инициативе первичной организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры при Государственном оптическом институте

имени С. И. Вавилова был поднят вопрос о необходимости установления мемориальной доски Арине Родионовне Яковлевой на Смоленском кладбище. Эту инициативу поддержали Ленгорсовет, городское и областное отделения Всероссийского общества охраны памятников, Пушкинский дом и Всесоюзный музей А. С. Пушкина.

Мемориальная доска была изготовлена и установлена усилиями ГОИ имени С. И. Вавилова, Василеостровского отделения Всероссийского общества охраны памятников, института имени И. Е. Репина и завода гипсовых и мраморных изделий»¹.

¹ Герасимов А. Только что открыта «Подруге дней его суровых»// Ленинградская правда, 1977, 12 июня.

Там чудеса...

*Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны...*

А. С. Пушкин. Руслан и Людмила

Домик Арины Родионовны и ее сказок

В Кобрине, в Домике няни, чудом сохранившемся с Ганнибаловой поры, оставались жить ее родные и владели им из поколения в поколение. Потомки сестры мужа Арины Родионовны — Трошковы — продолжали жить в нем и после Великой Отечественной войны.

Изба няни, самая старая в деревне, сохранилась, когда все кругом жгла и разрушала война. Но после того как Трошковы переехали в Ленинград, домик остался без хозяина. Ветхий и беспризорный, он мог сгореть или развалиться. В начале 1950-х годов избушку спасла добрая женщина, словно руку помощи протянула живому существу. Это была Наталья Михайловна Ныркова, деревенская учительница. Ее удивительная судьба связана также с французским Сопротивлением.

В. Е. Бажова, коллега Нырковой по работе в школе, вспоминала о ней в 1984 году: «Наталья Михайловна стала первым общественным экскурсоводом, как она сама себя называла... В Кобрино она поселилась после войны, и когда узнала, что это за домик — а он тогда совсем развалился... его на свои малые деньги купила. Стала в нем жить. А крыша текла, стены покосились. Но она тут жила, никуда не хотела переезжать, добыва-

лась, чтобы домик сделали музеем. Понимала его ценность. Дом жив, пока в нем есть человек, говорила. Сейчас в нем сколько людей, каждый день экскурсии... Наталья Михайловна живая такая была, жизнерадостная. К ней всегда люди заходили, особенно школьники. «Пушкинский актив» она их называла. Она, знаете, такое правило для них завела: прочти стихотворение Пушкина, переступишь порог. А как она об Арине Родионовне умела рассказывать — как живую ее видели в этой избе...»¹

Экскурсии Нырковой были интересными и содержательными, но она всегда стремилась к пополнению своих знаний и за методической помощью обращалась во Всесоюзный музей А. С. Пушкина. В новой деятельности экскурсовода Наталья Михайловна нашла свое призвание. В особенности ее любили дети, которым она казалась самой Ариной Родионовной. Живя в домике, Наталья Михайловна стойчески сохраняла его. Это был еще один подвиг Н. М. Нырковой².

¹ *Ильина М.* «Женщины в русских селеньях»// Ленинградская правда, 1984, 6 июня.

² О первом подвиге Натальи Михайловны рассказал нам архивный документ (копия, перевод французского текста):

«Мы, нижеподписавшиеся, проживающие в Лижере, Сен Жервэ де Ви (Сарт), свидетельствуем, что 25 июня 1944 года в 6 ч. утра дали убежище двум русским женщинам: Нырковой Наталье и Ефремовой Марии, которые бежали из концентрационного лагеря в Шампани (Сарт). Их привел к нам один знакомый нам испанец, нашедший убежище во Франции после подавления Республики.

Эти женщины, смертельно усталые оттого, что их вели пешком, безо всякой обуви, в лохмотьях вместо одежды, после тяжелых работ, которые их заставляли выполнять в течение длительного времени при весьма недостаточном питании, были в состоянии крайней нужды и почти полного изнеможения. Давая убежище русским пленным в то время, когда наша страна еще находилась под вражеским игом, мы знали, каким репрессиям можем подвергнуться. Ферму нашу могли сжечь, а всю семью расстрелять. Если мы это сделали, то потому, что очень пострадали

В полуразвалившейся избушке, как в настоящем музее, Натальей Михайловной были заведены книги отзывов и регистрации посетителей. Эти «книги», простые школьные тетради, сохранились. В них люди благодарили Ныркуву и выражали надежду, что избушка Арины Родионовны будет реставрирована и в ней откроется музей. Но Наталья Михайловна до этого дня не дожидая. Она ушла из жизни в начале 1974 года, всего за несколько месяцев до открытия кобринского музея.

В середине 1960-х годов вопросом реставрации Домика Арины Родионовны в Кобрине занялись Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), Всесоюзный музей А. С. Пушкина, местный колхоз «Память Ильича» и Гатчинский краеведческий музей¹.

Вскоре после Великой Отечественной войны началось поистине всенародное движение за восстановление памятников родной истории и культуры. Был создан в 1966 году при Центральном совете ВООПИК Фонд охраны памятников истории и культуры².

Через Госбанк в фонд поступали добровольные взносы от отдельных граждан и организаций. Особую роль в

от немецкой оккупации, от зла, которое немцы причинили Франции, и в лице этих русских женщин были рады выразить чувство признательности и уважения к России, т. к. только благодаря помощи, которую она оказала нашим союзникам, страну нашу удалось освободить.

Мы спрятали их в лесу и приносили им каждый день пить и есть до того дня, когда при подходе американцев эти женщины присоединились к Армии.

Председатель Комитета по оказанию помощи военнопленным в Сен-Жервэ де Ви (Сарт)
(подпись) (печать)

Рэн Гильмоу.

¹ В настоящее время Домик Арины Родионовны находится в ведении Дирекции объединенных музеев Ленинградской области.

² См.: Известия, 1966, 30 сент.

сборе средств для Домика няни, как и Дома стационарного зрителя в Выре, взяла на себя первичная организация ВООПИК при Государственном оптическом институте им. С. И. Вавилова во главе с ее председателем, токарем мастерских этого института Иваном Дмитриевичем Лариным. В фонд с 1969 года начали поступать добровольные взносы для реставрации Домика няни.

Еще шла реставрация, а уже начали поступать и экспонаты для будущего музея Арины Родионовны на ее родине.

Всесоюзный музей А. С. Пушкина организовал сбор предметов крестьянского быта среди населения. Многие старинные вещи были найдены школьниками деревни Кобринно. Ряд ценных вещей передан новому музею из Выры, а также из Тихвинского историко-краеведческого музея. Некоторые экспонаты подарили ленинградские коллекционеры Л. П. Переверзев, Е. Ю. Мельникова, Н. П. Нератова.

Деятельное участие в организации музея в Кобрине, а перед тем и в Выре приняли общественный инспектор Леноблсполкома И. А. Глов и художник-архитектор С. П. Светлицкий.

С помощью Сергея Павловича Светлицкого были найдены старинные вещи крестьянского быта, он же помог в художественном оформлении музеев. Позднее Светлицкий стал автором серии пастельных рисунков, воспевающих пушкинские места Гатчинского района.

Участие в создании экспозиции Домика няни приняли жители города Пушкина, члены районного отделения Общества охраны памятников и Клуба ветеранов труда: В. П. Лазарева, М. Г. Шплет, Н. Г. Феофанова, Е. С. Фридлянд, В. В. Шубина, М. Ф. Волкова, Е. В. Захарова, Е. К. Куликова, М. И. Александрова, М. В. Салунина, А. К. Уланова, М. В. Борисова. Они принесли в дар музею старинные вышитые полотенца, лапти, гли-

няную посуду, половики и скатерть с вышитыми на ней народными пословицами и поговорками.

Особый вклад внесла народная художница, скульптор Елена Степановна Волкова. В 1966 году она вылепила скульптуру «Пушкин и няня». Созданный ею образ Арины Родионовны был одним из наиболее удачных. Мечтой Волковой стало отлить памятник с этой модели и открыть его в селе Воскресенском, где родилась няня великого поэта. Мечта художницы, ныне уже покойной, пока не осуществлена.

Реставрация Домика Арины Родионовны была закончена в июне 1974 года. Открытие экспозиции, приуроченное к 175-летию со дня рождения А. С. Пушкина, состоялось 3 июля 1974 года. «Временник Пушкинской комиссии» за 1974 год сообщал в отделе хроники: «В деревне Кобрينو (ныне Гатчинский район Ленинградской области) жила няня Пушкина Арина Родионовна. Домик ее чудом уцелел и после тщательной реставрации (выполненной по проекту ленинградского архитектора-реставратора В. В. Экк) обрел первоначальный облик... За свою долгую жизнь домик сильно обветшал, ушел глубоко в землю. Его подняли, заменили два нижних венца, химики решили пропитать сруб специальными составами, чтобы укрепить бревна. Изба наново покрыта тесовой крышей, какой она была во времена Арины Родионовны... С южного фасада к домику вновь прирублено невысокое крыльцо, обновлены небольшие сени... В домике представлено убранство бедной крестьянской избы конца XVIII в. ...Экспозиция подготовлена старшим научным сотрудником Всесоюзного музея А. С. Пушкина Н. И. Грановской... экспонируются портреты няни... записали на магнитофон голос современной народной сказительницы — он звучит во время экскурсии»¹.

¹ Хроника за 1974 г.// Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1977, с. 176.

В Домике представлены несколько портретов Арины Родионовны. Один из них помещен в витрине в сенях, где сосредоточена небольшая литературная экспозиция. Это горельеф, он создан в начале 1840-х годов резчиком-самоучкой Я. П. Серяковым (в экспозиции копия горельефа с подлинника, хранящегося во Всесоюзном музее А. С. Пушкина). Долгое время горельеф находился у родственников Серякова в Пскове, затем был куплен коллекционером М. Ф. Каменским. Сын его, поэт Василий Каменский, в 1911 году подарил горельеф Максиму Горькому, который в 1919 году передал его Пушкинскому дому. На обратной стороне оригинала сохранилась надпись, сделанная старинным почерком: «Арина Родионовна. Нянька Пушкина». Далее в экспозиции помещена фотокопия с рукописи поэта, на полях которой его рисунки — два портрета няни, о которых уже рассказано. Здесь же находится и предполагаемый портрет няни, выполненный масляными красками одним из художников Арзамасской школы, известной своей любовью к изображению людей из народа. Портрет датируется 1820-ми годами и интересен тем, что костюм модели — типичная одежда «нянюшек и мамушек». Копию с оригинала, хранящегося во Всесоюзном музее А. С. Пушкина, сняла для Домика няни в 1973 году художница Н. П. Нератова¹.

Бытовая, основанная на старинных материалах экспозиция представляет убранство крестьянской избы конца XVIII — начала XIX века — времени, когда жила здесь няня великого поэта.

Войдя в горницу, мы видим деревянные ведра и корыта, русскую печь, ухваты и шесток для просушки одежды. Вдоль стен — широкие длинные лавки (спали тогда на полотах и лавках, постилая толстый войлок). Ни кроватей, ни пуховиков, ни лоскутных одеял еще не

¹ См.: *Грановская Н. И.* Рисунок Пушкина. Портреты Арины Родионовны, с. 30.

было в крестьянском быту. Не было и ситца — все в избе домотканое: покрывало (на самой широкой лавке, в углу избы) и спускающийся с жерди полог, занавеска у печки и развешанная здесь крестьянская одежда. Мы видим кофту из белого холста, сарафан из холщовой ткани и головной убор замужней женщины — повойник. К матице (продольной потолочной балке) на длинных пеньковых веревках приделана «зыбка» (детской люлькой служило обыкновенное корыто). В этой избе выросли дети Арины Родионовны. Рядом с «зыбкой» — небольшая скамейка с круглой выемкой посередине. Сюда, в отверстие, помещали младенца, уже стоявшего на ножках. Ребенок должен был находиться в этом плену, чтобы не мешать взрослым. Здесь же и деревянные куклы, какими играли крестьянские дети. На лавке у оконца — прялка с куделью и веретенком, моталка для пряжи, ткацкие принадлежности конца XVIII века и клубок шерсти с вязальными спицами. Рукоделием занимались обычно на «супрядках» — посиделках с прядением и вязанием, во время которых пелись песни и рассказывались сказки. Работали при лучине. В избе мы видим высокий кованый светец с поддоном середины XVIII века. В светец вставлялись сухие лучины (тонкие полоски дерева), которых на один вечер надо было припасти очень много.

В красном углу — иконы. В центре старинный образ богородицы с окладом из речного жемчуга, сохранившийся в этих местах.

На добротном крестьянском столе для большой семьи — посуда того времени. Ели из деревянных чашек. Варили пищу в глиняных горшках. Большое место в крестьянской еде занимала капуста. Картофель в это время еще прочно не вошел в обиход и совсем не заменил традиционную репу. Но главной пищей крестьян Петербургской губернии была похлебка, или «варка». Она готовилась из квашеной капусты, овсяных и ячменных круп, грибов и мелкой сушеной рыбы. Мясные щи, греч-

невая каша, пироги входили только в праздничное меню. В праздники же готовили сбитень, который варили из воды и меда. Чай в Петербургской губернии пили с начала XIX века только богатые крестьяне, но в каждой избе обязательно стоял бочонок с хлебным квасом. Обращает на себя внимание оплетенный берестой кувшин для хранения масла конца XVIII века. Дно кувшина имеет специальный выступ, чтобы в погребе погружать его в землю для охлаждения.

Особую ценность представляет небольшой старинный мешочек из домотканого полотна — сума, или по-современному сумка. По преданию, это вещь самой Арины Родионовны. Сума долгое время хранилась у псковского историка Н. Ф. Окулич-Казарина. В 1911 году он передал ее потомкам псковского уездного предводителя дворянства Н. А. Яхонтова, в имении которого Комно, под Псковом, бывал Пушкин в годы михайловской ссылки. В память великого поэта в семье Яхонтовых образовался домашний музей¹.

Возможно, Н. Ф. Окулич-Казарин подарил Яхонтовым сумку Арины Родионовны, чтобы присоединить ее к другим пушкинским реликвиям этого дома.

В 1965 году часть предметов была передана в дар Всесоюзному музею А. С. Пушкина А. Н. Яхонтовой-Высоцкой (правнучкой Н. А. Яхонтова). Сумка, по словам дарительницы, принадлежала Арине Родионовне и была сшита из полотенец, вытканых крепостными мастерицами села Михайловского, работавшими под ее наблюдением.

В экспозиции музея много лубочных картинок на сказочные и евангельские сюжеты — любимое украшение

¹ Знаменательно, что Александр Николаевич Яхонтов (сын Н. А. Яхонтова), с детских лет знавший Пушкина, тоже учился в Лицее. Он был литератором, писал стихи, очерки, занимался переводами. В 1870-х годах А. Н. Яхонтов был одним из организаторов музея Пушкина в Лицее.

крестьянских изб прошлого. Здесь они всюду — в красном углу, в простенках избы и даже в сенах. Они помогают раскрыть духовный мир Арины Родионовны.

Стены маленького домика слышали голос самой няни поэта, и до сих пор под его крышей словно витают образы ее сказок. Когда посетители переступают порог Домика, они попадают в сказочную атмосферу. В сенах с потолка свисают березовые веники, засушенные цветы и лечебные травы. В избушке предстают перед нами на лубочных картинках XVIII века герои народных русских сказок: Бова-королевич, богатырь Еруслан Лазаревич, царь Султан Султанович, королевич Гвидон, Баба Яга. Здесь же стоит деревянное «разбитое» корыто, словно из «Сказки о рыбаке и рыбке». Книга для регистрации посетителей лежит на столе, покрытом «скатертью-самобранкой» с вышитыми на ней народными пословицами... Войдя в музей, посетители останавливаются у дверей горницы, и экскурсовод включает магнитофон. «Они слушают сказку словно самой хозяйки — Арины Родионовны, — одну из рассказанных ею Пушкину, а ранее своим детям и односельчанам, здесь, в этой избушке»¹.

В Домике няни нельзя не поведать о ее сказках. Поэт помнил их с детства.

Как песни давние или страницы
Любимой старой книги, в коих знаем,
Какое слово где стоит,—

писал он в стихотворении «Вновь я посетил...» (черновой вариант).

Став няней в семье Пушкиных на сороковом году жизни, Арина Родионовна уже знала много сказок, бытовавших на ее родине. С годами этот запас пополнялся. Должен был обогатиться он и при общении няни с дво-

¹ Мадисон В. П., Смирнова О. П. Домик пушкинской сказки// Вперед, 1984, 5 июля.

ровыми, когда жила она в доме господ в Суйде, Петербурге, Москве и Михайловском. Среди двора были весьма распространены сказки и различные чудесные необыкновенные истории, являвшиеся иногда единственным развлечением простых людей. Сказки любили слушать и господа «на сон грядущий».

Среди дворовых сказки не только рассказывались, но и читались. Когда господ не было дома, какой-нибудь один на всех грамотей читал книжки собравшимся в людской горничным и лакеям. Но что это были за книжки? Они представляли собой лубочные издания с картинками¹. Эти сказки затем много раз пересказывались, превращаясь в устные. Особенно любимы были пришедшие из книжки и переделанные на свой лад сказки о Бове-королевиче и богатыре Еруслане Лазаревиче.

В семействе Пушкиных сказки и всякого рода «пиитическое творчество» особенно поощрялись. Племянник поэта Л. Н. Павлицев вспоминал, что «в передней Пушкиных находились доморощенные стихотворцы...» и что камердинер Сергея Львовича — Никита Тимофеевич —

¹ Сюжеты сказок, их герои вошли в лубок, стали его темой. Вместе с книжками отдельные лубочные картинки продавались на базарах. Ими украшались стены людских в барских домах, трактиры, постоялые дворы и крестьянские избы. Лубочные издания были рассчитаны не столько на «благородное», сколько на среднее и низшее сословия — купцов, ремесленников и дворовых. Они представляли собой массовую литературу XVIII и первой половины XIX века. Это были литературно обработанные западноевропейские волшебные-рыцарские романы, фантастические повести, а также переделанные устные народные сказки — сочинения писателей М. Д. Чулкова, В. А. Левшина, Кирши Данилова и других. Много было неизвестных авторов либо позднее позабытых. Среди последних имена Матвея Комарова и Евграфа Хомякова — бывших дворовых. Их произведения «Крестьянские сказки, или Двенадцать вечеров для препровождения праздного времени» и «Забавный рассказчик, повествующий разные истории...» были популярны в конце XVIII века (см.: *Шкловский В. Матвей Комаров. Л., 1929; Хомяков Евграф. Забавный рассказчик, повествующий разные истории... М., 1774*).

сочинил балладу под заглавием «О Соловье-разбойнике, богатыре широкогрудом Еруслане Лазаревиче и златокудрой царевне Миликтрисе Кирбитьевне...».

Но вот среди дворни появилась Арина Родионовна, знавшая устные народные сказки, настоящие крестьянские. По словам сестры Пушкина Ольги Сергеевны, она «мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками...». Сестра поэта далее говорит: «Александр Сергеевич... оценил ее вполне в то время, как жил в ссылке в Михайловском».

В ноябре 1824 года Пушкин писал брату: «...вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!..» В другом же письме, в декабре того же года, поэт называет и рассказчицу: «...вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны...»

Пушкина в Михайловском интересуют крестьянские сказки и песни, те, которые рассказывались и пелись народом при особом доверии к слушателю. Это доверительное отношение поэт находит в лице Арины Родионовны.

Возможно, Пушкин знал и других исполнителей. Но изо всех, с кем сталкивался поэт на пути познания народного творчества, он выделил Арину Родионовну.

Няня знала настоящие народные сказки, но и весь «репертуар» дворовых ей был известен «как нельзя короче». От нее поэт услышал первые сказки — о Бове-королевиче и Еруслане Лазаревиче. Пушкин вспоминал о них в лицейском стихотворении «Сон» (1816).

Подвиги Бовы приводили в трепет мальчика Пушкина, герои сказки являлись ему во сне:

Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...

Сохранился отрывок лицейской поэмы «Бова» (1814). Сюжет этой сказки, широко известной в пушкинское время, таков: «Бова-королевич заключен в тюрьму отчимом и осужден на казнь (отчим убил отца королевича и женился на матери Бовы). При помощи девушки-чернавки Бова бежит. Он странствует, побеждает соперников. Ему помогает полупес-получеловек Полкан. Бова женится на красавице, царской дочери, но разлучен с женой и возвращается к ней в тот момент, когда она должна выйти за другого; затем обстоятельства снова разлучают их; теперь сам Бова хочет жениться на другой, но являются дети от первой жены и сообщают о матери»¹.

Сказка о Бове заинтересовала Пушкина и позднее². В 1822 году на юге он снова задумал поэму на ее сюжет. Но сохранились только планы и фрагменты, а сказочная поэма о Бове, с детских лет пленившем воображение поэта, так и не была создана.

В 1820 году Пушкин написал поэму «Руслан и Людмила». Имя главного героя (переделанное из Еруслана), скорее всего, появилось из няниной сказки. Под влиянием сказок Арины Родионовны возник в поэме и образ чародея Финна³.

Н. М. Карамзин пишет в «Истории государства российского»: «Финские чародейства подробно описаны в северных сказках». Эти северные, скандинавские сказки Пушкин мог также услышать от Арины Родионовны. Она

¹ Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе А. Арне. Л., 1929.

² Сказку о Бове-королевиче Пушкин знал и по народной книжке, а также широко распространенному лубку «Витязь Богатырь Бова-королевич». Поэт был знаком и с поэмой А. Н. Радищева «Бова». Пушкина заинтересовала необыкновенная популярность сюжета, и позднее он нашел литературный источник сказки — древнюю итальянскую поэму «*Buovo d'Antone*» о невероятных, фантастических приключениях героя, которая, будучи переведена в России, породила русскую сказку о Бове.

³ См.: Ульяновский А. И. Няня Пушкина, с. 8.

родилась и жила среди финнов и карелов — «чуди», как их называли. У Пушкина Финн — имя собственное. Возможно, злой великан Финн из скандинавской сказки превратился в его поэме в доброго волшебника Финна. Карамзин отмечает, что «финны и чудь славились волшебством», что они издавна были склонны к «волхованию и кудесничеству».

В поэме говорится о «финских чародействах»:

Наука дивная таится
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны;
.
Все слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,
И грозной воле их подвластны
И гроб и самая любовь.

Встреча Руслана с Финном, «предвиденная судьбой», становится одной из главных сюжетных линий поэмы; образ Финна, чародея, мог быть навеян в ней не только словами Карамзина о финнах и «чуди», но также сказками и рассказами няни¹.

В годы михайловской ссылки Пушкин записывает от Арины Родионовны несколько текстов (видимо, в том же ноябре 1824 года, когда он сообщает брату, что слушает сказки няни). Пушкин делает конспективные записи семи сказочных сюжетов, передавая своеобразную художественную манеру рассказчицы. По мнению известного ученого-фольклориста М. К. Азадовского, пушкинские записи представляют большой интерес, так как некоторые из записанных им нянинных сказок дошли до нас только в поздних редакциях².

¹ Финские мотивы встречаются в творчестве у современников Пушкина, например у писателя В. Ф. Одоевского, но влияние Арины Родионовны было более ранним.

² См.: Азадовский М. К. Литература и фольклор. Л.: Гослитиздат, 1938, с. 273.

Первая из них известна в русском и западноевропейском фольклоре как «Сказка о чудесных детях и оклеветанной жене».

Сюжет ее таков: царь выбирает себе невесту, женится и уезжает на войну; царица в его отсутствие родила ему чудесных детей; их подменивают; царицу изгоняют; она живет с детьми на острове; слухи о разных диковинках острова привлекают сюда царя; он находит жену с детьми, и семья воссоединяется.

Совершенно оригинально, по-своему рассказывает эту сказку Арина Родионовна. Она дает целый ряд неизвестных любопытных деталей, и даже в конспективной записи Пушкина будто слышится неторопливая певучая речь няни поэта: «Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвалилась, что государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья, что с первого года родит 33 сына. Царь женился на меньшей, и с первой ночи она понесла. Царь уехал воевать. Мачеха его, завидуя своей невестке, решила ее погубить. После девяти месяцев царица благополучно разрешилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудом — ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, в заволоке месяц; послали известить о том царя. Мачеха задержала гонца по дороге, напоила его пьяным, подменила письмо, в коем написала, что царица разрешилась не мышью, не лягушкой, неведомой зверюшкой. Царь весьма опечалился, но с тем же гонцом повелел дожидаться приезда его для разрешения. Мачеха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки; одну для 33 царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море. Так и сделано...»

Таково начало сказки, послужившей основой для написания Пушкиным в августе 1831 года в Царском Селе «Сказки о царе Салтане». У Арины Родионовны было

взято и оригинальное имя царя, но «Султан Султанович, турецкий государь», превратился в царя Салтана. У Пушкина чудеса творит царевна Лебедь, а у няни — сам царевич, «уродившийся чудом». В сказке Пушкина также выходят из моря «тридцать три богатыря» — и стерегущий их старик, названный здесь «дядькой Черномором».

Царевич, «уродившийся чудом», и число детей — 34 — в других вариантах этой сказки не встречаются (обычно сыновей у царицы трое, семь или двенадцать). Нет нигде и юношей, живущих в море (обычно они живут в лесу или на острове).

Почти во всех сказках Арины Родионовны присутствует ее любимый эпитет — «золотой» (у царевича «ручки по локотки золотые» и т. д.). Пушкин употребит его в своих сказках, даже тех, что написаны им позднее по книжным источникам («золотая рыбка», «золотой петушок»).

Высокое мастерство Арины Родионовны — сказочницы, быть может, с еще большей яркостью обнаруживается во второй записи. Сюжет имеет название «Чудесное бегство» или «Магическое бегство». Герой сказки — юноша, обещанный морскому или подземному царю. Девушка — дочь царя — выручает его. Они вместе бегут и, спасаясь от погони, превращаются в животных и разные предметы.

Начинается сказка тем же, что и в первой записи, своеобразным приемом повествования: «Некоторый царь ехал на войну, он оставил жену свою беременную. Едучи домой, дорогою захотелось ему пить — видит он пролуб, и в пролубе плавает золотой ковшик, — но только хочет он испить воды, кто-то его хватъ за бороду и не выпускает. Царь взмолился — нет. «Подари мне, чего ты не знаешь». Задумался бедный царь: «Как чего я не знаю? Я все знаю. Ну, так и быть, дарю». Приезжает домой, к нему выносят молодого Ивана-царевича, без него ро-

дившегося. Царь догадался, что его-то он и подарил, и весьма опечалился...»

Сказка в передаче Арины Родионовны отличается замечательной характеристикой героя. Он не пассивен и растерян, как в иных вариантах сказки. Это добрый молодец, «безунывная головушка». Он не боится угроз морского царя. «Повесить так повесить, голова моя недорога», — говорит Иван-царевич. Замечательна своей образностью и речь Марьи-царевны, иногда рифмованная. «Не печалься Иван-царевич, — говорит она, — скинь портки, повесть на шесток да спи...» (Слово «портки», или «порты», означало в старославянском языке всю верхнюю одежду.)

Морской царь задает Ивану-царевичу трудные задачи. Особо оригинальна третья, невыполнимая. «Ну, — Иван-царевич, — сказала Марья-царевна, — тут уж тебе и я не помогу — дело в том, чтоб ты сшил сапоги, покамест у него в руках соломинка будет гореть. Убежим».

Запись эта не нашла в творчестве Пушкина отражения. Он подарил ее другому поэту — В. А. Жуковскому. Она стала одним из источников его сказки «О царе Берендее...».

Жуковский из записи Пушкина заимствовал ряд имен и деталей, в том числе последнюю задачу морского царя — сшить сапоги, пока будет гореть соломинка — деталь, которая в мировом фольклоре встречается только в сказке Арины Родионовны.

На основе третьей записи Пушкиным создана «Сказка о попе и о работнике его Балде». «Указатель» Андреева не дает единого сюжета этой сказки. В русской фольклористике она была зафиксирована только в 1860-х годах. Тем больший интерес представляет сказка Арины Родионовны, ее смелая социальная заостренность — рассказ про жадного и глупого попа и умного крестьянина, про сбор оброка (Балда, собирающий оброк с чертей, тогда как помещики собирают его с крестьян).

У Арины Родионовны Балда вопреки имени, как Иван-дурачок в русской сказке, — добрый русский молодец, носитель народной мудрости.

У нее сказка делится на две части. В первой Балда у попа, во второй Балда у царя, дочь которого «одержима бесом», и Балда лечит царевну. Эту часть сказки Пушкин не использовал, но очень точно следовал первой части: «Поп поехал искать работника. Навстречу ему Балда. Соглашается Балда идти в работники, платы требует только три щелчка в лоб попу. Поп радехонек, попадья говорит: «Каков будет щелк». Балда дюж и работащ, но срок уже близок, а поп начинает беспокоиться... Поп посылает Балду с чертей оброк собирать. Балда берет пеньку, смолу да дубину, садится у реки, ударил дубиную в воду, и в воде охнуло. «Кого я там зашиб? старого или малого?» И вылез старый — «Что тебе надо?» — «Оброк собираю». — «А вот внука я к тебе пришлю с переговорами». Сидит Балда да веревки плетет да смотрит. Бесенок выскочил. «Что ты, Балда?» — „Да вот стану море морщить, да вас чертей корчить...”».

Осенью 1830 года в Болдине Пушкин пишет «Сказку о попе и о работнике его Балде». В ней речь героя напоминает текст няниной сказки:

— «Да вот веревкой хочу море морщить
Да вас, проклятое племя, корчить». —
Беса старого взяла тут унылость.
«Скажи, за что такая немилость?»
— «Как за что? Вы не плотите оброка,
Не помните положенного срока...»

Эту и другие сказки поэт читал Н. В. Гоголю летом 1831 года в Царском Селе. В ноябре того же года Гоголь сообщил А. И. Данилевскому, что Пушкин читал ему «сказки русские народные, совершенно русские». И далее: «Одна сказка даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая». Свидетельство Гоголя очень ценно. Сказку о Балде в точной передаче могли слышать

тогда только друзья и знакомые Пушкина. Из-за цензуры подлинный ее текст не мог быть опубликован до 1880-х годов.

Четвертая запись — древнейший сюжет. Его варианты отмечены по всей Европе, на Кавказе, в Индии, Африке, Египте и Северной Америке.

В сказке герой добывает смерть Кашея с помощью благородных животных. У Арины Родионовны она характерна необычностью деталей и тем, что в ней дан сюжет в чистом виде, не осложненный позднейшими вставными эпизодами, как в других вариантах: «Царь Кашей бессмертный не хотел дочери своей выдать замуж, покамест сам будет жив. Дочь приступает к нему: Где твоя смерть?.. Кашей жив. Наконец он объявляет, что смерть его на море, на океане, на острове Буяне, а на острове дуб, а в дубе дупло, а в дупле сундук, а в сундуке заяц, а в зайце утка, а в утке яйцо. Иван-царевич идет за смертью Кашея. Голод. Попадается ему собака, ястреб, волк, баран, рак.— Иван-царевич говорит им каждому: «Я тебя съем»,— но оставляет им живот. Приходит к морю, волк его перевозит, баран рогами сваливает дуб, собака ловит зайца, ястреб ловит утку, рак лапами выносит из моря яйцо... и прочее».

В сказке Арины Родионовны совершенной особенностью текста является образ дочери Кашея (в сказках этого типа обычно речь идет о пленнице). Считается, что такая редкая деталь говорит о весьма древней редакции сказки.

Хотя этой записью Пушкин не воспользовался, но царь Кашей появился в прологе к «Руслану и Людмиле», а слова «на море, на океане, на острове Буяне» породят эти образы в произведениях поэта.

В пятой сказке Арина Родионовна очень интересно соединила два сказочных сюжета. Один из них известен под названием «Сын царя и сын кузнеца», а второй — «Царь Соломон и его неверная жена».

Шестая запись включает три сюжета на одну и ту же тему — неосторожное слово. Из-за произнесенного в сердцах неосторожного слова — проклятья — человек делается достоянием нечистой силы, его уносит черт. С большими усилиями, подвергая себя чрезвычайной опасности, вызволяют героя другие персонажи. Сюжет первой сказки — невеста, проклятая своими отцом и матерью. Во второй — проклят жених. В третьей сказке мать, рассердясь на сына, сказала ему: «Лукавый тебя поberi» — и мальчик исчезает.

Для сказковедения эти тексты представляют большой интерес, так как записи подобных сюжетов крайне редки.

Седьмая запись послужила Пушкину материалом для создания «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». Этот сюжет, широко известный в западноевропейском фольклоре, у Арины Родионовны обрел своеобразные черты.

В «Указателе сказочных сюжетов» о содержании сказки говорится: злая мачеха приказала убить красавицу падчерицу, но она спасается и живет в лесу у разбойников, карликов или гномов; мачеха трижды отравляет ее, дважды она спасается; на третий раз девушку кладут в гроб, но ее видит царевич, берет гроб к себе, и она оживает.

На основе сказки, записанной от Арины Родионовны, а также известной Пушкину к этому времени сказки братьев Гримм на аналогичный сюжет он создал в ноябре 1833 года свою «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях».

Видимо, потому, что Пушкин хорошо знал сюжет по гриммовскому сборнику, он использовал лишь вторую часть няниной сказки, начиная с того момента, когда царевна заблудилась в лесу. Любопытные подробности и чисто народные выражения привлекли внимание поэта.

Вот фрагменты записи:

«Царевна заблудилась в лесу. Находит дом пустой — убирает его. Двенадцать братьев приезжают. Ах, — говорят, — тут был кто-то — али мужчина, али женщина; коли мужчина, будь нам отец родной али брат названный; коли женщина, будь нам мать али сестра...»;

«Сии братья враждуют с другими двенадцатью богатырями; уезжая, они оставляют сестре платок, сапог и шапку. «Если кровью нальются, то не жди нас...» Приезжая назад, спят они сном богатырским... Противники приезжают и пируют. Она подносит им сонных капель...»;

«...Мачеха ее приходит в лес под видом нищенки — собаки ходят на цепях и не подпускают ее. Она дарит царевне рубашку, которую та, надев, умирает. Братья хоронят ее в гробнице, натянутой золотыми цепями к двум соснам...».

В сказке Пушкиным описан совершенно крестьянский обиход царевны и семи богатырей. Здесь няня могла явиться для поэта источником познаний народных обычаев.

Дом царевна обшла,
Все порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затошила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

· · · · ·
Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!

· · · · ·
Кто-то терем прибирал
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися...

· · · · ·
И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.

Свое ощущение мира сказки Пушкин выразил в прологе к «Руслану и Людмиле», родившемся из слов няни о «лукоморье»: «У моря лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет». Здесь словно собраны вместе все сказочные чудеса.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;

.....
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей...

.....
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!

В прологе отражены впечатления и от лубочных волшебных-рыцарских сказок детства, и устных народных сказок, которые поэт так любил слушать от Арины Родионовны.

М. К. Азадовский писал о няне Пушкина: «...незаядкая сказочница, не просто няня-рассказчица, но выдающийся мастер-художник, одна из замечательных представительниц русского сказочного мира».

Образ Арины Родионовны — «мамушки» — появился в поэзии Пушкина еще в лицейском отрывке «Сон». Позднее же, в стихотворении 1822 года, он говорит о ней:

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов, игривых и печальных...

Именно «наперсницей», «другом вымыслов», хранительницей сказок была няня.

В 1833 году Пушкин написал стихотворение «Сват Иван, как пить мы станем...» (при его жизни оно не было напечатано). Здесь под именем Пахомовны поэт вспоминает покойную Арину Родионовну. В стихах, словно написанных от лица русского крестьянина, Пушкиным воссоздана атмосфера народности, окружавшая няню.

Оно посвящено памяти Арины Родионовны — замечательной сказочницы:

Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем —
Мастерица ведь была
И откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, так душе отраднo.
И не пил бы и не ел,
Все бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?
.....
Слушай, сват, начну первой.
Сказка будет за тобой.

У входа в маленький музей — избушку, где жила няня Пушкина, — все, кто пришел сюда поклониться ее памяти, читают высеченные на камне-валуне слова поэта:

Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем...

...Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал.

Из письма А. С. Пушкина
к П. Я. Чаадаеву
от 19 октября 1836 года

Музей на земле предков

Суйдинский народный музей открылся 1 июня 1986 года. В этот день в бывшей усадьбе А. П. Ганнибала проходил многолюдный Пушкинский праздник в честь 187-летия со дня рождения поэта. Почетным гостем Суйды, перерезавшим ленточку на торжественном открытии музея, был правнук великого поэта Григорий Григорьевич Пушкин.

С тех пор тысячи туристов посетили эти места, не только чтобы повидать бывшее поместье предков Пушкина, но и осмотреть новую экспозицию¹.

Суйдинский музей создан на общественных началах. Большая помощь при организации новой экспозиции в Суйде была оказана Дирекцией объединенных музеев Ленинградской области. В создании музея участие приняли местные жители, коллекционеры, пушкинисты, а также потомки А. П. Ганнибала и дальние потомки Арины Родионовны.

¹ Суйда входит в Пушкинское музейное кольцо Гатчинского района. Начиная с 1950-х годов местным краеведом А. Н. Лбовским, а затем Всесоюзным музеем А. С. Пушкина здесь устраивались Пушкинские выставки, которые прежде размещались в старом каменном флигеле усадьбы.

В экспозиции собраны изобразительные материалы, копии документов, предметы сельского и усадебного быта, рассказывающие об истории Суйды, о связи этих мест с предками поэта, с его родными и близкими.

На стенах — рисунки С. П. Светлицкого (виды суйдинского парка и усадьбы), работы на темы пушкинских сказок — акварели местной художницы В. И. Филипповой.

Здесь же дары потомков родни Арины Родионовны — старинный сундук, хлебное блюдо — и подарки земляков няни — деревянная, медная и глиняная посуда, старинные прялки, берестяные изделия, вышитые полотенца, самовары...

В особый раздел выделена тема «История Суйды». Здесь представлена карта Ингерманландии с указанным на ней погостом Суйда¹, гравированный портрет Петра I, портрет первого владельца этих мест П. М. Апраксина (фотокопия с работы неизвестного художника), фотоснимки с предполагаемых изображений А. П. Ганнибала, портреты его сына Ивана Абрамовича, внуков — Павла и Семена Исааковичей — и фотографии потомков прадеда А. С. Пушкина. В фотокопиях представлены изображения родных великого поэта — матери, отца, сестры, дяди Василия Львовича, а также няни. Здесь находится и портрет А. В. Суворова, бывавшего в Суйде.

В экспозиции имеется подлинная мебель конца XVIII и середины XIX века из имения Ганнибалов Елицы: кресла, бюро наборного дерева, стол. Представлены также вещи, поступившие от потомков Ганнибалов — Лабиная и Кротовых: старинная табакерка, шкатулка, «Судебник» 1768 года. Здесь и сохранившиеся предметы из сгоревшей

¹ Карта Ингерманландии, «исконной русской земли, отвоеванной Петром I у шведов, составленная по материалам шведских архивов в 1827 году», скопирована в Государственной публичной библиотеке и передана в Суйду Всесоюзным музеем А. С. Пушкина в 1965 году.

в 1964 году Воскресенской церкви — крест XVIII века, подсвечники, метрическая книга, молитвенник, иконы.

Интересны также экспонаты, найденные в Суйде при земляных работах. Это русские и шведские монеты времени Северной войны, фрагменты печных изразцов, фарфор XVIII века... Силами местных энтузиастов, в особенности общественного директора народного музея А. В. Бурлакова, экспозиция продолжает пополняться.

Не только Суйду, но и всю бывшую Водскую пятину можно назвать землей предков Пушкина. Здесь еще задолго до Ганнибалов, с конца XV и до начала XVII столетия, жила новгородская ветвь рода Пушкиных¹. Из них наиболее известны Евстафий Михайлович Пушкин, который в 1591 году был первым воеводой в Копорье; Иван Михайлович Пушкин, по прозвищу «большой», в 1571 году бывший осадным головой в Ивангороде, и Иван Михайлович Пушкин-«меньшой» — в 1581 году первый воевода в городе Карелы (Кексгольм). Известно, что еще в 1500 году Андрей Никитич Пушкин имел поместье в Сакульском погосте Водской пятины и в городе Карелы у него был «на острове двор».

Пушкины переселились сюда из Подмосковья и центральных губерний вскоре после присоединения Новгорода к Московскому государству. С конца XV века в Водской пятине они уже владели погостами Собельским, Передольским, Ярославским, Ижорским, Сакульским, Радужским, Никольским и другими. До того как этот край отошел по Столбовскому договору 1617 года к Швеции, несколько представителей рода Пушкиных владели деревнями, расположенными в устье рек Невы и Охты.

Интересно, что и земли Суйдинского, Никольского погостов принадлежали одному из далеких предков поэта — Василию Константиновичу Пушкину, который в

¹ Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины: Родословная роспись, с. 12—22.

1498 году владел здесь 37 обжами (обжа — мера земли, равная пяти десятинам).

После Столбовского договора эту исконно русскую землю — Водскую пятину — Россия была вынуждена уступить Швеции взамен захваченных ею русских городов.

Были отданы Ивангород, Ям, Копорье, Орешек «со всеми принадлежащими к ним землями и уездами, погостами и деревнями». Взамен Швеция возвратила Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладогу и Гдов.

Пушкины, как и другие дворяне, должны были либо срочно покинуть свои деревни и оставить нажитое добро, либо принять шведское владычество, поменяв затем и свою православную веру на лютеранство. Жителям городов предоставлялось право в течение двух недель перейти в «русские пределы», но уездные обывальцы оставались под «свейскою короною». Известно, что ушли в Россию все, кто мог, и по истечении этого срока.

Пушкины под «свейскою короною» не остались. Но вынужденное переселение и связанные с ним лишения в значительной степени способствовали оскудению их рода.

Лишь после освобождения края здесь снова обнаруживается новгородская пушкинская ветвь. В середине XVIII века на Новгородчине проживал и имел поместья «Сенатской роты подпоручик, помещик Новгородского и Крестецкого уездов» Изот Андреевич Пушкин. Его сын Никифор Изотович, «в 1793 году артиллерии капитан», а позднее действительный статский советник, был членом Комиссии по постройке Михайловского замка и Казанского собора.

Портреты представителей новгородской ветви рода Пушкиных — Изота Андреевича, Никифора Изотовича и жены его Евпраксии Аристарховны, урожденной Кашкиной, — хранятся во Всесоюзном музее А. С. Пушкина в Ленинграде.

После Северной войны на земле бывшей Водской пятины поселяются предки Пушкина по двум женским линиям — Головины и Ганнибалы.

Адмирал Иван Михайлович Головин был одним из сподвижников Петра I. Царь пожаловал ему поместье в только что отвоеванной Ингерманландии.

Головины вели свой род от грека князя Степана Васильевича Ховра. Он владел несколькими городами в Крыму, а в 1391 году выехал из Крыма в Москву. С тех пор он и его потомки служили великим московским князьям и занимали видное положение при дворе. Многие из Головиных были людьми замечательными.

Иван Михайлович, прапрадед поэта, прозванный Басом, начал службу комнатным стольником Петра. Он был очень любим царем и сопровождал его во время Азовских походов (1695—1696). Головин находился и в свите «большого посольства» в Голландии в 1697 году, где учился кораблестроению вместе с Петром I, затем был отправлен для усовершенствования в этом искусстве в Венецию. «...Государь любил его за искренность, простосердечие и верность. На всех пирах тосты всегда начинались здоровьем деток Головина, т. е. флота...»¹ По словам М. Вегнера, «Иван Михайлович был в числе главных сподвижников Петра I».

Что же представляло собой поместье, подаренное Петром I Головину в Ингерманландии?

Расположенная недалеко от Гатчины и Красного Села живописная местность известна теперь как поселок Тайцы. Среди прекрасных зеленых долин и холмов бьют родники с удивительно вкусной и прозрачной водой (на местном наречии они называются «тайцы»). От этих ключей берет начало речка Тайцы. В 1772—1777 годах был построен знаменитый Таицкий водовод — интересное инженерное сооружение. Водовод доставлял таицкую во-

¹ Вегнер М. Предки Пушкина, с. 171—176.

ду жителям Царского Села и действовал более полутора-раста лет. Таицкая вода воспета И. Ф. Анненским, Н. С. Гумилевым, А. А. Ахматовой и другими поэтами.

Теперь трудно представить, какими были Тайцы в первой половине XVIII века. Все постройки большой и малой таицких мыз перестраивались. Когда сын И. М. Головина — генерал-интендант Александр Головин — продал земли большой мызы горнопромышленнику А. Г. Демидову (уже в начале 70-х годов XVIII века), здесь был построен архитектором И. Е. Старовым знаменитый дворцово-парковый комплекс. Малую таицкую мызу купил прадед Пушкина А. П. Ганнибал также у Александра Головина вскоре после приобретения Суйды.

И. М. Головин был женат на Марии Богдановне Глебовой. У прадеда и прабабки Пушкина было пять детей. По своему родству и свойству Головины принадлежали к высшей служилой и родовой аристократии. Старший сын их, Александр, был женат на М. И. Новосильцевой; второй сын, Иван, — на И. А. Нарышкиной. Что касается трех дочерей Головиных — Натальи, Ольги и Евдокии, — то Наталья была замужем за князем К. А. Кантемиром, сыном знаменитого писателя, а Ольга — за действительным тайным советником Ю. Ю. Трубецким. Более всего интересуется нас Евдокия: она стала прабабкой Пушкина.

Прадед поэта Александр Петрович Пушкин женился на Евдокии Ивановне Головиной в 1720 году. Этот брак оказался несчастливым. В автобиографических записках Пушкин писал: «Прадед мой Александр Петрович был женат на младшей дочери графа Головина... Он умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах». После убийства жены Александр Петрович был арестован и вскоре умер в тюрьме. Круглыми сиротами оказались его дочь Мария и сын Лев, будущий дед поэта. Об их воспитании заботился Иван Михайлович Головин, родной дед, на чьем

попечении остались дети. Лев Александрович уже с детства записан был в Семеновский полк, затем, живя в Петербурге, служил в артиллерии, о чем писал Пушкин. В это время внуки, Лев и Мария, могли бывать в имении деда. Пушкин правильно считал Тайцы поместьем, пожалованным его предкам, так как, видимо, знал это из семейных преданий. Но он ошибочно думал, что Тайцы в числе других имений подарены императрицей Елизаветой А. П. Ганнибалу. На самом же деле таицкие земли были пожалованы Петром I Ивану Михайловичу Головину¹.

Суйда и близлежащие к ней земли с 1759 года принадлежали А. П. Ганнибалу. Абрам Петрович поселился здесь после выхода в отставку в 1762 году. По словам его «Немецкой биографии», о которой речь впереди, он тогда «начал вторично, как мудрец, деревенскую жизнь в тишине и покое». Какова была его прежняя и эта нынешняя суйдинская жизнь, мы могли бы судить по воспоминаниям Ганнибала, если бы они сохранились. Пушкин говорит о прадеде: «...он написал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами».

Автор книги «Предки Пушкина» М. Вегнер писал: «При дворах государей и в аристократических домах издавна было в моде держать арапчат, арапов и арапок. Но никто не помнил случая, чтобы арап — таким считали прадеда Пушкина — достиг высоких степеней, стал крупным помещиком, каким был Ганнибал, биография которого сбивается на занимательный, авантюрный роман»².

До Пушкина дошла рассказанная самим Абрамом Петровичем в последние годы жизни в Суйде (когда он уже

¹ О том, что Тайцы находились «в древнем владении» у Головиных, см.: ЦГИА, ф. 1350, оп. 312, ед. хр. 128.

² Вегнер М. Предки Пушкина, с. 11—12.

никого и ничего не опасался) его «Немецкая биография».

Этот интересный документ и сделанный поэтом перевод сохранились в бумагах Пушкина¹. «Немецкая биография» составлена после смерти А. П. Ганнибала (о том говорит бумага с водяным знаком 1787 года) Адамом Роткирхом, мужем его младшей дочери Софьи. Он женился на Софье после смерти ее отца, в Суйде же бывал еще женихом, и рассказы о родословной будущего тестя слушал от самого Абрама Петровича, а затем и от его сыновей. Позднее из этих рассказов Роткирх составил биографию Ганнибала, которую написал мелким готическим почерком на своем родном языке, отчего она получила название немецкой².

Пушкин посвятил африканскому прадеду роман «Арап Петра Великого», упоминает о нем в ряде стихотворений и переписке. Но в автобиографических записках (вероятно, писались осенью 1834 года) он суммировал и все, что знал о Ганнибале, и свое отношение к нему.

«Дед ее был негр,— писал Пушкин о родословной матери,— русский посланник в Константинополе как-то достал его из серала, где содержался он аманатом, и отослал Петру Первому с двумя другими арапчатами...»

Пушкин считал своего прадеда по материнской линии негром и называл себя «потомком негров безобразных». В некоторых автопортретах поэт нарочито придавал своему профилю негроидные черты. Но был ли А. П. Ганнибал негром? В XVII—XVIII веках и еще в пушкинское время неграми, «арапами», называли в России всех темнокожих людей.

В «Немецкой биографии» сказано, что Абрам Петрович «был родом африканский арап из Абиссинии...». В ней слово *moir* можно перевести как «арап», как «негр» и

¹ См.: Рукою Пушкина, с. 34.

² См.: *Телегова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина, с. 116.

как «мавр». Но здесь же говорится об Абиссинии (нынешней Эфиопии) как его родине.

В прошении же на имя императрицы Елизаветы от 1742 года (копия сохранилась в бумагах Пушкина) Абрам Петрович называет страну и город, где он родился: «Родом я нижайший из Африки, тамошнего знатного дворянства. Родился во владении отца моего в городе Лагоне, который и кроме того имел под собою еще два города». В конце XIX века академик Д. Н. Анучин, известный антрополог и географ, предпринял попытку разыскать родину Ганнибала. Он предположил, что возможным местом рождения Абрама Петровича могла быть провинция Логон в северной Эфиопии, на правом берегу реки Мареп, входящая в состав горной страны Хамасен.

«Население этой области,— писал Анучин,— чисто абиссинское, хотя темнокожое и курчавоволосое. Настоящих городов в европейском смысле здесь ныне нет, а только более или менее значительные селения, местоположение которых могло меняться с течением времени, но названия областей и округов идут из глубокой древности. Во всяком случае, другого имени, сколько-нибудь соответствующего названия «Лагон», в Абиссинии нет... а потому и следует признать, что здесь именно была родина Ганнибала»¹.

¹ Анучин Д. Н. А. С. Пушкин: Антропологический эскиз. М., 1899, с. 15—16.

Разыскивалась родина Ганнибала и в наши дни. Советский писатель Н. П. Хохлов посетил в 1971 году в Эфиопии места, о которых писал Анучин. Округа или провинции Логон он здесь уже не нашел, но о нем напоминало название небольшой деревни — Лого, бывшей резиденции правителей провинции Бахар-негашей. Хохлов в своей книге писал, что в Эфиопии фамилия Ганнибал не встречается, как нет и женского имени Лагань (имя сестры Абрама Петровича, упоминаемой в «Немецкой биографии»). Он выражал также удивление, почему Петр крестил Ибрагима, ведь Абиссиния — страна с христианской религией (Хохлов Н. Присяга просторам. М.: Детская литература, 1973, с. 55—70).

Пушкин называет Ганнибала «сыном владетельного князька». О знатности рода Абрама Петровича в «Немецкой биографии» сказано более значительно. Прадед Пушкина в ней «сын одного из тамошних могущественных и богатых влиятельных князей, горделиво возводящего свое происхождение по прямой линии к роду знаменитого Ганнибала, грозы Рима». Здесь очевидно стремление возвеличить род Ганнибалов, что характерно для многих родословных, основанных на семейных преданиях¹.

Но, при всей очевидности вымысла и склонности к преувеличениям, в «Немецкой биографии» словно бы присутствуют живые рассказы самого «старого арапа», запечатлевшиеся в памяти его близких. Пушкин успел услышать повествование об Абраме Петровиче из уст его сына Петра Абрамовича, последнего из еще оставшихся в живых двоюродных дедов поэта. Пушкин поместил рассказ о Ганнибале в примечаниях к первой главе «Евгения Онегина»: «До глубокой старости Аннибал помнил еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьев, из коих он был меньшой; помнил, как их водили к отцу, с руками, связанными за спину, между тем как он один был

¹ Следует учесть и время, когда составлялась «Немецкая биография» Абрама Петровича, главы рода Ганнибалов в России. В 1785 году был издан закон о переписи русского дворянства. При переписи разграничивалось «дворянство потомственное и службой приобретенное». Естественно, что прямые наследники Ганнибала стремились считаться потомственными дворянами. В начале дела о дворянстве разбирались на местах, затем поступали в Герольдию Правительствующего Сената. Ганнибалам необходимо было доказать свою родовитость. В то время (об этом рассказывают документы Центрального государственного исторического архива Ленинграда) братья Петр и Осип Ганнибалы хлопотали о внесении их в шестую, почетную дворянскую книгу. После разбора их дела в Пскове они подали прошение в Сенат (представили в Герольдию копию дарственной грамоты Елизаветы на Михайловскую губу и «патенты» на полученные отцом и ими самими чины по службе). Тогда же создавалась и «Немецкая биография», рассказывающая о княжеском происхождении главы рода.

свободен и плавал под фонтанами отеческого дома; помнил также любимую сестру свою Лагань, плившую издали за кораблем, на котором он удалялся». Основываясь на семейных преданиях, Пушкин далее сообщает о старшем брате Абрама Петровича: «Вслед за ним брат его приезжал сперва в Константинополь, а потом и в Петербург, предлагая за него выкуп; но Петр I не согласился возвратить своего крестника».

Родные А. П. Ганнибала считали, что он умер глубоким стариком, 92 лет от роду. Пушкин писал: «При Петре III вышел он в отставку и умер философом (говорит его немецкий биограф) в 1781 году, на 93 году своей жизни». Позднее это утверждение было сочтено ошибочным.

В «Немецкой биографии» сказано: «...на 8 году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь», а «привезен в Москву... моложе десяти лет». Сам же Ганнибал в дошедших документах свидетельствовал, что служит он с «705 года», хотя при этом возраста своего не указывал.

В последнее время окончательно принято считать датой рождения Ганнибала 1696—1697 годы, а датой приезда его в Россию — 1704—1705 годы¹.

¹ Но, судя по документам петровского времени, в конце XVII века у Петра I был уже арап Абрам Петров. Это имя носил и прадед Пушкина, только с начала 1730-х годов ставший называться Ганнибалом. Так, в дворцовой расходной книге, в приказе № 618 за 1699 год, сказано: «...портному мастеру Якову Иванову дано на приклад к пяти венгерским суконным кафтанам 1 рубль семь алт., всего за товары и на приклад 1 рубль 29 алт., 3 д., а те кафтаны иноземцам Василию Шапилову, Авраму Петрову, Антону Мануйлову, Францу Вельмиду, Алею Афанасьеву; Купил товары Мастерские палаты сторож Петрушка Аверкиев». Далее в этом же году в приказе № 658: «Арапу Авраму в прибавку к прежней даче к пяти рублям на рубахи да на сапоги и на чулки дано два рубля...»

Такие записи можно проследить с 1698 по 1717 год, где всюду в приказах именуется «арап» Абрам или Аврам Петров. Тот

Но в 1969 году в московском Центральном государственном архиве древних актов заместителем директора В. Козловым был обнаружен документ, связанный с братом Ганнибала, уточняющий дату рождения самого Абрама Петровича, — «Дело об ограблении неизвестными людьми арапа Алексея Петровича, брата Абрама Петровича Ганнибала...».

Документ относится к 1716 году. Публикуя его в своей статье «Когда родился прадед Пушкина Ганнибал», В. Козлов писал:

«До сих пор о брате Ганнибала совершенно не имелось никаких известий, поэтому в его реальность мало кто верил. Документ проливает и некоторый свет на время рождения Ганнибала и на время его приезда в Россию.

Сам Пушкин датой рождения Ганнибала считает 1688 год... Год рождения Ганнибала по Пушкину наиболее вероятен, и найденный документ, публикуемый ниже, подтверждает это.

Уже в 1696 году, по свидетельству Алексея Петровича, он был крещен «в Преображенском», а в 1702 году, во время поездки Петра I в Архангельск, он женился. Следовательно, в 1702 году ему было около 20 лет, то есть он родился примерно в 1682 году, а его младший брат Абрам Петрович — около 1688 года. В 1696 году Абрам Петрович родиться никак не мог, так как был уже привезен в Россию в возрасте около 8 лет»¹.

Найденное В. Козловым «дело» до сих пор не обратило на себя должного внимания исследователей (сам автор умер вскоре после единственной публикации «дела» в «Неделе»). Архивный документ, упоминающий о прадеде Пушкина, имеет для нас большое значение. «О факт, что «арап» по имени Абрам Петров известен по дворцовым книгам уже с 1698 года, отмечал в своих работах пушкинист Д. Д. Благой.

¹ Козлов В. Когда родился прадед Пушкина Ганнибал// Неделя, 1969, 27 окт.— 2 ноября, с. 18.

его рождении и ранних годах жизни мало что известно,— писал Козлов,— исторических документов никаких не сохранилось... такой документ обнаружен в фонде Правительствующего Сената».

Найденное в 1969 году «дело» является также дополнительной иллюстрацией дорожного быта России начала XVIII столетия¹.

¹ В связи с необыкновенно интересным содержанием документа он публикуется полностью: «1716 года марта в 9 день в Канцелярии Сената араплинен Алексей Петров допрашиван. А в допросе сказал: крещен де он в православную христианскую веру на Москве в Преображенском тому лет с двадцать, а воспитанником был царское величество. И служит в Преображенском полку в гобойстах лет с восемь. И в нынешнем 1716 году в январе месяце по указу великого государя, а по прошению брата ево Алексея государева камардина Аврама Петрова, отпущен он был в Пустозерский острог на четыре месяца для свидания с женою своею для того, что женат он из дому князя Василия Голицына на послуживице на девке Авдотье. А женился он на Пинежском волоку в то время, когда к городу был Его царского величества второй приход. И жила она Авдотья в Пустозерском остроге при сыне князя Василия Голицына при князе Петре. А для проезду до Пустозерского острога дано ему было пропускное письмо за рукою секретаря Алексея Макарова и подорожная была ему дана на две подводы за печатью и прогонные деньги дал ему он же Алексей Макаров. И как он ехал в Пустозерский острог в Олонецком уезде в Вытегорской волости напали на него воровские люди и платье с него кафтан и камзол и штаны сняли. А отпуск и подорожная у него были в том кафтане. И ево били смертным боем. И о том у него Алексея в Олонецком уезде на государевых заводах имеется словесное челобитье. И по дороге на почтовых станах все явки записаны. И с тех заводов по прошению ево Алексея горожанин который ехал из Санкт-Петербурха Мартын Галкин взял ево Алексея и кормил своим хлебом до Каргополя. А от Каргополя до города Архангельска ехал он Алексей один на наемной подводе. А на наем подводы дал ему Каргопольский комендант Петр Львович Касаткин два рубли. И приехав он к городу Архангельску не быв нигде на постоялых дворах явился к вице-губернатору Петру Ефимьевичу Лодыженскому того ж числа и был у него два дни, а на третий послал он вице-губернатор ево Алексея с солдатом Ульяном Скорняковым в Санкт-Петербурх и велел ево объявить

В результате предпринятых нами дополнительных розысков в том же архиве кроме опубликованного Козловым было найдено в фонде Правительствующего Сената и второе «дело», касающееся той же истории с братом Ганнибала, — «доношение» Сенату архангельского губернатора. В нем говорится, что Алексей Петров, так же как и Абрам Петров, «служил при доме Его царского величества». В документе повторяется: «...родом араплинин и крещен в православную христианскую веру на Москве Преображенском полку лет с двадцать восплеменником был Его царское величество и служил при доме Его царского величества гобоистом...»¹

В приводимых документах важны даты. Прежде всего 1716 год (им помечен документ), а вторую дату легко установить из источников: «...а женился он на Пинежском волоку в то время, когда к городу был Его царского величества второй приход». Здесь имеется в виду 1702 год — время поездки Петра в Архангельск.

Приведенные документы не противоречат «Немецкой биографии» Абрама Петровича, где сказано, что он умер в 1781 году, «на 93-м году жизни» (родился же, следовательно, в 1689 году), и исчислениям возраста Ганнибала пушкинистом Д. Д. Благим, В. Козловым и самим Пушкиным.

Подлинные архивные документы рассказали нам о старшем брате Ганнибала. Он оказался не тем княжеским сыном «Немецкой биографии» Абрама Петровича, который якобы приезжал в Петербург, предлагая за него вы-

в Канцелярии Сената. А кроме вышеписанных городов в иных городах он Алексей нигде не был». Приписка: «1716 года марта в 12 день по указу Великого государя Правительствующий Сенат приказали: арапа Алексея Петрова отослать на государев двор и отдать его Василию Мошкову с роспискою». «По сему указу в дом царского величества вышеписанного арапа Алексея Петрова Василий Мошков принял и расписался» (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, д. 43).

¹ Там же, оп. 8. д. 83.

куп, а когда было отказано в его просьбе, «одарив младшего брата... арабскими рукописями, касающимися их происхождения, уехал на родину». Арапчонок Алексей, как он был назван Петром при крещении в 1696 году, был рядовым музыкантом — гобоистом в Преображенском полку. Известно, что вначале и его младший брат Абрам был в том же полку барабанщиком. Однако Абрама Петрова Петр взял к себе в камердинеры. В той же «Немецкой биографии» сказано: «Император Петр Великий, в качестве не менее великого знатока людей, установил сразу наклонности своих прибывших питомцев...» Таким образом, один из братьев остался рядовым музыкантом¹, другой же получил образование во Франции, стал крупным инженером, математиком и фортификатором.

Пушкин говорит, что фамилию Ганнибал своему крестнику дал сам Петр. Однако Абрам Петрович никогда при жизни Петра I и Екатерины I эту фамилию не употреблял.

В 1873 году М. Д. Хмыровым в его «Исторических статьях» приводится запись Иркутского архива, относящаяся к 1727 году: «В декабре месяце прибыл из Тобольска лейб-гвардии, бомбардирной роты, поручик Абрам Петров, арап Ганнибал, для строения селенгинской крепости».

Запись эта любопытна тем, что в ней впервые встречается будущая фамилия Абрама — Ганнибал, окончательно принятая им впоследствии в Эстляндии.

¹ О дальнейшей судьбе Алексея Петрова ничего не известно. Возможно, после перенесенных побоев и многих выпавших на его долю испытаний при попытке навестить свою крепостную жену Авдотью он умер.

«Немецкая биография» замалчивает Алексея, но в ней сказано, что вместе с Ибрагимом (Абрамом) отправили из Константинополя «еще одного черного мальчика знатного происхождения, его соотечественника, который в пути скончался от оспы». Возможно, здесь упоминается брат Ганнибала, о дальнейшей судьбе которого лучше было не рассказывать. Его грустная история не только не помогла бы, а, скорее, помешала бы возведению рода Ганнибалов.

По-видимому, Пушкин не ошибся, считая, что первым нарек его прадеда Ганнибалом сам царь. Известно, что Петр I прекрасно знал мировую историю (сам Абрам Петрович военные науки и военную историю изучал во Франции у лучших педагогов). Незаурядность темнокожего юноши, его удивительные способности могли навести Петра на мысль наречь его Ганнибалом. Вначале это, вероятно, было прозвищем, а, как обычно, потом оно могло перейти в фамилию. Арап Абрам мог получить прозвище Ганнибал и по сходству характера с карфагенским полководцем. Известно, что Аннибал (в переводе с финикийского языка означает «милость богов») — великий карфагенянин, соединял в себе обдуманность с горячностью, предусмотрительность с энергией и настойчивостью в преследовании намеченной цели.

«Петр назвал его Ганнибалом,— считал историк Д. Н. Бантыш-Каменский,— в воспоминание славного полководца карфагенского, полюбив крестника за расторопность, природный ум и чрезвычайную чуткость...» Один из первых биографов Абрама Петровича — Гельбиг, сообщавший о нем еще в 1809 году (между прочим, он считал Ганнибала мавром), писал: «Молодой мавр имел светлую голову и проявил большие способности в изучении фортификационных наук». Гельбиг отмечал также, что он был отлично воспитан.

Петр взял Ганнибала с собой во второе заграничное путешествие в 1716 году. Как его личный камердинер, секретарь и библиотекарь, он путешествовал в одной повозке с Петром (здесь он имел специальное место — седло против денщиков). В любопытных документах по расходу «кабинетных денег» Петра во время этой поездки Абрам Петров упомянут много раз¹.

В Париже Петр расстался со своим «Абрамом-арапом», оставя его здесь для обучения военным наукам.

¹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Ч. II. СПб., 1872.

Но прежде Петр I позаботился о своем темнокожем крестнике, составив ему самую высокую протекцию: как писал позднее Ганнибал, «того ради сам монарх великий Отец Отечеству изустно меня рекомендовать изволил Дюку Дюмону принцу Домберу». Абрам Петрович не только смог учиться у мастеров, как он выражался (одним из этих мастеров был замечательный математик, фортификатор и гидротехник того времени Бернар Белидор), но и прошел военную службу во Франции, учась артиллерийскому и фортификационному делу на практике. «...Я имел честь,— писал А. П. Ганнибал,— быть в службе от 1717 году, и дослужился до капитанского рангу, на которыхя ранги имею патенты за рукою его королевского величества Людвига 15 от начала моей службы»¹.

А. П. Ганнибал пробыл во Франции более пяти лет, не потратив времени даром.

Чин капитана французской армии проложил ему дальнейший путь в служебной карьере при возвращении в Россию в 1723 году. Благоприятствует Ганнибалу и то, что с 1722 года Петром I вводятся «Табели о рангах».

¹ Ганнибал писал эти строки в 1726 году в посвящении к своей книге «Геометрия и фортификация», которую преподнес Екатерине I. (Книга хранится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР.)

В этой рукописной книге Ганнибал излагал свои знания, приобретенные за время военной службы, а также во Франции, в специальной школе для инженеров при крепости Ла Фер. В конце посвящения, как бы предисловия к книге, Абрам Петрович писал: «Того ради сия книга Фортификация и геометрия практика переведена с французского на российский, выбрана из книг славных разных авторов и искусных инженеров в которой находятся все части геометрии и фортификации, какова есть при сем; с показанием практики со всеми цыркульными приемами и с некоторою частию вымеривания партикулярнаго действующаго к строению фортификаций и пных пропорциев». В заключение Ганнибал выражал надежду, что «государыня Екатерина... усмотрит сию книгу колика потребна может быть молодым, людям, желающим учения но и совершенным инженерам».

Теперь не только чин, но даже и дворянство ему, «арапу», можно было выслужить.

Указ Петра от 4 февраля 1724 года гласил: «Абраму (арапу), который во Франции служил капитаном и привез свидетельство, того ради определить его поручиком в бомбардирскую роту к инженерам...» После того Абрам Петрович был направлен на большие инженерные работы в Кронштадт, тогда же ему поручается обучение молодых инженеров математическим наукам.

Проживший столько лет во Франции, Ганнибал считался в России знатоком не только точных наук, но и французского языка. Петр I, поручая Конону Зотову перевод книг с французского языка на русский, советовал, если что непонятно, «согласиться с Абрамом Петровичем».

Есть сведения, что Ганнибал по возвращении также «вступил в исполнение своих прежних обязанностей при государе, получив в свое заведывание весь кабинет царя, в котором находились чертежи, проекты разных сооружений и библиотека»¹.

Об этом говорит собственноручное письмо Екатерины II от 2 сентября 1765 года к уже находившемуся в отставке в Суйде Ганнибалу. Из него мы узнаем, что императрица не только знала, что он прежде заведовал кабинетом Петра, но предполагала даже, что в его личном архиве могли сохраниться важные документы петровского времени. Она просила Абрама Петровича разыскать в своих бумагах проект канала от Москвы до Петербурга, о котором «помышлял» Петр, или указать ей, «где оный отыскать можно». Обращаясь к Ганнибалу, Екатерина II писала: «Абрам Петрович. Мне не безизвестно, что многие чертежи в сохранении вашем находились в то время, когда блаженные памяти Государь Петр Великий, по способности вашей, употреблял вас по многим де-

¹ Вегнер М. Предки Пушкина, с. 33.

лам: почему я думаю, что вы, сохраняя память сего великого Государя и своей тогдашней при нем службы, сберегли в своих руках все любопытства достойные бумаги»¹.

«После смерти Петра Великого судьба его переменилась», — писал Пушкин. Но по прошествии нескольких лет, проведенных в ссылке в Сибири, для Ганнибала явилась возможность вновь применить свои знания и способности. Его высоко ценил как специалиста и покровительствовал ему Б. Х. Миних, имевший большое влияние при дворе в эпоху императриц Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны. Он помог Ганнибалу выбраться из Сибири и определиться на службу в прибалтийской крепости Перново. В 1741 году из инженер-капитанов Ганнибал был произведен в артиллерию подполковники. Но наибольший успех ждал его в царствование дочери Петра Елизаветы. Вскоре после ее воцарения, уже в начале 1742 года, Ганнибал получил чин генерал-майора (в этот чин его перевели через ранг из подполковника). Тогда же он был назначен ревельским обер-комендантом и эту должность занимал до начала 1750-х годов. Одновременно Елизавета жалует его в Прибалтике мызой Рахола. Затем Ганнибал продолжает службу в Петербурге, в Инженерном корпусе, став одним из видных его деятелей; с 4 июня 1756 года он именовался «инженер-генерал», а с 23 октября 1759 года получил еще более высокие чин и должность — генерал-аншефа и главного директора Ладожского канала и Кронштадтских и Регервигских строений. Имея уже к этому времени орден св. Анны, он с августа 1760 года становится кавалером ордена св. Александра Невского. Ганнибал намеревался еще долго служить и дослужиться до более высоких наград, но при Петре III он вынужден был уйти в отставку.

¹ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л.: Academia, 1935, с. 862—863.

Это был в России единственный темнокожий генерал — необычный случай в истории того времени. С этого исключительного факта начинается рассказ о Ганнибале его «Немецкая биография»: «Абрам Петрович Ганнибал был действительно заслуженным генерал-аншефом русской императорской службы...»

Служба согласно введенной Петром I «Табели о рангах» сама по себе теперь давала право на дворянство, хотя, как уже сказано, дворянство личное, выслуженное и родовое различались. После того как А. П. Ганнибал стал генерал-майором, он пожелал окончательно укрепить положение своего рода и обратился к императрице Елизавете с прошением, помеченным 13 января 1742 года. В нем Ганнибал впервые излагает факты своей биографии и впервые заявляет о благородном происхождении своей фамилии.

Начав с того, что он принадлежит к «знатному дворянству» Африки, где отец его владел тремя городами, Ганнибал затем останавливается на основных фактах своей жизни: службе при Петре, затем во Франции — и подходит к основной цели прошения: «...в нынешнем 1742 году по Всемилостивейшему Вашему Императорскому Величества Указу, за верные мои и беспорочные службы, пожалован в Генерал-майоры от Армии и в Ревель Обер-Комендантом и деревнями Всемилостивейше награжден, а на дворянство Диплома и Герба не имею и прежде не имел, понеже в Африке такого обыкновения нет...»

Ганнибал далее просил: «...дабы Высочайшим Указом повелено было, дворянство мое... подтвердить и в память потомкам моим в знак Высочайшей Вашего Императорского Величества милости, Гербом меня пожаловать...»

Итак, бывший слуга, «арап» просил грамоту на дворянство и герб. Как же ответила Елизавета? Указа на подтверждение дворянства и пожалование герба не по-

следовало. Но ценившая Ганнибала императрица не совсем отказала ему, а несколько по-иному решила этот вопрос. Тогда же, в 1742 году, именным указом она пожаловала ему в Псковской губернии «в вечное владение» Михайловскую губу, которую закрепила затем за ним в 1746 году «Жалованной грамотой» с собственноручной подписью¹. Это богатое поместье выделялось Ганнибалу из дворцового ведомства.

В Михайловскую губу входило 37 деревень и 569 крепостных душ мужского пола. Елизавета жаловала его за службу отцу и матери (Петру I и Екатерине I) и настоящую службу ей, Елизавете.

Интересна помета указа январем 1742 года, словно совпадающая с пометой на прошении Ганнибала. Это был ответ императрицы. «Жалованная грамота» явилась не подтверждением его родовитости, покрытой мраком неизвестности, а основательной гарантией личного дворянства, и Абрам Петрович должен был тем удовлетвориться.

А. П. Ганнибал стал владельцем Суйды в начале 1759 года. Он приобрел поместье у графа Федора Алексеевича Апраксина, внука прославленного «ладожского воеводы», одного из полководцев Северной войны — Петра Матвеевича Апраксина, которому, как и Головину, земли в Ин-

¹ «Жалованная грамота» Елизаветы позднее помогла потомкам Ганнибала стать родовитыми дворянами. Право так называться было признано за ними согласно новому Генеральному уложению через сто лет после получения жалованных земель их родоначальником А. П. Ганнибалом (ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 19, ед. хр. 617).

Что же касается челобитной Абрама Петровича о дворянстве и гербе, то она пролежала в Сенате без движения до 1781 года. Еще в 1768 году по поводу ее сделана помета, что дело отложено до сочинения нового Генерального уложения о дворянстве, а в 1781 году отмечено, что «проситель Ганнибал с 1742 года хождения по делу не имеет... для чего сее дело отдать в Архив» («Рукую Пушкина», с. 864—865).

германландии были пожалованы Петром I после «обратного завоевания края» у шведов. Ганнибал приобрел мызу Суйда вместе с селом Воскресенским и деревней Мельницы, а затем постепенно расширял свои владения, прикупая близлежащие земли. Абрам Петрович не сразу поселился в поместье. В это время он еще служил и постоянно жил в Петербурге. После 1762 года, выхода в отставку, он занялся своими именьями, начал их благоустраивать. Тогда и была построена у деревни Кобрино руновская мыза.

Сохранилось уже позднейшее описание Суйды Анной Семеновной Ганнибал — правнучкой А. П. Ганнибала. В статье, помещенной в 1912 году в «Новом времени», она писала: «Мыза Суйда лежит в небольшом расстоянии от села, к ней ведет аллея, бывшая, вероятно, когда-то густой и тенистой. В парке стоял большой дом с обширной террасой, выходящей в сад... Большой дом сторел, недавно только разобрали его фундамент. Нынешний владелец Геймбюргер живет в старинном флигеле, неоднократно перестроенном. От старины уцелели, может быть, только резные украшения на флигеле в виде полотенец. Под парком и теперь еще до сорока десятин; его вековые дубы и липы в два обхвата существуют несомненно со времени старого Ганнибала».

Сохранился план Суйды, «отмежованной», как сказано в пояснении к нему, «при Ингерманландском межевании в 1746 году, а по указу Межевой канцелярии... межевание вновь сочинено в ноябре 1857 года...».

На плане явственно обозначены земельные участки под мызой Суйда, селом Воскресенским, деревнями Мельницей и Пижней. Показаны и все постройки мызы, появившиеся здесь более чем за сто лет (с 1746 по 1857 год).

Особенно интересно обозначение парка. Четко выписана планировка его центральной части, показан боль-

шой пруд¹. Это недавно найденное изображение Суйды имеет большую ценность².

Помогает представить мызу А. П. Ганнибала второй документ, также сохранившийся в Московском государственном историческом архиве древних актов, «...Места двора Его превосходительства Господина Генерал аншефа инженера Ганнибала». Документ датируется 1765 годом. На плане показаны «большие хоромы, которые имеют пять покоев», «лубяная изба с кухней», «ледяной погреб с сушильней наверху», «конюшня с 10 стойлами», «сарай», «анбар с погребом...», «месте под огородом...».

Это типичная для данных мест барская усадьба середины XVIII века — мыза, как назывались загородные дачи в Ингерманландии. Интересно, что расположение строений, характерное для той поры, мы видим в Суйде и в наше время — такой же замкнутый прямоугольник двора с симметричным и рациональным размещением построек.

Территорию бывшего имения Ганнибалов в наше время занимает опытно-производственное хозяйство «Суйда».

Поселившись здесь после 1762 года, Абрам Петрович создал обширное поместье с подъездной березовой аллеей к усадьбе и парком. «Инженер Ганибал», как он именует себя, был не только фортификатором, строителем крепостных сооружений, но и гидротехником. Сохранились сведения, что со скудных земель этих мест он получал высокие урожаи (в наше время в Суйде при вспашке земли было обнаружено дренажное устройство времени Ганнибала).

¹ По местному преданию, пруд в Суйде выкопали пленные шведы, работавшие в усадьбе Апраксина после освобождения края. Предание также гласит, будто бы пруд имеет форму лука, направленного в сторону Швеции. Очертание пруда на плане действительно напоминает лук.

² ЦГАДА, ф. 1328, оп. 5, ед. хр. 493. (План найден в 1986 году С. Р. Долговой. Копия переснята в том же году режиссером К. В. Артюховым для хроникально-документального фильма о Суйде «Под сенью липовых аллей».)

Нам неизвестно, что представлял собой главный барский дом, построенный им в Суйде: точного описания его не сохранилось. «...Большой дом с обширной террасой, выходящей в сад», — вспоминает о нем Анна Семеновна Ганнибал. Судя по фундаменту суйдинского дома, который можно было видеть еще в 1950-х годах, он имел два фасада: один выходил на подъездную дорогу, второй — прямо в сад. Старинный флигель, о котором пишет А. С. Ганнибал, дошел до нас в перестроенном виде. Первоначально он был деревянным. Во флигеле до постройки «большого дома» проживало все семейство Абрама Петровича, а позднее — сыновья, дочери, внуки. Вероятно, именно во флигеле, а не в «большом доме» жили по приезду в Суйду Осип Абрамович и Мария Алексеевна. Может быть, здесь родилась Надежда Осиповна, будущая мать великого поэта. Во флигеле также размещали гостей, а известно, что в Суйду к А. П. Ганнибалу и его сыну Ивану Абрамовичу приезжал Александр Васильевич Суворов. О том, кто жил и бывал в Суйде, рассказывают две мемориальные доски на фасаде этого здания. Текст их был сочинен в 1954 году гатчинским краеведом Ангелием Николаевичем Лбовским. На первой доске написано:

В усадьбе Суйда
во второй половине XVIII века
жил
видный русский инженер
и государственный деятель
прадед А. С. Пушкина
А. П. ГАННИБАЛ
и его сын
известный русский генерал
герой Чесмы,
основатель города Херсона
И. А. ГАЙНИБАЛ.
В 1760—1794 годах
здесь неоднократно бывал
А. В. СУВОРОВ

Текст второй доски:

В 1796—1798 годах
в усадьбе Суйда
проживали родные
А. С. Пушкина:
отец поэта
Сергей Львович,
мать
Надежда Осиповна,
сестра
Ольга Сергеевна,
няня
Арина Родионовна

Что находилось внутри большого барского дома и флигеля? Можно представить, что при Абраме Петровиче здесь была мебель петровского и елизаветинского времен — добротные дубовые столы и стулья с высокими прорезными спинками, большие сундуки-укладки и ларцы, тяжелые шкафы, в альковах стояли широкие кровати с множеством тюфяков. А при Иване Абрамовиче появились в имении пуховые кресла и диваны, обитые штофом, зеркала в золоченых рамах — мебель конца царствования Екатерины II.

О великолепии поместья Суйда можно судить по сохранившимся остаткам парка. Питомец Петра I, инженер, получивший образование во Франции, Ганнибал увидал на своем веку не только сады Петергофа и Царского Села, но и сады Версаля. Искусно используя то, что было уже при Апраксиных и что давала сама природа, им были разбиты Верхний и Нижний сады (парки в то время и еще при Пушкине назывались садами), которые до сих пор удивляют нас своей планировкой и неожиданными сюрпризами.

Верхний, идущий от дома, был в стиле любимого Петром I голландского барокко. Сад симметрично делился дорожками на зеленые кабинеты, с двух сторон обрамляемые густыми, высаженными стеной липовыми аллеями, которые вели к большому пруду с островом посреди-

не (остатки аллей и пруд сохранились). Нижний был разбит в стилях рококо и пейзажных садов с их «открытыми видами и густыми рощами»¹. Здесь при новых посадках был сохранен многовековой дуб — пример распространявшегося в России культа старых деревьев².

Свидетель смены веков и поколений, дуб этот жив до сих пор. Израненный, с большим сквозным отверстием в стволе, он стоит как страж этих мест.

В нижней части парка, перейдя мостик через ручей, можно было попасть на широкую поляну, где в центре лежал камень-валун, оставшийся после ледникового периода. В этом валуне Ганнибал велел выдолбить сиденье, что превратило его в огромное садовое кресло. Такая парковая мебель (в Европе были распространены кованые садовые кресла) в России называлась «троном» или «сиделкой» и предназначалась для уединенного наблюдения природы.

Интересно, что в селе Петровском (Пушкинском заповеднике на Псковщине) одной из достопримечательностей центральной, самой красивой части парка также является большой камень, на котором, по преданию, будто бы любил сживать Абрам Петрович. (Псковское имение Ганнибал благоустроивал раньше Суйды, получив в 1742 году Михайловскую губу в подарок от императрицы Елизаветы. В это время им был выстроен дом и разбит сад в сельце Петровском.) Для него, может быть, это были не просто «сиделки», на которых он отдыхал во время прогулок. Если Абрам Петрович действительно родился в Эфиопии и был потомком ее владык Бахар-негашей, то он, как и его предки, мог считать эти огромные камни упавшими с неба, священными.

¹ См.: *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. Л.: Наука, 1982, с. 96 — 188, 279.

² Тогда в пейзажных садах начинает особенно цениться «старое благородное дерево», преимущественно дуб, «вырастить которое можно только годами и столетиями».

Поклонение камням, идущее из глубокой древности, наблюдалось и на севере Европы у финнов, которых было много среди жителей Ингерманландии. Следовал ли Ганнибал европейской традиции, думал ли о своей Африке, украшая парк в Суйде этой достопримечательностью, или на него воздействовал местный финский колорит — неизвестно. Камень-кресло сохранился до наших дней¹.

Многое уже не дошло до нас в Суйде. По рассказам старожилов, в конце XIX века в парке были еще грот и беседка, канал, по которому ходили лодки, большая цветочная клумба за усадебным домом и солнечные часы.

Восхищение Суйдой, как пределом желаний, выражено поэтом Василием Львовичем Пушкиным — дядей Александра Сергеевича — в стихотворении, написанном в год женитьбы брата — Сергея Львовича (1796). Оно так и называется — «Суйда». Вот отрывок из него:

Души чувствительной отрада, утешенье,
Прелестна тишина, покой, уединенье.
Желаний всех моих единственный предмет!..
Там запах ландышей весь воздух наполнял,
Там пели соловьи, там ручеек журчал..

¹ Садовое кресло перенесли не так давно на другое место. Огромный валун подкопали и перетащили при помощи техники ближе к началу парка. (Сделано это руководством ОПХ для «удобства» туристов, которым прежде надо было пройти весь парк, чтобы осмотреть эту реликвию.)

*...Дабы означенные недвижимые
имения никогда не выходили из
роду Ганнибалов... И чтоб все оное
так было ненарушимо... по сему
моему завещанию, в том подтверж-
даю и подписуюсь моею рукою...*

Из завещания А. П. Ганнибала

Последние годы в Суйде

Когда Ганнибалы поселились в Суйде после отставки Абрама Петровича, все сыновья его находились на службе, лишь временами наезжая в поместье. Старшие дочери уже были выданы замуж, с родителями жила младшая дочь Софья, родившаяся в год приобретения Суйды.

А. П. Ганнибал был женат дважды. В январе 1731 года он женился в Петербурге на гречанке Евдокии Диопер-младшей — дочери капитана Андрея Диопера. По поводу этого брака Пушкин писал: «В семейственной жизни прадед мой Ганнибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин». Вскоре после того как Евдокия, по словам Пушкина, «родила ему белую дочь», Ганнибал с ней развелся. Задолго до окончания бракоразводного дела (оно тянулось 21 год), в 1736 году, Ганнибал обвенчался вторично, став двоеженцем (позднее так же поступил его сын Осип Абрамович, повторивший в этом судьбу отца).

Абрам Петрович сочетался вторым браком с ревельской уроженкой Региной фон Шеберг вначале по лютеранскому закону. Невеста была дочерью шведа, капитана Матвея фон Шеберга, и лифляндской дворянки, урожденной фон Альбедил. Но как известно, если брачующие-

ся принадлежали к разным исповеданиям, брак совершался путем двух обрядов, согласно религий жениха и невесты. Однако с венчанием в русской церкви дело затянулось, не было необходимого документа — «венечной памяти», видимо означавшей доказательство свободы жениха. Пока нашли священника, согласившегося венчать (обряд был совершен в Ревеле по чужой «венечной памяти»), у них уже родился сын Иван. Христина Шерберг — «девица из благородной фамилии» — не могла сойтись с Абрамом Петровичем задолго до венчания, как пишут все биографы Ганнибала. Она вступила с ним в брак по законам своей религии, возможно и не подозревая, что бракоразводное дело Ганнибала с первой женой еще не доведено до конца. У лютеран развод и вторичное вступление в брак свободно допускались.

Согласно исповедальной росписи Воскресенской Суйдинской церкви за 1773—1774 годы, в поместье Ганнибала проживали из господ: «генерал-аншеф и разных орденов ковалер Абрам Петрович Ганнибал», «дочь его Софья Абрамовна», а также «дворовые его люди». Из них мужчин 39, женщин 25. Христина Матвеевна, прихожанка кобринской лютеранской церкви, здесь не обозначена. Остальные дети Ганнибалов в это время отсутствовали¹.

¹ Была у Абрама Петровича еще дочь от первой жены, звали ее, так же как и мать, Евдокией (в «Немецкой биографии» она названа Авдотьей, а не Поликсеной, как писал Пушкин).

Биографы Ганнибала до недавнего времени сомневались, была ли белая дочь. Подтвердил ее существование документ, найденный в Центральном государственном историческом архиве, — «Исповедальная роспись Воскресенской церкви пригорода Вероници» за 1746 год. Документ относится ко времени, когда семья Ганнибала находилась в недавно пожалованном ему псковском имении. В «росписи» перечислены члены семьи Ганнибала с указанием их возраста, кроме Христины Матвеевны — лютеранки, не посещавшей православную церковь, старшего сына Ивана, который уже обучался в Петербургском морском шляхетском корпусе, и самого Абрама Петровича, находившегося в это время на

У Абрама Петровича и Христины Матвеевны было одиннадцать детей, четверо из них умерли в раннем возрасте. Остались четыре сына — Иван, Петр, Осип и Исаак и три дочери — Анна, Елизавета, Софья. Мы мало знаем о семье Ганнибалов, ее интеллектуальных интересах. Известно лишь, что в Суйде была богатая библиотека.

Помогает узнать много нового об Абраме Петровиче и его семействе недавно найденный документ.

Обнаруженный в коллекции редких книг и рукописей Московского университета, этот документ был опубликован в 1981 году Е. А. Прянишниковым¹. Это написанное на немецком языке письмо пастора евангелическо-лютеранской церкви и общины в Петербурге Геллариуса Гертмана Геннинга, духовника Христины Ганнибал. «Текст публикуемого письма, — комментирует Прянишников, — ясно свидетельствует о том, что семейство А. П. Ганнибала в 1750 году проживало в Петербурге.

месте службы в Прибалтике. В «Исповедальной росписи» показаны бывшие у причастия «села Петровского господина генерал-майора Аврама Петровича Ганнибала дети: Евдокия — 15, Анна — 9, Елизавета — 8, Петр — 6, Януарий — 1 год 9 месяцев» (*Малеванов Н. Прадед поэта // Звезда, 1974, № 6, с. 160*).

Старшая из указанных детей — Евдокия. Она родилась в 1731 году в Пернове. Г. Леец в своей книге «Абрам Петрович Ганнибал» пишет: «В перновском обществе, как и среди офицеров гарнизона, рождение у царского эфиопа белой дочери явилось сенсацией, для Ганнибала, весьма неприятной» (*Леец Г. А. Таллинн: ЭЭСТИ раамат, 1984, с. 83*). Известно, что Абрам Петрович принял точно так же весьма жестокие меры для развода с первой женой, но вынужден был оставить у себя и воспитывать белую дочь. Как писал Пушкин, Ганнибал «дочь... оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза». Евдокия, которой в 1746 году было 15 лет, «умерла помолвленной невестой в расцвете лет», — сказано о ней в «Немецкой биографии».

¹ *Прянишников Е. А. Новый документ об Абраме Петровиче Ганнибале и его семье // Из коллекций редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 1981, с. 72—81.*

Хотя официальный приказ о переводе Ганнибала из Ревеля в столицу датируется 1752 годом, он уже в 1750 году фактически был управляющим инженерной частью в Петербурге». Письмо адресовано в Галльский университет, — предположительно, профессору теологии Якову Баумгартену и датируется 21 февраля 1750 года. Геннинг писал: «...имею честь сообщить, что здесь у одного известного знатного господина, а именно у его Превосходительства г-на генерал-майора де Ганнибала, супруга которого принадлежит к моей общине и у меня исповедуется и причащается, открылась служба, для которой требуется порядочный студент, особенно искусный во французском языке. Собственно этот господин является африканцем и урожденным негром, но обладает впрочем способностью к тем наукам, которые относятся к его форуму. И потому что он сам принадлежит к греческой церкви, то по законам здешней страны также дети все без исключения исповедуют русскую религию. Но супруга — евангелическо-лютеранскую. Вот оба меня просили выписать такого студента, который, прежде всего, мог гарантировать, что покажет свои знания французского... было бы мне, а также господам, конечно, очень приятно, если бы был найден честный студент теологии, который был бы расположен к этому и захотел бы принять такое приглашение. Но поскольку такие редки и г-н генерал был бы удовлетворен, если бы он только являлся хорошим французом и при этом обладал бы хорошим кондуитом... то было ему все равно, будет ли он теологом, юристом или медиком... студенты, которые изучают языки и другие науки, иногда имеют желание посмотреть другие страны... А поскольку г-н генерал был во Франции и, значит, является любителем французского языка, а также имеет хорошую библиотеку, то мог бы тот, кто хочет совершенствоваться во французском языке, доставить себе удовольствие частыми разговорами от такого искусного француза, каким является г-н генерал... Госпожа генеральша... очень утон-

ченая дама с хорошим характером и находится сейчас в самом расцвете сил...»

Опубликованный документ имеет большую ценность. Пастор Геннинг (подпись под письмом: Н. Н. Henning) знал семью Ганнибала лично. С большим уважением он говорит об образованности Абрама Петровича, его способности к наукам, знании французского языка. Новые интересные сведения документ сообщает о прабабке Пушкина Христине Матвеевне, о которой так мало известно в литературе. «Автор письма,— пишет Прянишников,— говорит о ней с большим уважением, отмечает ее хороший характер... называет... «утонченной дамой», имея, вероятно, в виду ее хорошее воспитание, достаточное образование, ум и другие положительные качества...»¹

В письме пастора Геннинга подчеркивается, что о домашнем учителе-французе его просили оба супруга. Ганнибалы хотели иметь домашнего учителя с университетским образованием,— это говорит о высоком культурном уровне семьи. В письме упоминается библиотека Ганнибала. Пастор называет ее хорошей: он, вероятно, видел ее; возможно, пользовался книгами Ганнибалов и мог судить о достоинствах библиотеки. В основе ее были книги на французском языке, изданные в XVII — первой половине XVIII века, вывезенные Абрамом Петровичем из Франции. Во время ссылки Ганнибала в Сибирь около 300 томов библиотеки попали в Академию наук. В 1742 году он потребовал ее возвращения, и просьба его была выполнена. Благодаря составленному при этом реестру, опубликованному его правнучкой Анной Семеновной Ганнибал в 1913 году, известен состав библиотеки Абрама Петровича².

¹ Прянишников Е. А. Новый документ об Абраме Петровиче Ганнибале и его семье, с. 73.

² Ганнибал А. Ганнибалы: Новые данные для их биографии// Пушкин и его современники. Вып. XIX—XX. Пг., 1914, с. 231—238.

Эта частная библиотека начала XVIII века удивляет подбором книг и широтой интересов. Кроме трудов по математике, фортификации, военной архитектуре и геометрии здесь есть книги из области политики, философии, религии, языкознания, а также — путешествия, мемуары, художественные произведения. Переведем некоторые названия из реестра правнучки А. П. Ганнибала:

1. Озанам. Математические досуги.
2. Битэнвье. Общее искусство фортификации.
3. Искусство ведения войны.
4. Мемуары знаменитых людей.
5. Английская галантность.
6. Сочинения Сирано де Бержерака. В двух томах.
7. Мелебранш. О поисках истины. В четырех томах.
8. Сочинения Расина. В двух томах.
9. Метаморфозы Овидия. В двух томах.
10. Театр П. Корнеля. В пяти томах.
11. Проповеди Нострадама.
12. Боссюе. Всемирная история. В двух томах.
13. Правители мира. В четырех томах.
14. Бюффие. Царствующие Дома Европы.
15. Любовные письма португальской монархии.
16. Обязанности семейной жизни.
17. Лоррей. История семи мудрецов. В двух томах.
18. Черты фальшивой и истинной любви.

Можно предположить, что А. П. Ганнибал любил книги и собирал их. Сохранилась одна из книг с его владельческой надписью, помеченная еще 1711 годом. К середине XVIII века библиотека, вероятно, выросла — кроме возвращенных из Академии наук здесь были немецкие и русские книги¹.

¹ О том, что библиотека пополнялась и позднее, говорит книга, приобретенная в 1987 году для суйдинского музея у одного из потомков А. П. Ганнибала. Выписываем ее полное название: «Судебник царя и Великого князя Ивана Васильевича. Законы из

Некоторые из книг библиотеки составляли круг чтения не только самого Ганнибала, но также и Христины Матвеевны. По словам М. Вегнера, она, «немка и дочь капитана», вышла из среды, в которой «просвещение ценилось достаточно высоко и пользовалось общим признанием». Книжки библиотеки рассказывают о тех, кто их читал, о прадеде и прабабке Пушкина. Христина Матвеевна владела не только родным немецким языком, но, можно думать, и французским. Хуже всего она, выросшая в Прибалтике, знала русский язык и говорила на нем с немецким акцентом. Известно, по словам Пушкина, что мужа своего, «негра», с которым ее связывало, видимо, большое взаимное чувство, Христина Матвеевна ласково называла «шорн шорт», пеняя ему за «шорн репят» и трудные для ее немецкого происхождения имена детей. В результате, как известно, первоначальное имя дедушки поэта — Януарий — было переделано в Осипа.

Словно дорисовывает портреты Абрама Петровича и некоторых членов его семейства письмо А. П. Ганнибала, написанное из Суйды в последние месяцы жизни. «Петра питомец» был уже очень стар, но хлопотал о постройке в Петербурге каменного дома, желая оставить наследникам после себя дом в столице, который бы соответствовал знатности рода Ганнибалов (у Абрама Петровича был прежде дом на 1-й линии Васильевского острова, но в 1757 году он его продал уже знакомому нам пастору — духовнику Христины Матвеевны Г. Г. Геннингу).

Письмо А. П. Ганнибала, помеченное 10 ноября 1780 года, сохранилось в архиве его потомков Коротовых. Оно публикуется впервые¹.

Юстиниановых книг. Указы. Дополнения к Судебнику и Таможенный устав царя и Великого князя Ивана Васильевича.

В Санкт-Петербурге при Императорской Академии Наук 1768 года».

¹ Всеобщий музей А. С. Пушкина. Отдел рукописей и документов.

Приводится письмо с сохранением синтаксиса и орфографии подлинника, кроме буквы «ять», замененной буквой «е», и твердого знака. Абрам Петрович писал:

«Сын мой Петр Абрамович

Посланное от тебя счет столярной работы в каменных покоях я видел. Весьма безмерная цена и мне несносная. При сем посылаю табель почему оне подрядчики требуют. А почему давать на поле от меня написано в той же табели, а когда по моей цене показанной не возьмут то и нужды до их нет и наши столяры по возможности могут исправлять хотя и не скоро и невдруг.

А тебе рекомендую сколько потребно подрядить купить сухия доски сколько потребно для полов панели ставни и прочее.

Брат твой купил мне белей мех которой зимой не греит а летом неспреит, того ради, приторгуй белей мех сибирской по средней цене и ко мне отписать что требуют за такой мех.

А Евстрату без моего письма денег ни на что.

Ваш добродетельный отец

А. Ганибал

Ежели можешь достать голанских сельдей настоящих и постарайся как можно

Ноября 10 дня

1780 года

P.S. Письмо мое твоему брату Ивану продержал у себя более двух месяцев и не уповаю чтоб оно было послано (на обороте) сыну моему Петру Аврамовичу

Ганибалу

В Санкт Петербург».

Письмо написано на двойном листе плотной писчей бумаги без водяных знаков. Бумага обветшала и выпцвела, края в обрывах, в центре листа, на месте утраченной печати, остатки красного сургуча. Почерк тождест-

вен сохранившимся более ранним письмам А. П. Ганнибала¹.

Но он менее разборчив, с большим числом грамматических ошибок. Видимо, Абрам Петрович, «искусный француз», русскую грамоту знал хуже. (Как и в более ранних письмах и документах, он писал свою фамилию с одним «н» — Ганибал.)

Письмо обращено к единственному из дедов Пушкина, которого поэт знал лично. Крестной матерью П. А. Ганнибала (1742—1826)² была заочно сама Елизавета, а имя он получил в память царя Петра. «Служа по артиллерии», как все сыновья Ганнибала, он получил чин полковника. К этому времени Петр Абрамович был уже женат (с 1777 года) на дочери коллежского советника Ольге Григорьевне фон Данненштерн. Женившись, как и брат Осип, неудачно (через девять лет супруги растались), он жил с семьей врозь, выплачивал жене и детям содержание.

В письме к сыну Абрам Петрович хлопочет о столярных работах в каменных покоях собственного дома, который находился в Литейной части Петербурга, в 4-м квартале, под номером 537 на Сергиевской улице. Ныне в перестроенном виде это дом 29 по улице Чайковского³.

Как опытный инженер и бережливый хозяин, Ганнибал находит цену на столярные работы в счете, присланном ему Петром Абрамовичем, «безмерной» и «несносной». Далее он сетует на неудачную покупку для него «белого меха». Речь заходит о младшем сыне Исааке.

Исаак Абрамович — «флота артиллерии капитан 3-го

¹ *Гастфрейнд Н.* Письма Абрама Ганнибала. СПб., 1904.

² Дата смерти П. А. Ганнибала — 6 июня 1826 года, — так же как и место, где он был похоронен (село Сафонтьево Опочецкого уезда), установлены Г. Ф. Симакиной — научным сотрудником Государственного Пушкинского заповедника Псковской области — в 1977 году (см. газету «Пушкинский край» от 20 августа 1977 года).

³ *Яцевич А.* Пушкинский Петербург. Л., 1935, с. 75.

ранга» — отличался простодушием и доверчивостью (черты характера, послужившие причиной многих его несчастий).

Изю всех сыновей А. П. Ганнибала самым большим уважением и авторитетом в семье пользовался старший, Иван, но он был далеко, и отец более всего мог рассчитывать на Петра. Видимо, ему отец поручал делать в Петербурге покупки и распоряжаться какими-то денежными средствами (в том же письме кроме строительных материалов и «белого меха» Абрам Петрович поручал сыну достать «галанских сельдей настоящих»). Однако бережливый отец постоянно руководил им: «А Евстрату без моего письма денег ни на что». Евстрат, по всей видимости, управляющий или приказчик А. П. Ганнибала, в это время посланный в Петербург.

Во второй приписке Абрам Петрович сетует на то, что «более двух месяцев» не может отправить письмо Ивану. Почему отец так долго не отсылал письмо старшему сыну? Видимо, почтой он воспользоваться не хотел (отправить письмо в Херсон было делом сложным и дорогостоящим). Старик Ганнибал ждал верной okazji.

Сын его Иван, находившийся в Херсоне, был гордостью отца. Он служил в морской артиллерии и, по словам Пушкина, «был столь же достоин замечания, как и его отец». Во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов он стал героем Чесменской битвы, руководил взятием крепости Наварин и строительством города Херсона. В стихотворении «Моя родословная» поэт, говоря об Абраме Петровиче, вспоминал и его старшего сына:

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь Chesменских пучин
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин.

«Героем архипелага», «наваринским Ганнибалом» называет Пушкин Ивана Абрамовича в стихотворении 1829 года «Воспоминания в Царском Селе» (имя Ганнибала

высечено на памятнике воинской славы — Морейской колонне в Царском Селе).

Пушкин писал, вспоминая И. А. Ганнибала: «Его постановления донныне уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память...»

Иван Абрамович, по словам поэта, был уважаем «всеми замечательными людьми славного века», так как отличался умом, образованностью и истинным благородством. Этим он выделялся среди братьев. Не случайно Иван Абрамович принял участие в судьбе Марии Алексеевны и ее дочери Надежды, покинутых его братом Осипом. Видимо наглядевшись на неудачную семейную жизнь братьев, Иван Абрамович остался холостым. Он умер в Петербурге 12 октября 1801 года и погребен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Его надгробие (оно хорошо сохранилось) украшено горельефом, высеченным по мотивам герба Ганнибалов, и следующей эпитафией:

Зной Африки родил, хлад кровь его покоил,
России он служил, путь к вечности устроил.
Степящие о нем родня его и ближни
Сей памятник ему с усердием воздвигли.

Не случайно в одной из программ неосуществленных автобиографических записок Пушкин целую главу или раздел обозначил «Иван Абрамович». Поэт еще ребенком слышал о нем от бабушки и няни, от матери и отца. Он собирал документы и рассказы современников, намереваясь написать об этом выдающемся деятеле и замечательном человеке.

Раскрывая внутренний мир предков Пушкина, благодаря дошедшим до нас документам попытаемся составить и некоторые представления об их внешнем облике.

Как хотелось бы посмотреть на портрет Христины Матвеевны Ганнибал, «утонченной дамы», как называл ее пастор Геннинг. Но существует лишь одно упомина-

ние об изображении, возможно, прабабушки поэта уже в пожилом возрасте, относящееся к 1887 году. Появилось оно в связи с сообщением о портрете самого Ганнибала и сделано Н. Бочаровым. В газете «Московский листок» автор писал: «...есть надежда, что портрет этот наконец найден. В квартирной галерее Архива Министерства иностранных дел, в комнате перед кабинетом директора, имеется писанный масляными красками поясной портрет генерал-аншефа Аннибала, 92 лет от роду, как значится на надписи. Портрет этот принесен в дар Архиву бывшим его директором, князем Михаилом Андреевичем Оболенским. В другой комнате размещены портреты без подписей, также подаренные князем. Вот в числе этих-то неизвестных портретов обозреватель невольно обратит внимание на поясной, писанный масляными красками портрет почтенной старушки, строго восточные черты смуглого лица которой характерно напоминают А. С. Пушкина...»¹

Предки Христины Матвеевны по материнской линии были итальянцы, впоследствии онемечившиеся. Возможно, в облике прабабки Пушкина сохранились южные черты. Речь в заметке Бочарова могла идти именно о Христине Матвеевне. Известно, что портрет «старушки» оказался в коллекции, подаренной архиву князем М. А. Оболенским. В составе той же коллекции находился и портрет, до сих пор вызывающий споры, который Оболенский считал изображением А. П. Ганнибала. Возникает вопрос: не были ли эти портреты парными изображениями супругов Ганнибалов? О дальнейшей судьбе портрета «старушки» ничего не известно.

Изображения самого Абрама Петровича, несомненно, существовали, хотя вполне достоверные до нас не дошли. Все предполагаемые портреты теперь представлены в воспроизведениях в суйдинском народном музее.

¹ Бочаров Н. Памяти А. С. Пушкина // Московский листок, 1887, 22 апр.

Особое внимание здесь привлекает так называемый французский портрет А. П. Ганнибала, который был найден в 1962 году ученым-пушкинистом, популяризатором творчества А. С. Пушкина во Франции Андре Менье¹.

Цветная фотография с портрета (оригинал представляет собой живописное полотно размером 156×112 см) прислана нам из Парижа в 1978 году правнучкой А. П. Брюллова — Евгенией Павловной Мининой — и передана в Суйду.

Портрет мог быть создан кем-то из французских художников либо в период пребывания Петра I в Париже с 26 апреля по 9 июня 1717 года, либо несколько позднее, но до 1723 года. Костюм Ганнибала на портрете не обычный придворный мундир, а парадная одежда, напоминающая индийский костюм, в который облекались арапы царской свиты при торжественных церемониях.

Царский воспитанник, рекомендованный самим Петром, оставленный им для обучения и прохождения военной службы во Франции, не мог не привлечь внимания французского общества и не стать своего рода сенсацией. Пушкин писал в «Арапе Петра Великого»: «Появление Ибрагима, его наружность, образованность и природный ум возбудили в Париже общее внимание. Все дамы желали видеть у себя Le Nègre du czar и ловили его на перехват; регент приглашал его не раз на свои веселые вечера... Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, окружали его, осыпали приветствиями и вопросами... Ему было 27 лет отроду; он был высок и строен, и не одна красавица заглядывалась на него с чувством более лестным, нежели простое любопытство...»

Все возбуждало интерес к Ганнибалу: и экзотическая внешность, и необычайность судьбы любимца русского царя. Он был представителем страны, выходявшей на ми-

¹ В настоящее время портрет находится в собрании парижского коллекционера Бернарда Мея.

ровую арену, ставшей морской державой, мощного государства, победившего армию Карла XII, самую сильную в Европе.

А потому мог быть создан и этот портрет Ганнибала, который столь же фантастичен, как и судьба изображенного на нем «арапа»¹. Портрет говорит о господствовавшем в это время в европейской живописи стремлении к экзотике. Для этой цели «арап» Абрам Петров мог оказаться самой подходящей моделью².

Широко известен представленный в суйдинском музее в воспроизведении предполагаемый портрет А. П. Ганнибала (оригинал хранится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина). Более 150 лет это полотно считалось изображением прадеда Пушкина, но в последнее время вызвало споры и сомнения. Дело в том, что на мундире изображенного написаны не те ордена, которые были у Абрама Петровича (он имел ордена св. Александра

¹ Нельзя согласиться с мнением об этом портрете Н. К. Телетовой (*Телетова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина, с. 132—134). Она утверждает, что на французском портрете изображен не А. П. Ганнибал, а Питер Елаев (или, как его называли, Секи) — один из трех моряков-африканцев, нанятых Петром на службу в русский флот в 1698 году, он прослужил в России семнадцать лет.

Елаев уже в 1698 году командовал галерами. Он не находился в свите Петра и не носил парадную одежду царских «арапов». Главное же, Питеру Елаеву, когда он смог бы появиться во Франции после окончания русской службы, было более чем за сорок лет. На портрете же изображен молодой африканец лет двадцати пяти — двадцати семи.

² В. М. Глинка, также отвергая возможность изображения здесь Питера Елаева, писал о предполагаемом французском портрете А. П. Ганнибала: «Вполне возможно, что некий французский живописец мог заинтересоваться уроженцем экзотических стран... и написать его портрет... возможно, что Ганнибал сохранил элементы того парадного костюма, в котором сопутствовал Петру в 1717 году на дворцовых приемах в Париже, дополнив их кярасой, свидетельством своей военной профессии, и плащом на меху» (*Панорама искусств*, 1985, № 8, с. 337—338).

Невского и св. Анны, а на портрете — ордена св. Андрея Первозванного и св. Георгия второй степени)¹. Но, несмотря на это, уже один из первых биографов великого поэта — П. А. Бартенев — признал в нем «арапа» Петра Великого. Ученый-антрополог, академик Д. Н. Анучин, а также известный коллекционер и знаток живописи М. А. Оболенский видели в нем А. П. Ганнибала.

Портрет темнокожего генерала в артиллерийском мундире и сейчас вызывает большой интерес. Хотя создавший его неизвестный живописец не был первоклассным мастером, но лицо выписано хорошо. От всего облика изображенного веет суровостью и достоинством. Его строгий пронизывающий взгляд сопровождает вас повсюду, с какой бы точки вы ни смотрели на полотно. Таким можно представить себе А. П. Ганнибала в последний период его жизни.

Проведенные в недавнее время тщательные научные экспертизы портрета установили, что он был написан в конце XVIII века (уже после смерти Абрама Петровича), в то время, когда создавалась и его «Немецкая биография». Моделью для художника, вероятно, служил сын Ганнибала Петр Абрамович (по преданию, из всех детей имевший самую темную кожу). На портрете должно было показать русского генерала, но обязательно темнокожего, который впервые в России, а может быть и во всем мире, добился столь высокого положения своими трудами, познаниями и талантом.

Портрет словно подчеркивает необыкновенную судьбу «романтического» предка Пушкина, «биография которого сбивается на занимательный авантюрный роман».

¹ На этот факт обратили внимание современные исследователи (см.: *Телегова Н.* Ганнибалы — предки А. С. Пушкина // *Белые ночи*. Л.: Лениздат, 1976, с. 265; *Леев Г.* Абрам Петрович Ганнибал, с. 186; *Глинка В. М.* Еще раз об изображениях прадеда Пушкина Абрама Ганнибала // *Панорама искусств*, 1985, № 8, с. 334—336).

Академик Д. Н. Анучин писал: «...может быть, честолюбивый «арап», потомок владетельного князя и вместе с тем крестник — питомец Петра I, считал себя вправе присвоить себе хотя бы только на портрете эту привилегию принцев крови»¹.

До конца дней Ганнибал стремился упрочить положение рода и расширить свои владения, мечтая не только о княжеском положении, но и о «княжеском состоянии». Его немецкий биограф отрицал это, говоря, что «княжеское состояние» им могло быть обретено, «если бы он отличался меньшей скромностью и умеренностью... Однако он ни разу не воспользовался в свою выгоду представляющимися случаями и не просил ничего для себя или своих...». Здесь биограф ошибается. Кроме имений, полученных в дар от Елизаветы, и тех, которые «прикупил он еще на собственные благоприобретенные средства», Ганнибал стремился получить более обширные и поистине княжеские владения.

¹ Недавно выяснилось и еще одно немаловажное обстоятельство, говорящее в пользу подлинности портрета, — у него был двойник (старинная копия). По воспоминаниям Г. Л. Пушкина и С. П. Пушкина (дальних родственников поэта, прямых потомков его прадеда Алексея Федоровича Пушкина), портрет «арапа», такой же, как во Всесоюзном музее А. С. Пушкина, был известен им самим, их отцам и дедам с XVIII века. Он находился в Костромской губернии, в усадьбе Пушкиных Новинки. Портрет А. П. Ганнибала, вероятно, был скопирован вскоре после его создания для дочери Абрама Петровича — Елизаветы Абрамовны. Она вышла замуж за Андрея Павловича Пушкина, и, таким образом, портрет оказался в роду Пушкиных. С середины прошлого века и до 30-х годов нашего портрет был собственностью Евгении Львовны Пушкиной, врача по профессии, собравшей в Новинках большой домашний музей. (В 1914 году многие подлинные портреты предков поэта Евгения Львовна передала в Пушкинский дом Академии наук СССР.) В 1918 году по ходатайству А. В. Луначарского усадебный дом в Новинках был оставлен Евгении Львовне пожизненно. Но в 1930 году, вскоре после смерти хозяйки, при случившемся в доме пожаре сгорели архив и все имущество, в том числе, видимо, сгорел и портрет.

По восшествии на престол Екатерины II он подал ей в июле 1762 года прошение. Указывая в нем, что он «службу продолжал 57 лет беспорочно», а «от службы отстранен без вознаграждения», Абрам Петрович просил: «...и за эту мою долголетнюю беспорочную и усердную службу... прошу пожаловать... меня для пропитания с моею фамилиею всеподданнейшего раба вашего в Ингерманландии в Копорском уезде из принадлежащих к Рожественской дворцовой мызы дач с деревнями, называемыми Старое Сиверко, Новое Сиверко, Большево, Межно, Выра, Рыбица; в них мужеска пола по последней ревизии пятьсот семь душ, с принадлежащими до оным деревням, пустошью Куровицкою и протчим землям, сенным покосом и с лесными угожьями... в вечное и потомственное владение».

Ганнибал просил Екатерину II выделить ему поместье из «удельных» дворцовых владений. Такое большое поместье, как он считал, вознаградило бы его за долговременную и верную службу и, наконец, действительно могло бы соответствовать княжескому достоинству его рода. Но просьба Ганнибала не была удовлетворена. На свою челобитную он не получил ответа. На прошении есть помета неустановленного лица: «резолуции не последовало»¹.

Хотя герб Ганнибалу не был пожалован, он начал пользоваться уже с 1742 года (времени подачи прошения Елизавете) гербом неутвержденным. Гербы-эмблемы были в обычае у неродовитых дворян, тех, кто не имел фамильного герба. Но герб Ганнибала указывал не только на дворянство, но и на княжеское происхождение. Сохранился акварельный рисунок герба Ганнибалов. На нем мы видим слона, несущего на подушке княжескую корону (то же самое было выбито и на печати). Слон указывал на африканское происхождение обладателей герба,

¹ Паина Э. С. Об обстоятельствах отставки А. П. Ганнибала// Пушкин: Исследования и материалы. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. IV, с. 413.

Оглавление

От автора	3
«Поедем, я готов...»	4
Как путешествовали в старину	10
Музей литературных героев А. С. Пушкина и дорожного быта России	29
«Вот мчится тройка удалая...»	44
По дорогам дедов на родину Арины Родионовны	57
Бабушка и няня	77
Домик Арины Родионовны и ее сказок	107
Музей на земле предков	129
Последние годы в Суйде	156
«Если ехать вам случится...»	180
Литература	186

Нина Ивановна Грановская

„Если ехать вам случится...“

Заведующая редакцией А. М. Березина

Младший редактор И. А. Ботузова

Художественный редактор А. К. Тимошевский

Художник Н. И. Абрамов

Фотограф В. П. Мельников

Технический редактор И. Г. Сидорова

Корректор З. А. Ривкина

ИБ № 4892

Сдано в набор 11.07.89. Подписано к печати 04.11.89. М-18301. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. обычн. нов. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,40 + вкл. Усл. кр.-отг. 10,33. Уч.-изд. л. 9,58. Тираж 100 000 экз. Заказ № 147. Цена 70 коп.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Грановская Н. Домик станционного смотрителя// Литературная газета, 1972, 18 окт.

Козлова Л. Домик няни в Кобрине// Гатчинская правда, 1974, 3 июля

Холщевникова Е. «Что за прелесть эти сказки!»// Ленинградская правда, 1974, 3 июля

Швецова Е. «Ах, няня, няня...»// Ленинградский рабочий, 1975, 6 сент.

Герасимов А. Только что открыта «Подруге дней его суровых»// Ленинградская правда, 1977, 12 июня

Савельев И. История одной загадки// Неделя, 1982, № 45

Гранин Даниил. Отец и дочь: О повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель»// Литературная Россия, 1983, 14 янв.

Грановская Н. «Наперсница волшебной старины»// Вперед, 1983, 4 июня

Мадисон В., Смирнова О. Домик пушкинской сказки// Вперед, 1984, 5 июля

Ильина М. «Женщины в русских селеньях»// Ленинградская правда, 1984, 6 июня

Горчакова Э. Поклон крестьянке// Советская Россия, 1984, 14 окт.

Ганшин В. В гости — к Арине Родионовне// Смена, 1985, 10 февр.

Гордин А. Загадка старого портрета// Ленинградский рабочий, 1985, 10 февр.

Горскова Н. «Если ехать вам случится»// Вперед, 1986, 18 янв.

Грановская Н. Как помочь Суйде?// Вперед, 1987, 13 окт.

Бурлаков А. Когда кончается праздник// Гатчинская правда, 1988, 25 мая

Бурлаков А. Забвению не подлежит// Гатчинская правда, 1988, 20 июля

ф. 1289, оп. 1, ед. хр. 443, 1830 г. О новой почтовой таксе
ф. 1405, оп. 1, ед. хр. 5167, 1803 г. О разделе имения Ганнибалов

ф. 1343, оп. 19, ед. хр. 617, 1842—1843 гг. Дело о дворянстве Ганнибалов

ЛГИА:

ф. 1543, оп. 6, ед. хр. 7, 1834 г. Формулярные списки чиновников и служащих почтовых контор

ф. 19, оп. 113, ед. хр. 60, 1801 г. Клировые ведомости церкви Софийского уезда

ф. 19, оп. 12, ед. хр. 811, 1830 г. Клировые ведомости церкви Царкосельского уезда

ф. 19, оп. 112, ед. хр. 242, 1773—1774 гг. Исповедальные росписи церкви Воскресения села Суйды

ф. 19, оп. 112, ед. хр. 324, 1784—1785 гг. Исповедальные росписи по Царкосельскому уезду

ф. 19, оп. 112, ед. хр. 488, 1801—1803 гг. Исповедальные росписи по Царкосельскому уезду

ф. 19, оп. 112, ед. хр. 853, 1830 г. Исповедальные росписи по Царкосельскому уезду

ГАПО:

ф. 74, оп. 1, ед. хр. 70, 1782 г. Дело о предполагаемой продаже деревень О. А. Ганнибала

ЦГАДА:

ф. 248, оп. 3, ед. хр. 83, 1716 г. Дело об ограблении... арапа Алексея Петрова, брата Абрама Петровича Ганнибала

ф. 274, оп. 3, ед. хр. 6013, 1765 г. План двора генерал-аншефа господина Ганнибала

ф. 1328, оп. 5, ед. хр. 493, 1746—1857 гг. Геометрический специальный план... мызы Суйды...

Лбовский А. Под сенью вековых деревьев// Ленинградская правда, 1954, 5 июля

Козлов В. Когда родился прадед А. С. Пушкина// Неделя, 1969, № 44

Грановская Н. Новое в Пушкиниане// Псковская правда, 1969, 10 сент.

Шалина Е. Дом станционного смотрителя// Вечерний Ленинград, 1970, 25 июля

Ежелев А. Заповедный уголок// Известия, 1972, 7 окт.

Холщевникова Е. В гостях у Самсона Вырина// Ленинградская правда, 1972, 15 окт.

Ивачев В. Осень в Пушкинских Горах// Литературная Россия, 1972, 13 окт.

Бангыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836

Вегнер М. Предки Пушкина. М.: Советский писатель, 1937

Ганнибал А. Ганнибалы: Новые данные для их биографии// Пушкин и его современники. Пг., 1914. Вып. XIX—XX

Гастфрейнд Н. Письма Абрама Ганнибала. СПб., 1904

Гельбиг. Русские избранные и случайные люди// Русская старина, 1986, № 4

Глинка В. М. Еще раз об изображениях прадеда Пушкина Абрама Ганнибала// Панорама искусств, 1965, № 6

Лихачев Д. С. Поэзия садов. Л.: Наука, 1982

Лукомский В. К. Печать с гербом Ганнибала// Русский библиофил, 1911, № 8

Люблинский П. И. Из семейного прошлого предков Пушкина// Литературный архив. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. I

Малеванов Н. А. К биографии А. П. Ганнибала// Пушкин: Исследования и материалы. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. IV

Малеванов Н. А. Прадед поэта// Звезда, 1974, № 6

Модзалевский Б. Л., Муравьев М. В. Пушкины: Родословная роспись. Л.: Изд-во АН СССР, 1932

Паина Э. С. Об обстоятельствах отставки А. П. Ганнибала// Пушкин: Исследования и материалы. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. IV

Прянишников Е. А. Новый документ об Абраме Петровиче Ганнибале и его семье// Из коллекции русских книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М.: Изд-во МГУ, 1981

Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Ч. II. СПб., 1872

Телегова Н. К. Ганнибалы — предки Пушкина// Белые ночи. Л.: Лениздат, 1978

Телегова Н. К. Забытые родословные связи А. С. Пушкина. Л.: Наука, 1981

Хмыров М. Д. Исторические статьи. СПб., 1873

Хохлов Н. Присяга просторам. М.: Детская литература, 1973

ЦГИА:

ф. 1350, оп. 312, ед. хр. 128, 1777—1800 гг. Экономические примечания к Софийскому уезду

ф. 1289, оп. 15, ед. хр. 304, 1805 г. План и фасад Софийского почтового дома

ф. 1289, оп. 1, ед. хр. 697, 1843 г. Планы и фасады на постройку казенных домов для почтовых станций

ф. 1289, оп. 1, ед. хр. 173, 1808 г. Обезостановочном отпуске почтовых лошадей отличным путешественникам

Азадовский М. К. Литература и фольклор. Л.: Гослитиздат, 1938

Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе А. Арне. Л., 1929

Афанасьев А. Н. Древо жизни. Избранные статьи. М.: Современник, 1983

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: В 3 т. М.: Наука, 1984—1985

Берг Н. В. Сельцо Захарово// Москвитянин, 1851, № 9-10. Ч. III

Благово Д. Рассказы моей бабушки Е. П. Яньковой. М., 1855

Грановская Н. И. Рисунок Пушкина. Портреты Арины Родионовны// Временник Пушкинской комиссии. Л.: Наука, 1973

Домик няни в Кобрине// Временник Пушкинской комиссии. Хроника. Л.: Наука, 1977

Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Художественная литература, 1974

Новикова А. Н. Русская поэзия XVIII — первой половины XIX века и народная песня. М.: Просвещение, 1982

Новонайденный автограф Пушкина/ Подготовка текста статьи и комментарии В. Э. Вацуро и М. Н. Гиллельсона. М.—Л.: Наука, 1968

Проп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1974

Пушкин А. Ю. Для биографии Пушкина// Москвитянин, 1852, № 2411. Кн. 2. Ч. IV

Пуцин И. И. Записки о Пушкине. М.: ГИХЛ, 1956

Русские народные песни: Мелодии и тексты. М.: Музыка, 1983

Сказки Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1976

Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области, записанные Владимиром Бахтиным. Л.: Лениздат, 1982

Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Л.: Наука, 1971

Ульянский А. И. Няня Пушкина. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1940

Хомяков Евграф. Забавный рассказчик, повествующий разные истории. М., 1771

Шкловский В. Матвей Комаров — житель города Москвы. Л., 1929

Анучин Д. Н. А. С. Пушкин: Антропологический эскиз. М., 1899

- Вигилев А. Н.* История отечественной почты. М.: Связь, 1977
- Вигилев А. Н.* У истоков русской почты// Советский коллекционер, 1968, вып. 6
- Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. III. Ч. I, Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1851
- Вяземский П. А.* Записные книжки. 1813—1848. М.: Изд-во АН СССР, 1963
- Герасов Г. В.* Путевые записки по многим российским городам. СПб., 1828
- Домик станционного смотрителя: Музей дорожного быта начала XIX века. Л.: Лениздат, 1974
- Жегалова С. К.* Русская народная живопись. М.: Просвещение, 1984
- Избранные сочинения кавалерист-девицы Н. А. Дуровой. М.: Московский рабочий, 1983
- Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. М.: Советская Россия, 1983
- Карлова Е. Л., Скропышева В. Г.* К вашим услугам — почта. Л.: Лениздат, 1985
- Корнилова А. В.* Картинные книги. М.: Детская литература, 1982
- Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979
- Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских. СПб., 1853
- Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени. М.: Наука, 1983
- Путешествие в Петербург Аббата Жоржеля в царствование императора Павла I. М., 1813
- Российский Почт-календарь с показанием расстояния между собою всех городов Российской империи. СПб., 1800
- Сатаров В. А., Гойлман П. В.* По следам литературного героя// Ленинградская панорама, 1987, № 10
- Соколова Т.* Очерки по истории художественной мебели XV—XIX веков. Л.: Советский художник, 1967
- Список населенных мест по сведениям 1862 года. Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1864
- Старый Петербург: Историко-этнографические исследования. Л., 1928
- Тарле Е. В.* Северная война. М.: Изд-во АН СССР, 1958
- Тюна И.* Притча о блудном сыне в контексте «Повестей Белкина» как художественного целого// Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1983
- Юхнева Н. В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л.: Наука, 1984

ЛИТЕРАТУРА

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.: Изд-во АН СССР, 1937—1949

Сочинения Пушкина: В 7 т. Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855—1857

Пушкин А. С. Собрания сочинений. Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова. Т. I—VI. Изд. Брокгауза — Ефрона. СПб., 1907—1915

Пушкин А. С. Путеводитель по Пушкину// *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 6 т. М.—Л., 1931. Т. 6

Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л.: Academia, 1935

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1977

Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1967

Бродский Н. Л. А. С. Пушкин. М., 1937

Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина. 2-е изд. СПб., 1910

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л.: Просвещение, 1980

Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1951

Андроников И. Л. К музыке. М.: Советский композитор, 1975

Афанасьева З. Дом станционного зрителя// В мире книг, 1975, № 8

Балдина О. Русские народные картинки. М.: Молодая гвардия, 1972

Берковский Н. Я. Статьи о литературе. М.—Л.: Гослитиздат, 1962

Бобровский П. О. Завоевание Ингрии Петром Великим. СПб., 1891

Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. М.: Наука, 1974

родцы и родные Арины Родионовны. Здесь отпевали русских воинов, павших в Северной войне. В землю погоста давно скрылась, ушла плита Ганнибалова надгробия, таящего разгадку — кем был один из предков поэта по материнской линии — негром, мавром, эфиопом? Когда родился Ганнибал? Какая была на могильной плите надпись, эпитафия?

Надо помочь пушкинской заповедной земле возродить и сберечь памятники нашей культуры.

В незавершенном стихотворении 1830 года великий русский поэт говорит:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как пустыня
И как алтарь без божества.

В рукописи второе четверостишие первоначально читалось:

На них основано от века
По воле бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Супруги, не будучи похоронены рядом, оба покоились в одном и том же поместье под Петербургом — Абрам Петрович на суйдинском, а Христина Матвеевна на кобринском кладбище.

В конце XIX века академик Д. Н. Анучин предпринял розыски могилы А. П. Ганнибала. В уже цитированной статье он сообщал сведения, переданные ему настоятелем новой Воскресенской церкви Алексеем Быстрыковым: «...на местном кладбище, действительно, находится могила Ганнибала, но от времени плита давно вросла в землю, и отыскать ее теперь трудно... старая церковь за ветхостью разобрана в 1845 году, и в то же время имевшиеся документы все или похищены, или уничтожены».

Здесь же в отношении нового храма в селе Воскресенском Анучин писал: «Сохранились в церкви только 12 книг минеи месячной, в которых по листам сделана скрепа такого содержания: „1775 года июля 21 дня Его Высочайшего превосходительства господин Генерал Аншеф и разных орденов кавалер Абрам Петрович Ганнибал в Суйдовской мызе в церковь Воскресения Христова вкладу дал сию книгу, именуемую месячною минеею”».

Эти книги, возможно с автографом Абрама Петровича, до нас не дошли. Остатки же суйдинского церковного архива погибли уже в наше время вместе с самой Воскресенской церковью — при пожаре 1964 года.

Наше путешествие закончилось у могилы А. П. Ганнибала. Тот, кто пройдет и проедет по старой дороге, мимо Суйды, вероятно, остановится у гранитного надгробия¹. Памятник находится на месте древнего погоста. Здесь некогда стояла старинная «колокольня на столбах». Ее «благовестные» и «всполошные» звоны разносились по всей округе. Их слушали предки Пушкина — новго-

¹ Тысячи паломников, и среди них потомки Пушкина и его прадеда Ганнибала, возлагают цветы к этому надгробию в день традиционного областного Пушкинского праздника, ежегодно отмечаемого на гатчинской земле.

Есть сведения, что А. П. Ганнибал погребен в самой церкви. (Она находилась при его имении, дом для священнослужителей, содержание всего причта были «от помещика»).

Но еще при Петре I по изданному указу запрещалось хоронить внутри церквей. О невозможности захоронения внутри говорит и описание церкви в «Клировых ведомостях». Она была небольшой, имеющей всего «один престол».

Но о том, что будто бы и Абрам Петрович, и Христина Матвеевна похоронены вместе в самой церкви, есть следующие свидетельства. «Похоронен он вместе со своей супругой в церкви своего главного имения Суйда Софийского уезда», — это говорит «Немецкая биография». То же утверждал о погребении родителей и сын Абрама Петровича Петр, впоследствии писавший: «...по отставке жили в купленной отцом моим деревне... Ингерманланде, в мызе Суйде, где и погребены в оной церкви, при селе находящейся»¹.

Эти утверждения нельзя считать правильными. Жена Ганнибала, прабабушка поэта Христина Матвеевна, урожденная Шеберг, была лютеранкой и вместе с мужем на суйдинском погосте погребена быть не могла.

А. И. Ульяновский в своей книге «Няня Пушкина» писал: «Абрам Петрович был погребен в Суйдинской церкви или при ней». Что же касается прабабушки поэта, Ульяновский отмечал: «Христина Матвеевна была лютеранкой, Суйдовскую церковь никогда не посещала, поэтому можно предполагать, что она похоронена была на кобринском лютеранском кладбище».

Ошибка, а вернее, неточность, допускаемая «Немецкой биографией» и сыном Абрама Петровича Петром Абрамовичем, объясняется тем, что в поместье Ганнибалов находились православная церковь и лютеранская кирха.

¹ Телегова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина, с. 156.

лом Хотчином Дятловского погоста, бывшим, как и Никольский Суйдинский погост, одним из форпостов Новгорода Великого.) Позднее, в конце XVIII века и в XIX веке, старой дорогой, проходившей мимо Суйды, пользовались путешественники, когда ездили на «долгих» и «вольных» лошадях. Они проезжали мимо церкви и могилы Ганнибала.

Сохранилось описание Суйдинской церкви. Уже было сказано, что в XV веке здесь стояли Никольский Суйдинский погост и монастырь с церковью «Велики Никола». Восстановленный в 1718 году П. М. Апраксиным на том же месте храм издавна состоял из двух построек — самой церкви и колокольни. Как выглядели они в пушкинское время? В «Клировых ведомостях церквей» за 1830 год читаем: «Церковь Воскресения Христова, что в селе Суйде... построена в 1718 году, зданием деревянная, колокольня особая на столбах, как церковь так и колокольня ветхие»¹.

Существовало мнение, что церковь, стоявшая здесь на древнем погосте, была разобрана в 1850-х годах и перенесена в село Воскресенское, где заново отстроена с сохранением не только названия, но и прежней архитектуры. (Воскресенская церковь, сгоревшая в 1964 году, воспроизведена во многих изданиях.) На самом же деле это было не так. «Клировые ведомости» свидетельствуют, что Суйдинская церковь с давних времен имела отдельно стоявшую «колокольню на столбах».

Церковь и колокольня в Суйде должны были иметь совсем иную архитектуру, чем построенная в середине XIX века церковь в селе Воскресенском. Известно, что колокольни на столбах, на особых фундаментах появились на Руси в конце XV века. Суйдинская церковь была отстроена П. М. Апраксиным в 1718 году, а каменная колокольня могла стоять с более давних времен.

¹ ЛГИА, ф. 19, оп. 113, ед. хр. 811.

культуры по инициативе гатчинского краеведа Ангелия Николаевича Лбовского. Благодаря его разысканиям (ему помогли старожилы, помнившие расположение могил и фундаменты старых церковных построек) тогда было определено место захоронения А. П. Ганнибала¹. Пржнее, более скромное надгробие имело надпись:

Здесь похоронен
прадед А. С. Пушкина
Абрам Петрович
ГАННИБАЛ,
выдающийся русский математик,
фортификатор и гидротехник
1697—1781

Между церковью и мызой Суйда и прежде проходила старая дорога, которая связывала города и погосты Водской пятины с Новгородом, а уже позднее, по постройке Петербурга, — и с новой столицей. Главная почтовая дорога через Порхов и Псков (белорусское направление) была построена в конце XVIII века. Она пролегла правее, через Гатчину. (В старину Гатчина называлась се-

¹ В суйдинском музее собраны предания о могиле А. П. Ганнибала, записанные от местного населения директором музея А. В. Бурлаковым. Столетняя Анна Семеновна Шарапенкова передает рассказ своей бабушки о похоронах «черного барина» и вспоминает огромную каменную плиту — могилу «черного арапа». По другому преданию, будто бы уже в наше время на кладбище был найден в земле старинный чугунный крест с надписью: «Ганнибал А. П.». По рассказу старейшей жительницы Суйды Варвары Константиновны Блек (1899—1986), «до революции... на старом кладбище, прямо против часовни, в зарослях кустов лежала покрытая мхом огромная развалившаяся плита с надписью — Ганнибал». Другие слова на плите она не запомнила.

О суйдинском кладбище вспоминал писатель Борис Семенов (он посетил Суйду в 1937 году вместе с группой ученых Пушкинского дома): «Недалеке за пределами усадьбы сохранилось старое неухоженное кладбище с черными чугунными крестами и гранитными надгробиями. Здесь долго бродили мы, читая вполне еще разборчивые и трогательные эпитафии...» Могилы А. П. Ганнибала тогда уже нельзя было найти, она глубоко ушла в землю.

*Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил...*

А. С. Пушкин. Дорожные жалобы

*Уважение к минувшему — вот черта,
отличающая образованность от
дикости...*

А. С. Пушкин. Наброски статьи
о русской литературе. 1830

„Если ехать вам случится...“

На небольшом расстоянии от бывшей мызы Суйда до недавнего времени еще сохранялись фундамент Суйдинской церкви, древний земляной вал и старые захоронения. Здесь «у самой церкви или внутри нее» погребен был в 1781 году прадед Пушкина А. П. Ганнибал.

Сейчас на этом месте открытое поле, через него проходит дорога, и стоит вблизи дороги гранитная стела с полустершейся надписью:

ГАННИБАЛ
Абрам Петрович,
генерал
Русской армии,
прадед
А. С. Пушкина
1697—1781

Памятник поставлен в сентябре 1971 года (архитектор М. Н. Мейсель). Это уже второе современное надгробие на могиле Ганнибала. Первое, в виде обелиска, было установлено в 1954 году областным управлением

По рассказам Ксении Яковлевны Коротовой (правнучки Федора Павловича и Марии Вениаминовны Коротовых), вещи из имения Ганнибалов Петровское еще в начале XX века находились на хуторе у ее бабушки, в усадьбе Заречье, на чердаке. Она помнила «книги, сложенные в ящиках», и что они «были переплетены в пожелтевшую, потрескавшуюся кожу с золотым тиснением...», вспоминала «громадный кожаный сапог», который «принадлежал Петру I и каким-то образом попал к нашему предку Абраму Петровичу Ганнибалу», помнила и «старинный обитый кожей сундук с книгами» (возможно, сундук прадеда поэта, упоминаемый в «расходных» документах Петра, сохранный Ганнибалом вместе с царским сапогом) и многое другое. Вещи эти, по словам Ксении Яковлевны, пропали при пожаре в усадьбе. Были еще у Коротовых прежде и две печати Ганнибалов. Одна из них, с инициалами Петра Абрамовича, не сохранилась. Но самая ценная, с гербом Ганнибалов, принадлежавшая самому Абраму Петровичу, была 20 июня 1969 года передана К. Я. Коротовой в Пушкинский дом.

Если бы после кончины Ивана Абрамовича движимое имущество Ганнибалов было разделено между братьями иным образом и досталось бы Осипу Абрамовичу, то самая ценная часть наследства — архив и библиотека отца, — возможно, могла бы сохраниться. Они оказались бы в селе Михайловском и в годы ссылки попали бы в распоряжение Пушкина. Но поэт получил от Ганнибалов лишь немногие документы, в том числе копию письма Екатерины II Абраму Петровичу, да его «Немецкую биографию».

напечатано сенсационное сообщение: «...в селе Заречье Новоржевского уезда, у дворянина Владимира Федоровича Коротова нашлись бумаги о Ганнибалах». Это были письма Екатерины II к Абраму Петровичу и Ивану Абрамовичу. «Бумаги» тогда же поступили в Псковский археологический музей.

Только в 1969 году обнаружилась еще часть архива Ганнибалов. Она оставалась у дочери В. Ф. Коротова Марии Владимировны, а затем была сохранена ее гувернанткой Т. В. Ягиной. Документы вначале поступили в Государственную публичную библиотеку, позднее же переданы во Всесоюзный музей А. С. Пушкина. Среди семейных бумаг Ганнибалов оказались ранее нигде не публиковавшееся письмо Абрама Петровича сыну Петру, письмо Павла I И. А. Ганнибалу, документ, связанный с разделом имущества между наследниками, — «Объявление в Санкт-Петербургской опекунской совет», завещание В. П. Ганнибала и другие материалы.

Но ценная часть движимого имущества — библиотека, золотые медали (награды Ганнибала), инженерные инструменты и прочее — до нас не дошла. Столь важную часть архива, как «Жалованная грамота» императрицы Елизаветы на Михайловскую губу, Коротовы просто не захватили с собой. Она сохранилась у соседей по Петровскому — Княжевичей — и позднее была передана ими в Пушкинский дом.

Помогли выяснить судьбу наследства Ганнибалов документы Центрального государственного исторического архива Ленинграда. Здесь нашлись новые документы о Коротовых¹. Они помогли отыскать их потомков, ныне живущих в Ленинграде. Это позволило в какой-то степени проследить судьбу отдельных вещей, библиотеки и архива Ганнибалов.

¹ Грановская Н. Новое в Пушкинине. — Псковская правда, 1969, 10 сент.

Суйду, и дом в Петербурге с молотка. (Имение купил коллежский ассессор В. В. Цыгорев.)

По иронии судьбы все свершилось по-иному, не так, как надеялся старик Ганнибал, завещавший: «...а останется хоть один брат, то наследовать всеми теми недвижимыми имениями брату их родному, поступая по наследственной линии по порядку старшинства, дабы означенные недвижимые имения никогда не выходили из рода Ганнибалов... дабы никто, у кого ж имения во владении будут, не имел отнюдь власти... ни продать, ни заложить... по сему моему завещанию...»

Особо ценное движимое имущество (что не было продано с молотка) Петр Абрамович увез в Псковскую губернию. Известно, со слов его брата Осипа, что здесь была «отцовская библиотека, целый ящик золотых медалей», «физические и механические инструменты», «мебели». По смерти же и Петра Абрамовича (1826) Петровское унаследовал сын его Вениамин Петрович (1780—1839). Затем все перешло к его наследникам. Ими стали не только Ганнибалы, но и Коротовы.

Вениамин Петрович не был женат, но имел от своей крепостной незаконнорожденную дочь Марию, ее он выдал в 1826 году замуж за поручика Псковского пехотного полка Федора Павловича Коротова.

В. П. Ганнибал завещал внукам от Марии, своим «крестным детям», все движимое имущество, а недвижимое — имение, — по закону переходило прямым наследникам. Таким образом, многое ценное, что наполняло дом в Суйде, а затем и в Петровском (библиотека Ганнибала, архив, предметы быта), перешло к Коротовым. Завещанное наследство они после смерти Вениамина Петровича вывезли из Петровского в село Заречье Новоржевского уезда, заранее для них купленное. Судьба архива Ганнибалов долго оставалась неизвестной. Но в преддверии столетия со дня рождения А. С. Пушкина в «Псковских губернских ведомостях» от 13 июля 1896 года было

возраста здесь, видимо, ошибка или описка. В «Немецкой биографии» Ганнибал скончался на 93-м году жизни. У Пушкина в примечании к первой главе «Евгения Онегина» — «умер... на 92 году от рождения». Ясно, что Абрам Петрович ушел из жизни глубоким стариком.

Дети А. П. Ганнибала после его смерти поступили вопреки воле отца. Они поделили наследство на основании существовавшего закона, и так, как это было выгодно большей части наследников. Петр, Осип и Исаак разделили между собой Михайловскую губу, ничего не выделив в ней старшему брату Ивану. Ему были отданы только Суйда да дом в Петербурге. Младшие сыновья оставили за собой и все поместья под Петербургом, однако владели ими недолго. Осип Абрамович, дедушка поэта, удалился на Псковщину и поселился в селе Михайловском, доставшемся ему по раздельной (под Петербургом его поместья Кобрино и Руново перешли по указу императрицы 1784 года малолетней дочери Надежде. В 1800 году эти имения Марией Алексеевной были проданы). Уже в 1786 году Исаак Абрамович продал мызу Тайцы с деревнями и поселился на Псковщине, в селе Воскресенском. Дольше братьев владел мызой Елицы Петр Абрамович. У него здесь жили сестра Софья с мужем Адамом Роткирхом. Мыза находилась недалеко от Суйды. Но в 1792 году и он продал елицкие земли и также уехал на Псковщину, в село Петровское. Один Иван Абрамович остался покорен отцовской воле. Еще более двадцати лет живет он «по большей части в Суйде», как писал Пушкин. Он любил это поместье, расположенное так близко от столицы; продолжал его благоустраивать, отремонтировал старую Суйдинскую церковь, любил принимать в Суйде гостей. Его здесь навещал А. В. Суворов. Иван Абрамович был хранителем наследия отца: его архива, библиотеки, движимого имущества — всего, что находилось в Суйде и в Петербурге. После его смерти братья, к этому времени запутавшиеся в долгах, продали в 1805 году и

большой любовью, требует, чтобы при ее жизни дети имения не делили и оставляли бы их во владении матери: «...всем движимым и недвижимым по смерти моей имением владеть и доходами пользоваться супруге моей Крестине Матвеевой дочери, доколе она здравствовать будет беспрепятственно, не отделяя себе однако ж ни единые души в седьмую часть, и при жизни детям моим во владение назначиваемого не вступить, когда же по власти всевышнего и она отыдет от сего света, тогда уж детям моим во владение вышепредписанного вступать... всию то разделить сыновьям нашим между собою по-любно...»¹

Но Христина Матвеевна умерла раньше Абрама Петровича. В «Немецкой биографии» сказано, что он всего на один день пережил свою супругу. На самом деле Абрам Петрович скончался почти через два месяца. Видимо, он тяжело переживал смерть верной подруги жизни, с которой прожил полвека.

После смерти Христины Матвеевны Иван Абрамович писал из Петербурга своему брату Осипу Абрамовичу 25 марта 1781 года: «Мать нашу мы похоронили, отец весьма болен и слабеет ежечасно, так что жизнь его в опасности и надежды никакой нет; все наши домашние там находятся...»²

Абрам Петрович Ганнибал умер, согласно записи об умерших в метрической книге Воскресенской Суйдинской церкви, 14 мая 1781 года от «главной» болезни. В записи сказано: «...отставны генерал-аншеф Абрам Петрович 98 лет... исповедан и пращищен 9 мая еще»³. В указании

¹ См. полный текст завещания А. П. Ганнибала и подробный комментарий к нему в кн.: *Телегова Н. К.* Забытые родственные связи А. С. Пушкина, с. 151—157.

² Ганнибал А. Ганнибалы: Новые данные для их биографий// Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. XIX—XX. Пг., 1914, с. 289.

³ *Ульянский А. И.* Няня Пушкина, с. 89.

бе... и кому из них каким движимым и недвижимым имением владеть по сей духовной определяю, тому оным навсегда и довольну быть».

Ивану — старшему в роде — отец оставлял пожалованную «от ее императорского величества в вечное и потомственное владение Псковской губернии — Михайловскую губу с принадлежащими к ней усадьбами и деревнями, да присовокупленную мною в Ингерманландии в Копорском уезде мызу Суйду со всеми к оной мызе принадлежащими деревнями, что в них имеется мужеска и женска пола душ».

Сверх того Ивану отец оставлял каменный дом в Петербурге; он должен был распорядиться и капиталом, распределить его между наследниками.

Далее в завещании говорится об остальных трех сыновьях по старшинству:

«Петру присовокупленные же мною в Ингерманландии в Копорском уезде мызу Елицы с принадлежащими ко оной деревнями;

Иосифу в Ингерманландии в Копорском уезде мызу Руново, с деревнями, что в них состоит мужеска и женска пола душ;

Исааку в той же Ингерманландии в Копорском же уезде мызу Тайцу со всеми к ней принадлежащими деревнями, что в них состоит мужеска и женска полу душ...»

О дочерях в завещании говорится: «Дочери моей девице Софье даю из движемого имения пять тысяч рублей, до недвижимого ж ни чего ей дела нет, — а вдовствующей дочери моей Елизавете Пушкиной и замужней дочери ж моей Анне Нееловой до движемого и недвижимого моего имения совсем дела нет. Понеже они от меня выданы в замужество с довольным награждением».

Завещание А. П. Ганнибала было необычно и тем, что по его смерти права вдовы — Христины Матвеевны — не должны были ограничиваться только седьмой частью наследства, ей полагавшейся. Ганнибал говорит о жене с

а корона — на то, что предки их были князьями¹. Такой неутвержденный фамильный герб украшал личные печати Абрама Петровича и позднее — его сыновей.

В июле 1776 года, за несколько лет до своей кончины, А. П. Ганнибал составил завещание, по которому наследники должны были разделить между собой его владения и имущество. Он был строгим и требовательным отцом и надеялся на послушание. Абрам Петрович считал себя примером для сыновей в домашней жизни, успехах по службе и весьма плодотворной хозяйственной деятельности.

Арапчонок-барабанщик, а затем денщик у царя Петра, он в конце жизни достиг высокого положения, стал генерал-аншефом и имел состояние вельможи. Абрам Петрович хотел, чтобы и сыновья его, жизненный путь которых не был столь труден благодаря отцу, также стремились сделать карьеру, приумножить состояние и еще более укоренить свой род — род Ганнибалов. Как «знатные люди», имеющие княжеский герб, сыновья, по мысли отца, должны были служить и владеть поместьями под Петербургом. Абрам Петрович, приобретя к концу жизни уже несколько богатых имений, оставлял после себя 1400 крепостных душ и еще 60 тысяч рублей деньгами. Но, верный последователь петровских преобразований, Ганнибал пожелал распорядиться своими имениями в Псковской губернии и в Ингерманландии, следуя закону о майоратстве, по которому главные родовые имения должен был наследовать всегда старший в роде по мужской линии (закон этот, введенный Петром I, был отменен уже в 1731 году). Таким образом Абрам Петрович надеялся сохранить навечно главные имения в роду Ганнибалов, рассчитывая на то, что отцовская воля должна быть выполнена.

В завещании он писал о сыновьях: «...желаю, чтобы по смерти моей находились в непременной братской друж-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1343, оп. 19, ед. хр. 617.

Внутренний вид почтовой станции.

Рис. К. А. Зеленцова. 1820-е гг.

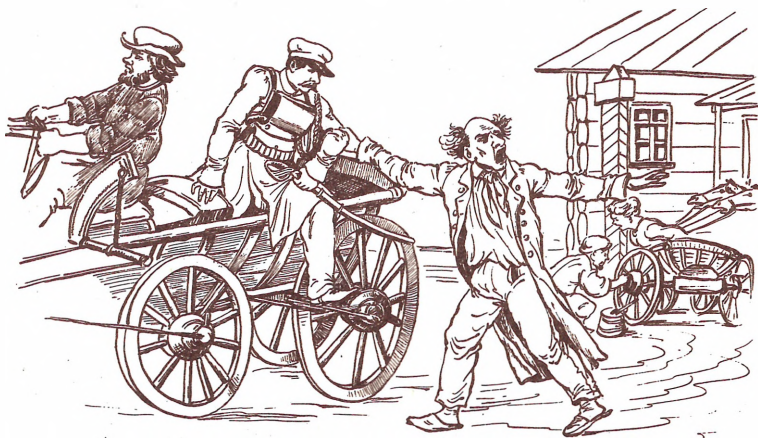

Фельдъегерь.

Картина неизвестного художника с рис. А. Орловского. 1820-е гг.

«С подорожной по собственной надобности».
Копия А. Ф. Новикова с рис. П. И. Челищева. 1830-е гг.

«Встреча фельдъегеря».
Копия А. Ф. Новикова с рис. П. И. Челищева. 1830-е гг.

РОМАНСЪ

Подъ вечеръ осенью ненастной
 Въ пустынныхъ дѣла шма зысакъ
 И тайно владѣ любви несчастной
 Асказалъ въ тебѣ тихихъ вѣсакъ,
 Все вышло тихо: лѣсъ и горы
 Все снало въ сумракъ ноченьки,
 Она внимательные взоры
 Водила съ ужасомъ кругомъ,
 И на невнятное семь творенье,
 Вдохнувъ оставила пѣть...
 Ты слышишь дитя мое мученье
 Не здѣсь горести моей
 Откоешь оны и тоскуи
 Не прилгнешь къ груди твоей
 Не встретишь завтѣя поцелуя
 Нещастной матери твоей!

Се манитъ манрасно вѣдѣть!
 Мнѣ вѣчнѣмъ стѣдѣ вина мокъ
 Меня на вѣкъ ты покидаешь...
 Но не забуду тебя я!
 Ддауть покровъ тебѣ чужой
 И скажутъ: ты для насъ чужой
 Ты спросишь: гдѣжь мои родные
 Или найдешь семьи родной
 Несчастны! вѣдѣшь грустной душой
 Тымътежь нажь другихъ дѣтей,
 И до конца съ душой урюмой
 Взирать на ласки матерей!
 Но всюду странникъ одинокой,
 Всегда судьбу свою кленя,
 Прости прости тогда меня!
 Ты слышишь! позволъ себе несчастной

Привать кърѣдѣ въ послѣдній разъ!
 Проступишь мой, твою рокъ ужасный
 Къ стрададанью осуждаешь насъ
 Пока эта не отогнали
 Невняной радости твоей,
 Сны милый горькѣя пѣчальи
 Не тронуть дѣтства тихихъ
 Дней! но вѣдѣшь за рошею осѣтлѣа
 Въ влѣни ей живишь зѣна!
 Вальда, тремешуца, уиѣтѣа
 Къ окни приближилась она
 Склонилась тихо положила
 Младенца къ живишь черной
 Со страхомъ очи отвратила
 И скрылась въ темнотѣ ноченьи

Иллюстрация В. В. Виткина от 1877 г.

В. Лы. П. А. Гурьевъ и С. С. Яковъ и М. С. Виткинъ

Лубочная картинка к народной песне на стихи А. С. Пушкина «Под вечер осенью ненастной». 1829

ПОХОЖДЕНИЕ ОНОСЕ

*Супчикъ мнѣ пошлѣй привалитъ. Бумага скворца налетѣтъ свирѣй бранитъ.
Варитъ, да едетъ, и такъ, морозъ, да стучитъ по крышѣ, и надъ крышей
Летѣтъ вѣтерокъ, и сердце изурядитъ, судъ изурядитъ. Ахъ, въ сѣбѣ,
Востану, да побѣдою, востану, да побѣдою, кабы не по донести, да по донести,
Но на догонитъ, морозъ, востану, да побѣдою, кабы не по донести, да по донести,
Казалъ, онъ зря, быль, а снѣгъ и бранитъ, Фрутъ морозъ, востану, да побѣдою, кабы не по донести,
Толкъ и заблѣтъ, поурядитъ, и такъ, морозъ, востану, да побѣдою, кабы не по донести,
Снѣгъ, да догонитъ, кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести,
Востану, да побѣдою, кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести.*

И СИЛЬНОМЪ МОРОЗЕ

*Пошелъ, какому табакъ бранитъ, вѣтерокъ, кабы не по донести, кабы не по донести,
Кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести,
Кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести,
Кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести,
Кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести,
Кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести,
Кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести,
Кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести, кабы не по донести.*

«Похождение о носе и сильном морозе».
Лубочная картинка. Конец XVIII в.

«Вырин у подъезда Минского». «Дуня на могиле отца».
«Иллюстрации М. В. Добужинского к повести «Станционный смотритель». 1905 г.

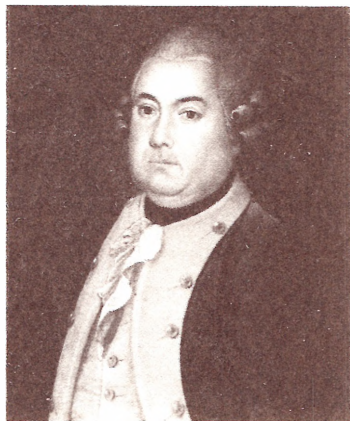
А. С. Пушкин.
Портрет работы О. А. Кипренского. 1827.
Холст, масло

Н. О. Пушкина.
Миниатюра на слоновой кости.
Ксавье де Местр. Начало 1800-х гг.

С. Л. Пушкин.
Рисунок К. Гампельна. 1824.
Итальянский карандаш и сангина

А. Ф. Пушкин. Прадед поэта.
Неизвестный художник. 1770-е гг.
Холст, масло

Арина Родионовна.
Предполагаемый портрет.
Неизвестный художник. 1820-е гг.
Холст, масло

Портреты Арины Родионовны
на рукописи А. С. Пушкина. 1828

Ганнибал
Абрам (Ибрагим) Петрович.
Предполагаемый портрет.
Неизвестный художник. Конец XVIII в.
Холст, масло

Ганнибал А. П.
Предполагаемый портрет.
Французская школа. Начало XVIII в.
Холст, масло

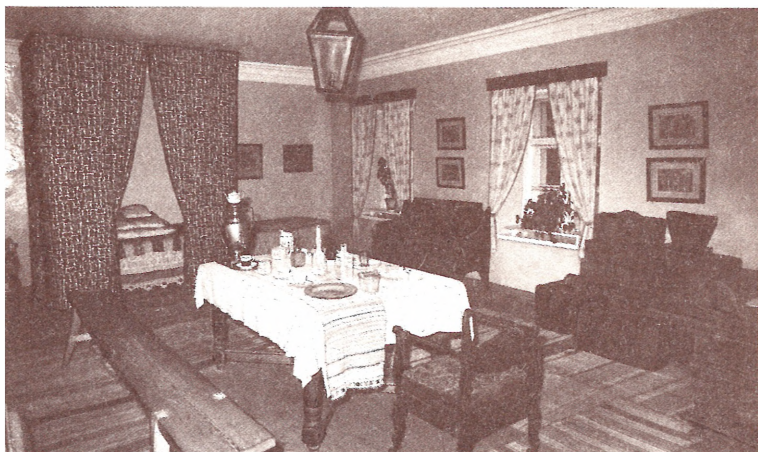
Почтовая станция Выра в XIX в.
Рис. С. П. Светлицкого

Музей «Дом станционного смотрителя»
Пушкинский кабинет ИРЛИ

«Ямщик, опирающийся на
кнутовище»

Портрет работы В. А. Тропинина.
1820-е гг. Холст, масло

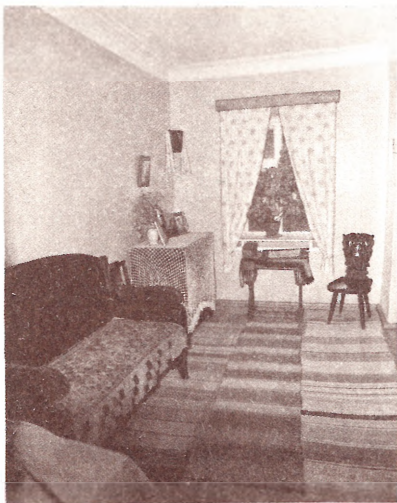

Дом станционного смотрителя. Чистая половина для проезжающих

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Дорожные вещи

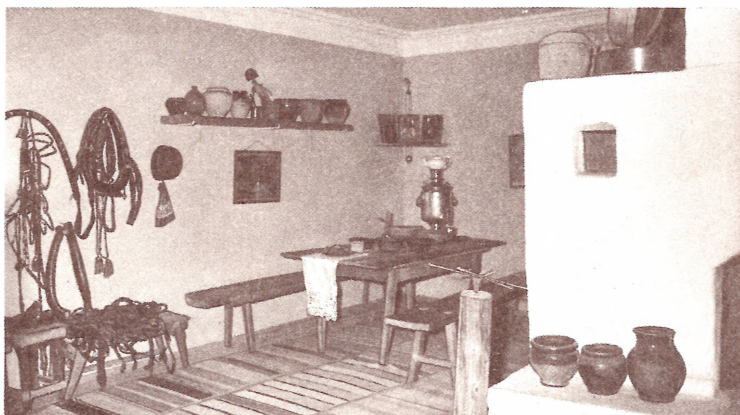

Уголок комнаты Дуни

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Старинный дорожный футляр для портрета.
Начало XIX в.

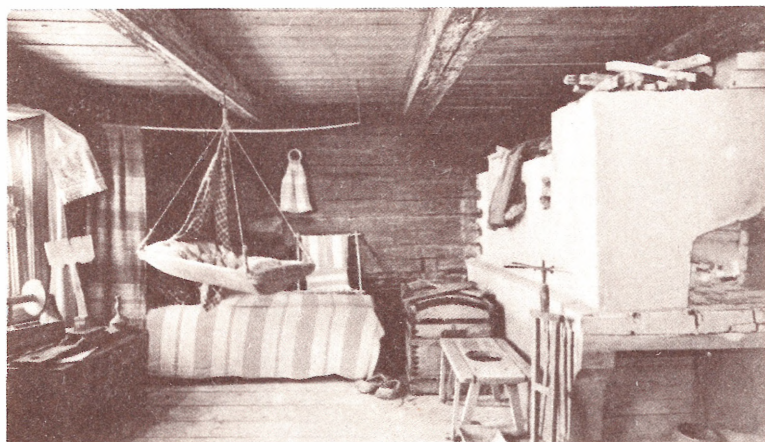

Ямщицкая половина

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Домик няни в деревне Кобринo

Домик няни. Горница

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Руновская мыза. Бывший дом Ганнибалов-Пушкиных

Суйда. Имение А. П. Ганнибала.
Рисунок С. П. Светлицкого

Суйда. Флигель на усадьбе

Часть экспозиции музея

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Скамья Ганнибала

Пруд в парке Ганнибалов

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Дуб Ганнибала

Надгробие А. П. Ганнибала.
Современный вид

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Музей «Дом станционного смотрителя» в деревне Выре открыт ежедневно, кроме понедельника и вторника, с 11 до 17 часов.

Электропоезда с Варшавского вокзала до ст. Сиверская, затем — автобусами № 500, 502 и 509 до деревни Выры.

Музей «Домик няни А. С. Пушкина» в деревне Кобринно открыт ежедневно, кроме понедельника и вторника, с 11 до 17 часов.

Электропоезда с Варшавского вокзала до ст. Прибыtkово.

Музей истории Суйды открыт по пятницам, субботам и воскресеньям с 11 до 17 часов.

Электропоезда с Варшавского вокзала до ст. Суйда.

Эта книга предлагает путешествие по пушкинским местам Гатчинского района Ленинградской области.

В деревне Выре вы сможете осмотреть «Дом станционного смотрителя» — Музей литературных героев А. С. Пушкина и дорожного быта России.

В деревне Кобрино вы словно побываете в гостях у Арины Родионовны, посетив «Домик няни А. С. Пушкина».

В Суйде вас ожидает встреча с прошлым этих мест. Бывшая усадьба Ганнибалов и Музей истории Суйды расскажут вам о предках А. С. Пушкина.